

ФРОНТ И ТЫЛ: ГЕОЛОГИ АКАДЕМИИ НАУК СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
ГЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЗНАНИЙ

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

COMMISSION ON HISTORY OF GEOLOGICAL KNOWLEDGE
AND GEOLOGICAL STUDY OF THE USSR

ORDER OF THE RED BANNER OF LABOUR
GEOLOGICAL INSTITUTE

ESSAYS ON THE HISTORY OF GEOLOGICAL KNOWLEDGE

Founded in 1953

Volume 28

FRONT AND REAR:
GEOLOGISTS
OF THE ACADEMY OF SCIENCES
OF THE USSR
DURING THE YEARS
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
of 1941—1945

Responsible editor

Corresponding-Member

of the Academy of Sciences of the USSR

V. V. TIKHOMIROV

MOSCOW "NAUKA" 1990

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ
И ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИЗУЧЕННОСТИ СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ
Основаны в 1953 году

Выпуск 28

**ФРОНТ И ТЫЛ:
ГЕОЛОГИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР
В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
В. В. ТИХОМИРОВ

МОСКВА «НАУКА» 1990

Фронт и тыл: Геологи Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны.— М.: Наука, 1990.— 217 с.— (Очерки по истории геологических знаний; Вып. 28).— ISBN 5-02-002080-X

В книге собраны воспоминания членов и сотрудников Академии наук СССР, участников боев во время Великой Отечественной войны. Приведены их фотографии.

Рецензенты: *Ю. Я. Соловьев, О. А. Соколова*

Редакционная коллегия:

член-корреспондент АН СССР *А. Л. Книппер* (главный редактор),
В. Г. Гербова, Ю. Б. Гладенков, В. А. Дриц

Reviewers: *Yu. Ya. Soloviev, O. A. Sokolova*

Editor *A. V. Kopp*

Editorial board:

Corresponding-Member of Academy of Sciences of the USSR

A. L. Knipper (Editor-in-Chief),

V. G. Gerbova, Yu. B. Gladenkov, V. A. Drits

Научное издание

ФРОНТ И ТЫЛ:

ГЕОЛОГИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Очерки по истории геологических знаний,
вып. 28

Утверждено к печати

Ордена Трудового Красного Знамени Геологическим институтом

Редактор *А. В. Копп*

Художественный редактор *И. Ю. Нестерова*. Технический редактор *И. В. Чудецкая*

Корректоры *Ф. И. Грушковская, Н. Г. Коваленко*

ИБ № 46909

Сдано в набор 9.04.90. Подписано к печати 20.09.90. Формат 60×90¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,5.

Усл. кр. отт. 13,63. Уч.-изд. л. 15,8. Тираж 1300 экз.

Тип. зак. 223. Цена 3 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва В-485 Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Ф $\frac{1401020000-354}{042(02)-90}$ 251-90 II полугодие

ISBN 5-02-002080-X

© Издательство «Наука», 1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большая Отечественная война, в которую был вовлечен советский народ, явилась тяжелейшим испытанием для всей нашей страны. С тех пор минуло свыше четырех десятилетий, подрастает уже второе послевоенное поколение и остается все меньше и меньше живых свидетелей. За истекшее время в памяти людей стали постепенно стираться тяжелые и героические детали пережитого.

Наша страна никогда не забудет советских воинов, которые остались лежать в братских могилах на полях сражений на территории не только СССР, но и других европейских стран. Среди геологов, ушедших на фронт из Академии наук СССР и не вернувшихся из боя, были всемирно известный исследователь метеоритов Л. А. Кулик, видный специалист по нерудным полезным ископаемым и в области региональной геологии Г. Э. Фришенфельд, вулканолог В. Ф. Попков, специалисты по изучению коры выветривания Ф. И. Рукавишников и И. И. Савельев, научные сотрудники В. К. Здравомыслов, Е. Н. Исаков, Л. И. Корчемкин, Н. П. Кузнецов, Н. В. Лазарев, А. А. Тимофеев, В. Л. Федоров, И. М. Шумило и целый ряд других.

Публикуемые в книге материалы характеризуют боевую деятельность геологов, воевавших в составе различных родов войск на самых разнообразных участках огромного фронта. В связи с этим объединить их воспоминания в какие-либо логически связанные группы представляется сложным, а потому статьи размещены в соответствии с алфавитным порядком фамилий либо автора воспоминаний, либо того лица, кому посвящен очерк. Логическим продолжением данного выпуска будет следующий — «Геологи Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны на трудовом фронте», посвященный тем из них, которые своим героическим трудом способствовали приближению общей победы.

Мы надеемся, что выход в свет книги «Фронт и тыл» явится стимулом для сбора аналогичных сведений о лицах, оказавшихся не включенными в данную книгу из-за недостатка необходимых материалов, и откроет возможность подобных публикаций в дальнейшем.

Данный сборник подготовлен советами ветеранов войны и труда московских геологических институтов АН СССР: Геологического (ГИН), геологии рудных месторождений, петрографии, мине-

ралогии и геохимии (ИГЕМ), литосферы (ИЛСАН). Активную инициативу в деле подготовки книги проявил доктор геолого-минералогических наук Л. Е. Штеренберг. Большую помощь в сборе материалов о сотрудниках Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии АН СССР оказала старший научный сотрудник Е. Д. Андреева. Редакционно-техническую работу по рукописи систематически осуществляла сотрудница Геологического института АН СССР Е. А. Сидякина. Всем им редакционная коллегия книги выражает искреннюю признательность.

В. В. Тихомиров

В. И. Данчев

НА ЛУЖСКОМ РУБЕЖЕ ОБОРОНЫ ВОЛХОВСКОГО ФРОНТА

В 1938 г. я окончил геолого-разведочный факультет Московского нефтяного института им. И. М. Губкина и был оставлен на кафедре петрографии осадочных пород в должности ассистента. Параллельно с учебой студенты занимались военной подготовкой и к моменту окончания получали звание младших лейтенантов-артиллеристов. В сентябре 1941 г. я должен был завершить работу над кандидатской диссертацией, тематика которой была связана с районами нефтяных месторождений Волго-Уральской области.

22 июня 1941 г. застало меня в Москве, 26-го я был включен в список добровольцев и 29-го по призыву МК ВКП(б) вместе с другими товарищами из предприятий Москворецкого района был отправлен на формирование под г. Солнечногорск. Палатки наши стояли на берегу оз. Сенеж. Через несколько дней Полк московских коммунистов (так он именовался) специальным эшелоном отбыл в Ленинград.

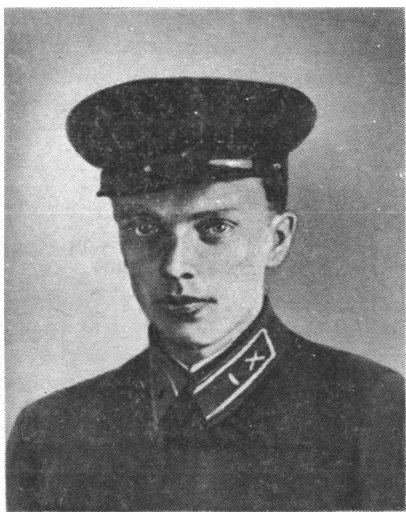
Впервые мы ощутили войну в пути: бомбежка эшелона, первые жертвы, разбитые вагоны...

Около двух месяцев вместе с ленинградцами мы укрепляли лужскую оборону. Там, на Луге, наша 122-мм гаубичная батарея отдельного арtdивизиона резерва Главного командования (РГК) приняла первый бой. В этом бою был ранен командир батареи, и меня, старшего по батарее, назначили ее командиром. С этого момента я постоянно находился на наблюдательном пункте, а мое место на батарее с орудийным расчетом занял сержант Трофимов, командир первого орудия.

Лужская оборона была труднопреодолимым препятствием для врага. Из-за безуспешных боев на лужском рубеже главные силы немцев были брошены на Новгород. После упорных боев наши войска оставили Новгород, а затем и Чудово. Немцы вышли на главную шоссейную и железнодорожную магистраль, соединяющую Москву с Ленинградом.

Лужский оборонительный рубеж оказался западнее этого главного немецкого удара. Создалось угрожающее положение под Ленинградом. С тяжелыми боями, с обозом раненых войска лужского рубежа частично прорывались к Ленинграду — на север, частично к Новгороду — на восток. Значение лужской обороны, задержавшей немцев в самый трудный период войны, правдиво показано в книге А. Б. Чаковского и одноименном фильме «Блокада». Ге-

© В. И. Данчев, 1990

Владимир Иванович Данчев
(1914—1982).
Снимок сделан в 1942 г.

роизм ленинградцев и особенно ополченцев Кировского завода был беспредельным.

В боях на лужском направлении орудия нашей батареи, старые шнейдеровские гаубицы, были выведены из строя. Конная тяга, частично сохранившаяся, была приспособлена для транспортировки раненых. Более трех недель через Большие Мшинские болота мы пробивались с боями на восток, к Волхову.

Это был очень трудный путь. Мелкий кустарник, мох, усыпанный ярко-красной клюквой... Почва дышит под ногами. Впереди саперные части прокладывали гать, но, после того как по ней проходила одна артиллерийская часть или автоколонна,

дорога снова требовала «капитального ремонта». Рубили кустарник, мелкий ельник и двигались дальше. Кончилось питание для орудий, людей, лошадей. Пищей для бойцов служили в основном конина и ягоды. Нас часто обстреливали с воздуха, снарядами. Становилось все больше больных и раненых. 31 августа бомбили так, что буквально нельзя было поднять головы. Похоронили погибших товарищей на опушке леса. Горько было думать о том, что никто из родных не найдет здесь их могилы, а надписи, которые я старательно выводил на деревянных пирамидках, смоят дожди.

К этому времени Северо-Западный фронт распался на Ленинградский и Волховский. В задачу нашего дивизиона входило соединение с войсками последнего.

29 сентября 1941 г. — один из самых памятных для меня дней войны, когда после многодневного изнурительного похода с эшелонам раненых мы с боями достигли г. Волхова. Для последнего броска сосредоточились на опушке леса у д. Мясной Бор. Артиллерия с правого (нашего) берега после сигнальных ракет ударила по огневым точкам врага. Казалось, после массированного артиллерийского обстрела огневые средства немцев были полностью уничтожены. Однако во время нашей атаки и при выходе к водному волховскому рубежу у с. Ямно многие из них вновь открыли огонь. Мы несли большие потери до тех пор, пока гранатами не забросали действующие дзоты, пулеметные гнезда и окопы противника. В этом ночном бою был смертельно ранен командир нашего дивизиона капитан Котов.

С рассветом началась переправа раненых. Были мобилизованы все плавучие средства. Бревна, доски сбивались в плоты. Немецкая

артиллерия и минометы со смежных участков фронта, с севера и юга ударили по переправе. Наша артиллерия была по батареям противника. Несколько часов длился этот бой. Волны Волхова поглотили в то утро немало наших солдат и командиров. После переправы — два дня отдыха, раненых отправили в госпиталь. Многие от истощения в трудном походе по Мшинским болотам превратились в полускелеты и не могли стоять на ногах.

Капитана Котова — командира дивизиона, обеспечившего организованный выход нашей части и соединение с войсками Волховского фронта, мы хоронили через два дня после переправы. На правом берегу Волхова на опушке леса остался холм земли с обелиском и красной звездой.

Уже после этих событий мы узнали, что в подготовке выхода нашей дивизии из окружения большую роль сыграл Николай Оплеснин, младший лейтенант, помощник начальника оперативного отдела штаба 111-й стрелковой дивизии (52-я Отдельная армия), вместе с нами выходившей из окружения. Он трижды в эти студеные сентябрьские дни (20, 25 и 29 сентября) переплывал р. Волхов, у с. Ямно (Поддорский район Новгородской области), производил разведку местности и связывался с командованием на правом, не занятом немцами берегу р. Волхов. За этот подвиг он был удостоен звания Героя Советского Союза (27.12.1941 г.), а во фронтовой газете «Боевая красноармейская» от 28 января 1942 г. была напечатана заметка «Три переправы», включающая выписки из его дневника. Этот замечательный парень, которому тогда было 27 лет, родом из с. Вильгорт, ныне Сыктывкарского района, по национальности коми, еще до армии был прекрасным спортсменом. Он погиб в 1942 г. в боях под г. Чудово, а теперь его именем названы улицы в Сыктывкаре, Чудове и Ухте.

Через несколько дней наш дивизион получил пополнение и новую боевую технику: 152-мм пушки — гаубицы образца 1938 г. Их боевые качества были исключительными. Прямой наводкой они разворачивали броню любого танка: фугасными и бронебойными снарядами пробивали несколько накатов блиндажа. При четкой сработанности орудийного расчета и точной корректировке огня с наблюдательного пункта цели уничтожались быстро и полностью. Во фронтовой газете «Боевая красноармейская» от 19 декабря 1941 г. появилась заметка о нашей батарее «Артиллерийский снайпер». Корреспондент газеты, наблюдая работу батареи с командного пункта, описал бой. Заметка вдохновила наших артиллеристов, а прозвище «артиллерийский снайпер» так и осталось за мной. Вскоре несколько человек из дивизиона вызвали в штаб нашей 52-й армии: нам были вручены первые боевые награды.

В этот период действия войск Волховского фронта в сводках Верховного Главнокомандования назывались обычно боями местного значения. Но эти бои требовали и глубокой разведки в тылу врага и постоянных активных наступательных действий. Успехи отдельных операций, когда мы отбивали у врага населенные пунк-

Артиллерийский снайпер

Командира батареи лейтенанта Данчева в шутку называют «артиллерийским снайпером». Уничтожать самые ответственные цели приказывают ему и его батарее.

...Разведка донесла, что с северо-западной стороны приближается немецкий танк. Вскоре танк приблизился к нашей линии обороны. Немцы пытались вести огонь по нашим позициям.

Данчев подготовил точные исходные данные, сделал один выстрел. Разорвавшийся близко снаряд внес расстройство среди врагов. Мотор танка зашумел. Гитлеровские молодчики

думали бежать, но были застигнуты следующими четырьмя снарядами.

— Собакам — собачья смерть, — сказал Данчев, когда от немецкого танка осталась груда обломков.

В ответ на меткий огонь наших артиллеристов открыла стрельбу минометная батарея врага. Мины рвались недалеко от нашего наблюдательного пункта. Данчев рискуя жизнью, все неослабно наблюдение за противником.

Когда беспорядочная стрельба немцев кончилась, он подаял команду:

— Приготовиться!

Командир орудия — комсомолец Иван Трофимов — сделал последние приготовления, и к немцам полетели снаряды. Шесть снарядов потребовалось для того, чтобы сметать с земли немецкую минометную батарею.

Фашисты пустились на хитрость. Около позиций стала курсировать карета «скорой помощи». Но... из нее высаживались рехота. Противник думал нанести контрудар по фланг нашим подразделениям. Хитрость была разгадана. Выстрелами лейтенанта Данчева фашистская машина была уничтожена.

Заместитель полтруца
С. Куликин.

Из фронтовой газеты «Боевая красноармейская»
1912, 1941 г. № 347

ты, перемежались периодами вынужденного затишья, когда активные боевые действия переносились на другие участки фронта. Всегда радовали те дни, когда приходила полевая почта, приносящая весточки от родных и друзей.

Запомнилось 31 декабря 1941 г., когда меня с наблюдательного пункта батареи вызвали в штаб дивизиона. Встречали Новый 1942 год. Мы уже знали о контрнаступлении под Москвой, настроение было приподнятое. Ровно в 12 часов из наших дальнобойных послали «поздравление» фрицам — дали залп. Затем в течение ночи вели беспорядочный огонь. Каждым снарядом говорили: «Не жить вам на нашей земле...» Получили письма и подарки из тыла. Мне вручили посылку от рабочих Алма-Аты (орехи, конфеты, урюк, бритву, всякие мелочи) и письмецо от пионерки Тамары Синельниковой. Она не написала своего адреса, и я решил ответить ей через «Пионерскую правду».

Очень тронула забота и любовь к Красной Армии, которую проявляли все, от малого до старого, в нашей стране. И конечно, большую радость доставила небольшая книжка на грубой желтоватой бумаге, изданная в 1941 г., «Война и стратегическое сырье» академика А. Е. Ферсмана. Я ее получил в июне 1942 г. в ответ на поздравление, посланное мною А. Е. Ферсману в связи с присуждением ему Государственной премии СССР. В книгу была вложена короткая записка: «Благодарю за приветствие. Шлю Вам горячий привет в борьбе против ненавистного врага. Посылаю Вам свою брошюру о стратегическом сырье. Привет. Академик А. Е. Ферсман. 14.VI.1942 г.» И подпись ученого, который для меня всегда был одним из любимейших авторов научных и популярных книг. Спустя

пару лет, когда я стал секретарем партбюро Института геологических наук АН СССР, который возглавлял А. Е. Ферсман, после деловых бесед он не раз вспоминал этот наш обмен письмами в самое тяжелое время войны, а брошюра в нашей семье хранится как самая дорогая реликвия.

Мне не довелось участвовать в широких наступательных операциях нашей армии по прорыву блокады Ленинграда. После контузии и в связи с приказом Верховного Главнокомандующего об отзыве из действующей армии специалистов народного хозяйства в 1943 г. я был демобилизован. Службу в действующей армии я закончил в звании майора.

ОТ РЕДАКЦИИ

Эти воспоминания были написаны Владимиром Ивановичем Данчевым в 1980 г. в канун 35-летия Победы, а 11 октября 1982 г. он скоропостижно скончался от болезни сердца. Осталось рассказать о его работе после демобилизации.

В марте 1943 г. он вернулся в Институт геологических наук АН СССР (ныне ИГЕМ) на должность младшего научного сотрудника отдела петрографии осадочных пород, возглавлявшегося тогда профессором Л. В. Пуустоваловым. В июне того же года им была защищена кандидатская диссертация, работа над которой прерывалась войной. В институте и связанной с ним крупной экспедицией и прошла вся дальнейшая жизнь Владимира Ивановича. Начиная с 1946 г. его научные интересы сосредоточиваются на вопросах формирования экзогенных месторождений радиоактивных и редких элементов. Этой проблеме посвящена докторская диссертация, защищенная в 1971 г., большое количество статей и 7 монографий, написанных лично и в соавторстве.

Для В. И. Данчева и возглавлявшейся им группы сотрудников были характерны тесные связи с производственными организациями. В районе работ он организовал две научные руднолитологические станции, сыгравшие немалую роль и в развитии науки, и в помощи зарождающейся промышленности. Наряду с научной деятельностью в течение многих лет В. И. Данчев вел педагогическую работу в Московском нефтяном институте им. И. М. Губкина (ныне Московский институт нефтехимической и газовой промышленности им. И. М. Губкина), принимал участие в составлении трех капитальных учебных пособий. Он неоднократно командировался в социалистические страны для оказания научно-технической помощи, руководил подготовкой аспирантов из этих стран. Любил молодежь и для многих молодых сотрудников института был добрым и авторитетным наставником.

Среди коллег Владимир Иванович пользовался большим и заслуженным авторитетом и оставил по себе добрую память.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Данчев Владимир Иванович, русский, из семьи учителей. Родился в г. Киеве 19 февраля 1914 г. Образование высшее. Окончил 13 апреля 1938 г. геолого-разведочный факультет Московского нефтяного института им. И. М. Губкина. Специальность инженер-геолог. Член КПСС с 1940 г. 1939—1941 гг.—начальник отряда геологической экспедиции СОПС АН СССР по изучению Европейской равнины. Научный руководитель экспедиции — академик А. Д. Архангельский. С 29 июня 1941 г. по март 1943 г.—служба в Красной Армии на Ленинградском и Волховском фронтах. Демобилизован в марте 1943 г. в звании майора. С 22 марта 1943 г.—младший научный сотрудник Института геологических наук АН СССР. С июля 1943 г. по сентябрь 1974 г.—старший научный сотрудник ИГН, затем ИГЕМ АН СССР. С октября 1974 г. по 1982 г.—консультант, доктор геолого-минералогических наук ИГЕМ АН СССР. В 1955—1961 гг.—ученый секретарь Отделения геолого-географических наук АН СССР. Умер 11 октября 1982 г.

Награды: орден Красной Звезды, медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», орден «Знак Почета», медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «В память 800-летия Москвы», «Ветеран труда» и все другие, присуждавшиеся в связи с юбилейными датами Победы, вручавшиеся участникам Великой Отечественной Войны. Кроме того, медаль КНР «Китайско-советская дружба».

А. Б. Дергунов

ЗАМЕТКИ О ВОЕННЫХ ДНЯХ

«Страх». Пошел уже третий год войны, а мы все учились и учились... Красная Армия после победы на Курской дуге летом 1943 г. развернула широкое наступление и мощно двинулась на запад, и мы начали бояться, что нам не хватит войны, что не успеем попасть на фронт.

Мы были тогда 16—17-летними спецшкольниками — «спецами», так как учились в специальной артиллерийской школе, в которую поступили еще до войны по окончании семи классов. В этой спецартшколе обычная программа десятилетки была усилена по математике, физике, химии и немецкому языку. Большой упор делался на общую военную подготовку и особенно на основы артиллерийской науки. Также усиленно мы занимались спортом и строевой подготовкой. Одетые в особую военную форму, мы были обязаны всегда быть опрятными и подтянутыми и строго выполнять все правила поведения военных. Так нас готовили стать кадровыми командирами, и мы горячо стремились к этому. С началом войны это стремление все больше росло, и все скорее хотелось попасть на фронт, чтобы стать настоящими боевыми офицерами. Мы стали считать, что учеба затянулась, что ее нужно сократить, а то можно опоздать на войну. Так у нас появился и все больше усиливался особый «страх» — не успеть попасть на фронт.

Спецартшколу мы окончили в 1943 г., но сначала были определены в артучилище, где за один год завершили военное образование и стали младшими лейтенантами. В конце 1944 г. я был назначен командиром взвода управления (КВУ) в батарею 76-мм пушек. В моем взводе было 20—25 бойцов, по 6—8 человек в каждом из трех отделений: разведки, радио и телефонной связи. Мы должны были обеспечивать разведку целей, корректировку огня орудий и, находясь на передовой вместе с пехотой, всегда держать бесперебойную связь со своими четырьмя пушками.

Должность КВУ очень хлопотная и, пожалуй, самая опасная у артиллеристов, но зато и самая уважаемая фронтовиками, так как редко кто из КВУ оставался целым на передовой более одного-двух месяцев. Я гордился своей должностью и не без труда добился

назначения именно на нее, хотя и тогда, в свои 19 лет чувствовал, что для неартиллеристов название «командир взвода управления» звучит как-то поштабному, и это мне казалось обидной несправедливостью. Но, повторяю, сами фронтовые артиллеристы всегда относились к КВУ с особым уважением. Наверное, поэтому при отправлении на фронт, когда мы ночью на автомашинах с пушками на прицепе проезжали через Житомир и остановились на какой-то улочке, боевой офицер, начальник разведки, быстро собрал всех трех КВУ нашего дивизиона, завел в шинок (самый настоящий украинский шинок, вероятно сохранившийся в Житомире после недавнего освобождения от немцев и работавший даже ночью) и угостил каждого стаканом горилки и здоровенным шматком горячей и жирной вареной свинины. Наверное, это была церемония посвящения во фронтовое братство, после которой мы продолжали путь в приподнятом боевом настроении: наконец-то свершилось!

«Дезертир». Воинские эшелоны двигались на фронт по «зеленой улице» и надолго останавливались только на узловых станциях. На одной из них солдат из моего взвода добыл самогонку, крепко выпил сам и, чтобы угостить других, принес с собой в вагон еще две бутылки и вареную курицу на закуску. Когда эшелон пошел дальше, этот солдат-радист начал шуметь, куражиться, вспоминать свои боевые заслуги, а он действительно был награжден партизанской медалью, и все порывался угостить меня, своего командира, самогоном. Я отказался и уложил его на нары спать, от греха подальше, однако он не раз выскакивал на середину нашего товарного вагона-пульмана, по обе стороны от которой находились двухэтажные нары, шумел и доказывал, что он не кто-нибудь, а боевой партизан. Боевых, обстрелянных солдат в вагоне было много, и они только поддразнивали радиста, а он все больше хмелел и обижался. Он кричал, что сейчас мы проезжаем по той самой местности, где он партизанил, где его все знают и помнят. Вокруг только посмеивались. Неоднократно я укладывал его на нары, но он снова выбирался на середину вагона и продолжал шуметь. Выбравшись в очередной раз, он неожиданно рванулся к приоткрытой двери вагона и выпрыгнул на ходу под откос. Мы успели заметить только, как он покатился по крутой заснеженной насыпи.

Александр Борисович Дергунов
(р. 1925).

Курсант Сумского
артиллерийского училища

На разъезде командир нашего полка остановил эшелон и приказал мне и командиру батареи бежать назад, найти и привести (или принести) злополучного радиста. Он сказал, что эшелон будет задержан до нашего возвращения. Мы побежали и примерно через 1,5—2 км увидели радиста, шагнувшего по шпалам навстречу. Командир батареи взревел от ярости и сразу дал ему оплеуху. Тот молча затрусил с нами к эшелону.

Там, на разъезде, весь полк был построен вдоль эшелона. Мне приказали поставить радиста перед полком и встать в строй. Командир полка, белый от возбуждения и, может быть, от хмельного тоже, вышел на середину и грозно прокричал: «Дезертиру, изменнику Родины нет места в наших рядах. Позор и смерть изменнику!» Выхватив пистолет, он почти в упор расстрелял радиста. При оглушительном молчании всего полка того быстро закопали. В вагон принесли сапоги и шинель расстрелянного. Я все это воспринимал как дикий сон и не мог опомниться. Долго казалось, что нужно и можно было что-то сделать, чтобы спасти радиста... Но поезд уже ушел на запад, к фронту.

Через некоторое время, уже в Венгрии, начался разбор этого происшествия. Дознание вел член фронтовой прокуратуры. На главный вопрос: «Был ли расстрелянный радист пьян?» — многие отвечали, что нет, не был или не знают. Я чувствовал страшную вину перед расстрелянным и не мог врать, несмотря на советы многих. Поэтому я отвечал, что радист выпрыгнул из вагона пьяным. Но я был один, другие свидетели были «умнее» и спасали командира полка, у которого я потом навсегда остался в немилости.

Так я прошел «первое боевое крещение». Но главное, конечно, не в этом. Главное в том, что гибель молодого парня, партизана, тревожит меня своей нелепостью до сих пор, более чем через 40 лет. Кажется несомненным преступное самоуправство командира полка, без всякого разбирательства застрелившего боевого солдата. Кажется нелепым и поведение свидетелей, которые, как и комполка, были боевыми офицерами, прошедшими «огни и воды», и не раз, как и комполка, были ранены в боях. По-прежнему я сейчас думаю, что комполка совершил тяжкое преступление. И все-таки есть одно обстоятельство, которое, не оправдывая командира полка, помогает нам теперь понять всю непохожесть обстановки, моральных норм и суждений во время войны и в мирное время: до расстрела из нашего эшелона, следовавшего на фронт, за несколько дней пути «случайно» отстало 10—12 человек, а после расстрела — ни одного!

«Геройство». Перед крупным наступлением всегда проводится мощная артиллерийская подготовка: долго, иногда до часа и более, все орудия и минометы ведут непрерывный огонь по заранее разведанным и наиболее важным объектам врага. Гром выстрелов и разрывы снарядов сливаются в сплошной и оглушающий рев. Его переносят по-разному: некоторые спокойно, некоторые в каком-то оцепенении, а некоторые быстро засыпают лежа, сидя или даже стоя, прислонившись к стенке окопа. Но на меня, 19-летнего,

этот ужасный рев действовал как торжественный артиллерийский салют и привел в очень сильное возбуждение. Хотелось все видеть, все слышать и все знать, поэтому я взобрался на сохранившееся дерево. Мой командир батареи грозно кричал мне, чтобы немедленно укрылся в окопе, но мне было не до него и вообще не до чего. Я был в состоянии какого-то восторга и упоения боем. Несмотря на то что немцы уже начали отвечать огнем уцелевших орудий, я все продолжал восседать на дереве. Вскоре разрывы немецких снарядов стали ближе, и взрывной волной одного из них меня сшибло с дерева. Я оказался в окопе у ног моего комбата, а он, убедившись, что я цел, не удержался и дал мне хорошего пинка сапогом, прибавив к этому несколько самых убедительных русских слов. Так бесславно, но удачно закончилось мое «геройство».

«Огонь на себя». Наступление после тяжелых боев в районе Сешфехервара (Венгрия) развивалось трудно, враг крепко держался за каждый городок. Пехоте приходилось просить помощь не только у нас, артиллеристов, но и у авиаторов, и нередко возникали сложные ситуации.

1. Мы находились на подступах к одному из городков, но несколько попыток пехоты ворваться в него были отбиты. Потом ей все же удалось пробиться на окраину городка, но только на окраину. В это время в небе появились наши штурмовики Ил-2 («летающие танки», «черная смерть»). Они подошли на высоте и, резко сваливаясь на крыло, начали своими пушками, пулеметами и установленными под крыльями «катюшами» пахать и утюжить, жечь и рвать все, что находилось на подступах и окраине этого городка, а там в этот момент уже находились наши пехотинцы и мы, артиллеристы-разведчики. Горела и взрывалась сама земля, стало темно и черно. Хотелось вдавиться в любую щель или просто в землю. Среди нас раненые, убитые, искалеченные нашими же самолетами солдаты. Продолжалось это недолго, наверное всего несколько минут, но, казалось, этому дымному аду не будет конца. Хорошо, что между нами находился наземный авиатор-корректировщик. Я видел, как он вопил в микрофон переносного радиопередатчика, пытаюсь остановить страшный огонь по своим. К счастью, ему это удалось — второй заход «илы» сделали на дальнюю окраину городка, и тогда весь этот ад крошечный обрушился на немцев.

2. Другой раз все было похоже, но обошлось без авиации. Наши пехотинцы ворвались на ближнюю окраину небольшого села, а мы, разведчики и командиры артиллеристов и минометчиков, продвигались к ним по гладкой и рыхлой весенней пашне. И вдруг, как настоящий гром с ясного неба, на нас обрушился мощный шквал разрывов крупных снарядов. Они рвались всюду — вокруг нас, среди нас. Несмотря на то что каждый стремился зарыться в пашню и, как казалось, зарывался, все равно стали появляться убитые и раненые. Не сразу мы догадались, что нас бьют по ошибке наши же крупнокалиберные 120-мм минометы. И тогда лежащий рядом со мной и так же, как и я, старавшийся

загнать свою голову в землю сержант-разведчик вдруг неожиданно начал шутить: «Вот дают наши минометчики! Куда до них фрицам, вот дают, а?...» Только через 5—10 минут удалось перенести огонь минометов на дальнюю сторону того села, где еще действительно были немцы.

3. На этот раз командир роты автоматчиков попросил нас, артиллеристов, пристрелять немецкие траншеи, которые его роте предстояло атаковать на следующее утро. Командир батареи приказал это сделать мне. Я приступил к выполнению приказа, наверное с плохо скрываемой гордостью: напомним, мне тогда еще 20 лет не исполнилось. Пушки нашей батареи были устанавлены в 3—4 км от передовой, и я очень тщательно подготовил данные для стрельбы с закрытой позиции, т. е. по невидимым для наших пушкарей немецким окопам. Но, поскольку эти окопы проходили по самой вершине поднимавшейся перед нами высотки, я намеренно убавил рассчитанную дистанцию для стрельбы так, чтобы первый же наш снаряд упал и взорвался примерно метров на 200 ближе. Сделал я это сознательно, чтобы «не потерять первый разрыв», как говорят артиллеристы. Видеть его во время перстрелки совершенно необходимо. Однако рассчитанные мною данные для стрельбы оказались, вероятно, достаточно точными, а сокращение расстояния привело к тому, что этот первый разрыв снаряда произошел ближе чем нужно и прямо над нашими головами. Не поверив, что это «мой» разрыв, я скомандовал: «Два снаряда, беглый огонь!» И еще два разрыва прогрехотали над нашими головами, но, к счастью, никого не задев. Только теперь все стало ясно и я закричал в трубку полевого телефона: «Стой! Прицел больше 4, один снаряд, огонь!..» Дальше все пошло нормально и пристрелка удалась. Потом наши пушки били точно и хорошо помогли пехоте атаковать и двигаться вперед. Но этот «огонь на себя» запомнился навсегда.

Гибель лихого разведчика. Тот самый сержант-разведчик, с которым я попал под обстрел наших тяжелых минометов и который даже в те критические минуты мог шутить, погиб через месяц, во второй половине апреля 1945 г., за две недели до конца войны.

На обтянутой гимнастеркой груди этот сержант носил медаль «За отвагу», был всегда подтянут и, несмотря на очень и очень затертое, выгоревшее, стиранное-перестиранное обмундирование, выглядел бравым и задорным. Что-то в нем было от Теркина, но не было самого важного — фронтовой мудрости, спасающей солдата в самых безвыходных положениях. Однако лихость, отвага, бесшабашность вместе с удачливостью хранили его долгие годы войны.

Еще перед отправкой на фронт он был назначен моим помощником — помкомвзвода и встретил меня, необстрелянного младшего лейтенанта, четким, задорным рапортом, а потом очень быстро определил «на квартиру» в украинскую хату рядом с солдатскими землянками. Все у него получалось быстро и ловко, шутя и без напряжения. Неудивительно, что его вскоре заметил и забрал к се-

бе командир дивизиона. Мне казалось, что с ним ничего не может случиться, но...

Уже далеко за Веной, западнее ее, мы «оседлали» шоссе, переходившее с нашего склона долины на другой, где прочно закрепились немцы. Наше наступление остановилось, вероятно, из-за потери в людях, особенно среди пехотинцев. Через несколько дней всю нашу дивизию должны были отвести во второй эшелон на пополнение. А пока мы пристреливали каждый камень или столбик на немецкой стороне, а они — на нашей. Нередко враг открывал огонь из минометов даже по одному человеку, особенно если он появлялся на шоссе. Вот здесь среди наших солдат и возникло нелепое состязание: кто проскочит по шоссе на откуда-то добытом мотоцикле? Конечно, первым решил показать свою удалость лихой сержант. Он завел за домом мотоцикл, выскочил на шоссе и помчался. Немцы как будто ждали и сразу начали стрелять из миномета. Вторая или третья мина разорвалась перед лихим мотоциклистом, ударив в обочину врытого в землю шоссе...

Когда мы подобралась к сержанту, он был уже мертв, изрешеченный осколками от мины. Рядом лежал злополучный мотоцикл с еще крутившимися колесами. Так нелепо погиб боевой наш сержант-разведчик за две недели до конца войны.

Фронтная «дуэль». Немцы отступали быстро, но организованно и почти всегда оставляли заслоны. Нам нередко приходилось преодолевать яростное сопротивление небольших отрядов, прикрывавших отход основных сил. Иногда это мог быть зарытый или маневрирующий танк, иногда группа автоматчиков, а кое-где даже одиночные фашисты-смертники. На этот раз на прямом участке дороги был оставлен один из лучших немецких танков «пантера». Отгороженный от наших противотанковых пушек большим холмом, он курсировал и бил с фланга по нашей наступающей пехоте.

Бойцам одной из противотанковых пушек было приказано уничтожить этот танковый заслон — и ее покатило по дороге ему навстречу. Я оказался на холме между немецким танком и пушкой и видел, как он приближается к ней по той же дороге с другой стороны холма, но его башня с пушкой в это время была повернута в сторону. В таком положении немецкие танкисты и наши артиллеристы заметили друг друга только тогда, когда между ними осталось менее 100 м.

Возникло невероятное напряжение, смертельно опасная ситуация: все зависело от того, кто быстрее сумеет точно выстрелить, кто первый — тот будет цел и победит. Орудийная башня танка быстро поворачивалась на нашу пушку, которую артиллеристы с бешеной быстротой готовили к стрельбе: разводили станины, заряжали и вводили на танк. Мне эти секунды казались вечностью, когда я смотрел на нашу пушку, и мгновение, когда я переводил взгляд на поворачивающуюся башню немецкого танка... Первой выстрелила наша пушка! Пробитый бронебойным снарядом танк замер, его башня остановилась, появился дым, а потом внутри начали рваться его собственные снаряды, уничтожавшие гитлеров-

ских танкистов. Быстрота, слаженность, великолепное самообладание и мастерство солдат нашей противотанковой пушки обеспечили им победу в этой скоротечной дуэли. Мне стало страшно только потом, когда пришлось пробираться около горевшего танка, внутри которого еще продолжали вататься снаряды.

Драма и комедия на прямой наводке. Чаше наша батарея вела огонь с закрытых позиций, не видя целей; их видели только мы — разведчики, корректирующие стрельбу пушек. Сравнительно небольшие, эти 76-мм пушки были лучшим достижением советских артиллерийских конструкторов: они могли прицельно стрелять издали на расстояние до 11 км, а если нужно, то точно и быстро бить по любым движущимся целям, в том числе по танкам.

Необходимость стрелять прямой наводкой появилась, когда наши войска наступали в предгорьях Австрийских Альп вдоль крупного шоссе. В стороне от него, в небольшой долине, отделенной от шоссе лесистыми холмами, немцы создали укрепленный пункт в небольшом селе. Они зарыли несколько танков, превратив их в доты (долговременные огневые точки), на чердаках домов установили пулеметы, а за домами — пушки и минометы. Ни одна из попыток нашей пехоты атаковать этот сильноукрепленный пункт не удалась — по узкой, целиком простреливаемой долине прорваться к этому селу было невозможно. Потери росли, а успеха не было. Тогда кто-то из командиров предложил незаметно, через лесистый холм, выкатить пушку на расположенные на фланге позиции немцев, оттуда сверху прямой наводкой уничтожить наиболее опасные цели и только потом снова атаковать. Непосредственно провести эту операцию приказали мне вместе с лучшими стрелками первого орудия нашей батареи. С большим трудом мы скрытно выкатили это орудие на лесистый холм.

С двумя разведчиками я пошел выбрать такое место, куда можно незаметно подкатить пушку, чтобы потом внезапно и точно стрелять. Немцы, вероятно, понимали, какая опасность может грозить с этого лесистого холма, и на любое движение на нем отвечали плотным пулеметным, автоматным и ружейным огнем. Досталось и нам: когда мы выбрались наверх — они открыли довольно плотную стрельбу, от которой с деревьев посыпались кусочки коры, как штукатурка от стен. Приходилось двигаться скрытно.

Вдруг я заметил, что к нам открыто в полный рост идут несколько наших офицеров. Оказалось, это был майор (заместитель командира полка) и его приближенные по штабу. Я доложил обстановку. Он сразу начал ругать меня за излишнюю осторожность, медлительность и чуть ли не за трусость. Нимало не раздумывая, ткнув в сторону немцев пальцем, он приказал выкатить пушку за опушку леса и установить на открытом склоне холма. Вот тогда я действительно испугался, так как сразу понял, что на этом месте пушка будет обречена — немцы не дадут ей стрелять, но и легко ее уничтожат вместе с нами. Они даже смогут ее захватить. Я, как каждый артиллерист на войне, твердо знал, что нет страшнее преступления, чем отдать врагу орудие, — лучше погиб-

нуть. Поэтому я пытался объяснить майору, что пушка там будет видна немцам, как на ладони, и без всякого прикрытия может стать их легкой добычей, но услышал только грозную тираду на самом «ярком» русском языке. При этом я понял, что майор был «слегка пьян», что и делало его таким безумно храбрым и грозным. Но приказ есть приказ, и его надо выполнять.

Выкатили мы пушку на этот злосчастный открытый склон, не мешкая установили, навели на зарытый немецкий танк и: «Огонь!» — раз, «Огонь!» — два. Может, попали, может, и нет. В ответ немцы сразу начали бить буквально из всего, что у них было. Первыми же разрывами они «накрыли цель», как говорят артиллеристы. Их снаряды разорвались прямо у нашей пушки и сильно ее повредили. Тут же осколками был тяжело ранен старший сержант — командир орудия.

Огонь фашистских автоматов, пулеметов и минометов был точным и плотным. С большим трудом и смертельной опасностью нам удалось только оттащить в лес раненого и вытащить из пушки прицельное устройство.

Тут только я заметил, что ни майора, ни сопровождающих его офицеров около нас нет. Наверное, при первых же разрывах их и след простыл, а вместе с хмелем развеялась неумная храбрость. Положение наше было очень опасным, критическим — при любом движении немцы открывали огонь из пулеметов и автоматов и пули пронизывали все вокруг. Прежде всего нужно было вынести раненого, у которого нога была перебита, почти оторвана выше колена. И как-то надо было обезопасить пушку, которая тоже была повреждена и стрелять уже не могла. Немцы вообще могли легко перестрелять нас и потом столкнуть пушку к себе вниз под гору. Я велел всем немного отползти, укрыться за деревьями и охранять пушку до темноты, чтобы потом попытаться вытащить ее. Так и сделали. Солдаты из орудийного расчета залегли за деревьями, приготовив автоматы и карабины на случай нападения немцев, а двое из них со мною потащили раненого на шинели сначала потихоньку в лес, а потом как можно быстрее к себе на батарею, чтобы отправить в медсанбат.

По дороге уже за холмами нам встретился какой-то капитан штабного вида, оказавшийся корреспондентом «Известий». По его просьбе мы рассказали ему о нашей трудной стрельбе прямой наводкой и о том, как был ранен старший сержант, который громко стонал и временами ругал нас откровенно по-русски. Ему было тяжело. На батарее мы передали его медикам, а позднее представили к награде — ордену Красного Знамени. Интересно, что через несколько дней из сводки Совинформбюро мы узнали, какой героизм проявил наш старший сержант: будучи раненым, он продолжал вести огонь прямой наводкой, уничтожая фашистов вместе с их техникой.

Командир батареи, конечно, не обрадовался моему появлению и такому невеселому сообщению. Он сурово приказал: «Как сумел пушку закатыть, так сумей ее и вытащить». С этим я и отправился назад.

Дождавшись темноты и стараясь не шуметь, мы потащили ее вверх по склону в лес. Немцы все же временами слышали нас и открывали огонь, но в темноте они могли стрелять только наугад. Когда мы уже подбирались к вершине холма, после одной из пулеметных очередей вдруг вскрикнул наводчик орудия и сел на землю. Я сказал, чтобы он остался и ждал нас, но вскоре заметил, что он тихо присоединился к нам и снова толкает орудие, как и другие. Перевалив через вершину холма, мы почувствовали себя в безопасности и, наконец, вздохнули свободно. Начали расспрашивать наводчика, как и куда его ранило.

Он сначала отмахивался, но потом все же сказал, что пуля, наверно на излете, пробила его ватные штаны и только обожгла бедро. Солдаты ему не поверили и заставили все показать, а посмотрев, покатались со смеху, так как впервые увидели такой «каменный» зад, который и фашистская пуля не берет! Шутки и насмешки продолжались и тогда, когда мы добрались до батарей. Хохот стоял мощный, он рос все больше и больше по мере того, как о нашем наводчике с непробиваемым «каменным» задом узнавали и в других батареях. Даже на следующий день к нам приходили любопытные посланцы не только из других артиллерийских батарей, но даже из пехотных рот: просили, а другие требовали, чтобы им показали наводчика с «каменным» задом. Делегация какого-то полка явилась к командиру нашей батареи официально и по всей форме доложила, что ей поручено осмотреть «каменный» зад и т. д., и т. п. Вот так тяжелая фронтовая драма закончилась громкой и веселой комедией.

Смертник на переправе. У какой-то реки командир батареи приказал наладить связь с командиром пехотного батальона, который мы поддерживали. С двумя молодыми телефонистами мы удачно, одним рывком, перескочили через насыпь узкоколейки, которая точно простреливалась немцами, и по другому ее склону быстро скатились к берегу реки. Наши пехотинцы уже форсировали реку вброд. Голые, в шапках, подняв над головой оружие и одежду, они переходили реку почти по шею в холодной воде. По переправе непрерывно били немецкие минометы, и мины рвались то в воде, то на берегу. Пережидая разрывы мин, я вместе с телефонистами укрылся в ближайшей к реке воронке от снаряда. Отсюда я заметил странную картину на броде: после звука разрыва мины или негромкого выстрела то один, то другой солдат скрывался под водой, но не каждый потом из нее появлялся. Нередко только комок одежды недолго плыл от места окунувшегося солдата, постепенно погружаясь в реку. Некоторые солдаты на броду выпускали одежду из рук и выбирались на другой берег голыми, но в шапках и с оружием. Потом я понял, что гибнут солдаты на броду не только и не столько от разрывов мин, сколько от выстрелов невидимого снайпера. Пересидев в воронке какие-то минуты, мы с одеждой в руках перебрали реку, стараясь быть в воде как можно глубже. Может быть, это, а может быть, «его величество случай» помог нам целыми выбраться на другую сторону реки.

Там мы быстро нашли командира пехотного батальона, около которого собирались и одетые, и голые пехотинцы с оружием в руках. Они уже догадались, что по переправе откуда-то бьет замаскированный снайпер. Командир батальона послал нескольких бойцов найти его и обезвредить. Голые постепенно одевались хотя бы частично в то, что кто-нибудь из одетых им жертвовал. Конечно, они были рады и неполному комплекту обмундирования.

Фашистского снайпера-смертника нашли и приволокли быстро. Оказалось, что он отрыл себе ячейку в 100—150 м от брода, в подмытом рекой берегу, заплел ее ветками и даже обмазал глинистой землей. Со стороны реки снайпера было очень трудно заметить. Его отыскивали сверху, с берега, вытащили из ячейки и сразу же выместили на нем всю солдатскую ярость — и одетые, и особенно голые. Подволокли фашиста к комбату уже полуживого и тут же расстреляли. Наверное, фанатик-смертник рассчитывал на более легкую участь, но собаке — собачья смерть.

Старший сержант Крылов. Мне, 19-летнему командиру взвода, чаще тяжелее было не самому ходить на опасные задания, а посылать других, подчиненных мне солдат, особенно тех, которые были намного старше меня. В отделении телефонистов таких было двое. Они мне казались стариками, хотя каждому из них тогда, наверное, еще не исполнилось и 40 лет. Оба они были старшими сержантами, но один был командиром отделения, а другой просто телефонистом.

Первый всегда выглядел бравым: шапка или пилотка набекрень, ремень затянут, гимнастерка плотно облегает ладную фигуру. В манерах и поведении его всегда проявлялись подчеркнутая молодцеватость и даже какая-то бравада бывалого солдата. Он любил с осрбой пренебрежительностью рассказывать об опасных фронтовых событиях, а также «любовных» похождениях. Словом, этот «пожилой» старший сержант выглядел лихим фронтовиком и по всем признакам соответствовал занимаемой должности командира отделения. Не отказывал он себе в удовольствии посмеяться над другими, менее бравыми и ловкими. Нередко его насмешки были нацелены на второго «пожилого» сержанта Крылова, о котором и пойдет рассказ.

Крылов был каким-то малозаметным и чересчур покладистым — даже на насмешки он обычно не отвечал: или отмалчивался, или добродушно отговаривался без всякой обиды. Внешне он тоже чаще выглядел неказистым — шапка или пилотка почему-то были ему великоваты и надеты глубоко, почти на уши, гимнастерка и другие предметы военной формы сидели на нем как-то мешковато. Короче — бравым его назвать было нельзя. Но именно с ним в последний месяц войны связано то незабываемое событие.

Было это в Австрии, в начале апреля 1945 г. Неожиданным и жестким пулеметным огнем с флангов нас остановили и так прижали к насыпи какой-то узкоколейки, что, стремясь хотя бы голову укрыть, мы буквально скребли землю руками. Казалось, пошевелись — и конец. И тут вдруг разрывом мины или снаряда перебило провод полевого телефона, сразу не стало связи с нашими

орудиями, от огня которых зависел и исход боя, и наши жизни — все. Ясно, что связь нужно восстановить и немедленно, но как? Ведь, казалось, подними только голову — и конец. И вот тогда я, 19-летний командир взвода, должен был выбрать и послать под пули одного из связистов, которые мне в отца годились. Я поспутил на них и на какое-то мгновение заколебался: передо мной солдаты, прошедшие сквозь огонь и воду, и теперь, когда до победы уже немного, нужно одного из них послать, может быть, на смерть... Я внутренне сжался так, что, наверное, стало заметно. И вот тогда старший сержант Крылов как-то просто и даже с сочувствием сказал: «Не переживай, лейтенант, я пойду», — и не мешкая пополз, а потом короткими бросками стал удаляться под прицельным огнем фрицев. Вскоре телефон ожил, а потом вернулся целым и невредимым солдат Крылов!

Таким я его и запомнил на всю жизнь, запомнил не за храбрость — были и другие храбрыми. Навсегда запомнились его великая человечность, отцовское проникновение в мою 19-летнюю душу, самоотверженность, которую он проявил, добровольно приняв на себя смертельно опасное дело. Более того, у него хватило мужества и доброты, чтобы еще успокаивать меня. «Не переживай, лейтенант...» — сказал тогда Крылов и пошел... И все это было в последние месяцы войны, когда ее конец был уже виден и все труднее было решаться на каждый опасный шаг. Достоин дошел до Победы солдат Крылов и вместе со всеми кричал «ура» и салютовал из своего автомата 8 мая, когда мы узнали о капитуляции Германии.

Последние дни войны и победа. Великое счастье и самая высокая награда каждому фронтовику — дожить, довоевать до самой Победы, да еще встретить ее на самой передовой линии фронта! Я видел, как за какие-то минуты страшный передний край невероятно долгой войны на глазах у нас опять становился обычным полем с опушкой леса, мирной долиной с кустами и речкой... Как на боевых позициях полка, батареи привычно скрывавшиеся в земле сотни солдат и множество пушек вдруг становились видимыми, как невероятно быстро они появились буквально из-под земли. Как поднимались над нею солдаты. Вставали и стояли. Стояли во весь рост, еще не веря, что вот так просто можно встать и стоять, ничего не опасаясь. И сама земля вокруг быстро превращалась в обыкновенную, а поэтому невероятно прекрасную, весеннюю, добрую землю Чехословакии.

У нас это произошло утром 8 мая, когда прямо на передовую примчался на трофейном «оппеле» командир полка и, с трудом подавив волнение, выговорил: «Германия приняла условия безоговорочной капитуляции!» На несколько мгновений мы оцепенели, но потом схватили командира и с криками стали подбрасывать высоко в воздух. Кругом все кричали сильнее и сильнее: «Ура! Победа! Ура!!!» Громкая и даже грозная волна ликования покатила по всей передовой линии фронта. Вскоре эти крики и салюты солдатского оружия слились в могучий победный гул. Победа!

Но до этого дня надо было довоевать, добить врага, заставить его сложить оружие и обязательно дожить. Наступательные бои последних месяцев войны нередко были очень тяжелыми и кровопролитными. Недаром за разгром немцев у оз. Балатон в Венгрии и взятие Вены войска нашего 3-го Украинского фронта получили благодарность Верховного Главнокомандующего. Враг нередко проявлял яростную стойкость обреченных смертников. Нужно было его сломить и идти вперед, неизбежно неся тяжкие потери. И тогда, в последние месяцы войны, погибли солдаты, уже прошедшие невероятно трудный, длинный и кровавый путь и знавшие (все тогда знали), что конец войны близок. Ранения и гибель боевых друзей переносились все более тяжело, казались все более обидными и несправедливыми. Очень правильно об этом сказано в известной песне: «Еще немного, еще чуть-чуть, последний бой — он трудный самый... — и дальше — ... но каждый все-таки надеялся дожить!» И вдруг смерть — страшная и жестокая несправедливость.

Так было и у нас. И хотя День Победы пришел к нам 8 мая, оказалось, что война для многих еще не кончилась. Немцы всеми доступными и недоступными средствами стремились уйти на запад, чтобы сдать войскам союзников. Нас они старались задержать, оставляя заграждения и засады. Иногда это был фашист-смертник с автоматом или пулеметом, иногда мины, иногда замаскированный танк. И неожиданно снова поднималась стрельба, начинался бой, и снова после Победы гибли победители. Трудно об этом вспоминать, но это было. Было даже так, что неожиданный минометный или артиллерийский огонь фашистов накрывал какое-нибудь чехословацкое село, где жители встречали нас цветами, криками «Наздар», а иногда и вином. И опять происходила нелепая и невероятно горькая гибель людей, уже доживших до Победы. Только 11 мая вечером наша дивизия встретилась с американцами где-то южнее Праги. Вот только тогда кончились эти несправедливые потери, перестали, наконец, гибнуть победители Великой Отечественной.

Прошло уже много лет, но великая человечность советского воина Крылова, День Победы на передовой, горькие и страшно несправедливые потери после Победы запомнились навсегда.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Дергунов Александр Борисович родился в 1925 г. В 1953 г. окончил геологоразведочный факультет Московского института цветных металлов и золота им. М. И. Калинина. Затем был геологом и начальником геолого-съемочной партии в тресте «Аэрогеология». С 1962 г. работает в Геологическом институте АН СССР аспирантом, младшим, старшим и ведущим научным сотрудником. В 1965 г. защитил кандидатскую, в 1986 г. — докторскую диссертацию. Награжден двумя орденами Отечественной войны II степени и II медалями. Старший лейтенант запаса.

САНДРУЖИНИЦЫ

84-ГО ОТДЕЛЬНОГО МЕДИКО-САНИТАРНОГО БАТАЛЬОНА

До войны мы учились в Московском геологоразведочном институте им. С. Орджоникидзе. И, как положено будущим геологам, в мае студенты разъехались на практику по всей стране: в Крым, Среднюю Азию, Сибирь и Заполярье, с тем чтобы вернуться на занятия к октябрю-ноябрю. Но 22 июня началась война, к октябрю враг был уже на подступах к Москве.

И вот 15 октября 1941 г. в Большой аудитории МГРИ собрались студенты и преподаватели института. Один высказался, другой — и тут же был составлен список желающих немедленно вступить в ряды ополчения. На другой день, 16 октября, мы оказались в школе № 22 Краснопресненского района, где организовывался Краснопресненский коммунистический батальон под командованием майора Яковлева. В батальон вошли рабочие заводов района, студенты МГУ, ГИТИСа и мы — студенты МГРИ. Затем этот батальон был разделен на две части: одна вошла в 3-ю Дивизию московских рабочих, а другая — в 5-ю Дивизию московских рабочих¹; рота противотанковых ружей (ПТР) и взвод пешей разведки — в 8-й полк, а большая часть девушек-сандружинниц — в 84-й отдельный медико-санитарный батальон 5-й Московской дивизии. В медсанбат попали Наташа Комарова, Надя Праведникова, Таня Харламова, Оля Елисеева, Оля Каширина (теперь Зеленова), Галя Лобанова, Галя Романович, Нина Булимова, Наташа Голованова²; в 8-й полк 5-й дивизии — Надя Курюкова и Нина Куприяненко.

В коммунистическом батальоне с первого же дня началась упорная военная учеба: метание гранат и бутылок с зажигательной смесью, ползание по-пластунски, стрельба из автомата, оказание первой помощи раненому. Некоторое время эта учеба продолжалась и в дивизии. Все мы жили одной мыслью — скорее попасть на фронт...

И вот в одну из ночей начала февраля 1942 г. боевая тревога. Несколько минут никто хватил, чтобы одеться, сбежать во двор и встать в строй. Ночной Москвой колонна шагает на Окружную

¹ В это время шло формирование 3-й и 5-й Московских дивизий, состоящих в основном из добровольцев-москвичей. Позднее 5-я дивизия получила общевойсковой номер 158, который и сохранился за ней до конца войны. В боях дивизия получила название — Лиозненско-Витебская Краснознаменная ордена Суворова стрелковая дивизия.

² Наташа Голованова вступила в Краснопресненский коммунистический батальон с 3-го курса МГРИ. В 1942 г., как и другие старшекурсники, была отозвана с фронта в институт. Вышла замуж, стала Балашовой. В августе 1948 г. с коллектором Дмитрием Рыбкиным проводила геологоразведочные работы в Западной Украине. Оба были схвачены бендеровцами и после трехдневных пыток повешены. Киевская студия посвятила им фильм «С маршрута не вернулись».

Ольга Петровна Елисеєва
(р. 1922)

Ольга Ивановна Зеленова
(р. 1920)

железную дорогу. Грузимся в товарные вагоны с нарами. В каком направлении поедem — еще не знаем. Но вот тронулись — едем. У всех приподнятое настроение, хочется петь. Песни в коллективе рождаются быстро, и уже вполголоса весь вагон поет: «Прощай, прощай, Москва моя родная, на бой с врагами уезжаю я. И ты прощай, подруга дорогая, пиши мне письма, милая моя...»

Первая остановка. Оказывается это г. Клин. Сильно пахнет гарью, дымом. Черные, закоптелые дома. По обе стороны железнодорожного полотна в сугробах снега горы исковерканного металла: подбитые танки, машины и другая военная техника — следы отступления гитлеровских войск. Ни одной живой души не видно. Остановка очень короткая — едем дальше. На полях торчат кое-где печные трубы — дома сожжены. Приближаемся к Калининну. Прямо около станции дымится высокое сооружение — элеватор с зерном. Простояли здесь довольно долго. И опять эшелон медленно пополз на северо-запад от Москвы. Во время кратких остановок соскакиваем, умываемся снегом и снова в вагон. Наконец, в одну из ночей остановка, команда разгружаться. На горизонте — зарево. Слышен отдаленный орудийный гул, в небе вспыхивают одиночные ракеты. Быстро разгружаемся, строимся и всю ночь шагаем в сторону от железной дороги.

На рассвете останавливаемся в полуразрушенной деревеньке — Власовке. Здесь нужно развернуть медсанбат, все подготовить для приема раненых. Ведь наша часть уже подошла к переднему краю и с часу на час должна вступить в бой. Размещаемся с девчатами в крайней избе, где ютится старушка с несколькими ребятишками, устроившимися на печке. В углу у двери стоит привязанный теленок. После ночного марша по тридцати-

градусному морозу хочется в тепле вздремнуть. Укладываемся на свои шинели прямо на полу посреди избы, мгновенно засыпаем. Проспали не более часа: оглушительный грохот, звон разбитых стекол, крик детей заставляют вскочить на ноги. Слышен гул удаляющегося немецкого самолета, сбросившего несколько фугасных бомб. Одна из них разорвалась на дороге посреди деревни, другая — рядом с нашим домом. Наспех заделываем фанерой и ветошью окна. Ребята на печке следят с суровым вниманием за всеми нашими действиями. Не успели мы еще как следует опомниться, а уж начали поступать раненые. Спешно развернуты прямо на снегу палатки. В одной из уцелевших изб оборудована операционная. Началась тяжелая работа. Врачи часами и сутками не отходили от столов, на которых оперировали раненых. Тяжелых раненых после первой необходимой помощи нужно было отправлять за 30—40 км в полевой госпиталь. Для этой цели использовались грузовые машины, крестьянские сани-дровни. Перевозка раненых была очень тяжелым делом и сильно осложнялась лютыми морозами и налетами на санитарные обозы вражеских самолетов.

Так началась наша фронтовая жизнь. Смешались дни и ночи. А раненые все прибывали и прибывали. В те дни шли ожесточенные бои в деревнях Васильки, Макарово, Сазоново, разбросанных вокруг крупного села Холмец, расположенного на возвышенности и окруженного мощными оборонительными сооружениями противника. Подробно эти бои были описаны в книге «Дважды Краснознаменная» (с. 26—64), выпущенной издательством «Московский рабочий» в 1977 г.

В эти суровые дни испытаний человеческой стойкости и мужества ни у кого из нас не было сомнения в том, что победа будет за нами. Нельзя победить народ, который от мала до велика встал на защиту Родины. В этом мы убеждались ежедневно и ежечасно, кочуя из деревни в деревню, выхаживая и спасая раненых. Всплывают в памяти лица людей, встреча с которыми мелькнула короткими, но запечатлевшимися на всю жизнь эпизодами... Вот чей-то дедушка, ставший нам помощником. Когда и как он появился — никто сказать не может. Называют его просто Петровичем. Он возит и носит раненых вместе с нами, разводит неизвестно откуда появившийся самовар, поит раненых кипятком, закручивает им «козьи ножки» с махоркой, беседует с ними и как-то успокаивающе на всех действует. В одной из деревенок, кажется в Сухой Орчи, поместили тяжелораненых в избу бабушки Дуни, которая обладала большим по тем временам богатством — чудом сохранила в подполе трех кур. Каждый день, пока мы были у нее, она отдавала раненым свежие куриные яйца. Нельзя не вспомнить и о ребятах, которые помогали носить воду, дровишки для наших времянок. Вспоминать и рассказывать об этих людях можно было бы еще и еще...

К весне 1942 г. враг был отброшен на значительное расстояние от Москвы. Наша дивизия закончила наступательные бои и

перешла к обороне и накоплению сил для нового броска. В июне 1942 г. поступил приказ о демобилизации студенток-добровольцев старших курсов. Мы вернулись в Москву.

* * *

Ежегодно 16 октября мы собираемся у входа в наш институт, около мемориальной гранитной доски, на которой высечены имена погибших товарищей. По-разному сложились наши судьбы. Многие из нас стали бабушками. Но удивительное дело: стоит нам увидеть друг друга — и будто не было этих долгих лет. И те вечно молодые наши товарищи, чьи имена и юные лица сохранились в нашей памяти, присутствуют всегда с нами на этих встречах.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Елисеева Ольга Петровна родилась в 1922 г. в г. Ярославле, там же окончила среднюю школу. В 1940 г. поступила в МГРИ им. С. Орджоникидзе. С октября 1941 г. по июнь 1942 г. сандружинница 84-го механизированного отдельного батальона (МОБ) 158-й стрелковой дивизии. В 1946 г., окончив МГРИ, поступила в ИГН АН СССР, с 1950 г. — младший научный сотрудник. В 1954 г. защитила кандидатскую диссертацию, с 1963 г. — старший научный сотрудник, в 1986 г. ушла на пенсию в связи с инвалидностью. Написано свыше 50 научных работ, в том числе участвовала в написании книг. Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и юбилейными медалями; ветеран труда.

Зеленова (до замужества Каширина) Ольга Ивановна родилась в 1920 г. в г. Козельске Калужской обл. В 1938 г. окончила в Москве среднюю школу и поступила в МГРИ им. С. Орджоникидзе. В комсомоле с 1936 по 1946 г., с 1944 г. — член КПСС. С октября 1941 г. по июнь 1942 г. сандружинница 84-го механизированного отдельного батальона (МОБ) 158-й стрелковой дивизии. По окончании МГРИ в 1947 г. поступила в ГЕОФИАН на должность инженера-геолога. С 1950 г. — в ИГН АН СССР (с 1956 г. ИГЕМ), до 1966 г. — младший научный сотрудник, до настоящего времени — старший научный сотрудник. В 1956 г. защитила кандидатскую диссертацию. Около 70 научных работ, среди них 3 книги. С 1977 по 1985 г. ежегодно выезжала в НРБ по техпомощи. Награждена орденом Отечественной войны II степени, 6 медалями; ветеран труда.

Л. И. Звягинцев

НА ТАНКЕ ДО БЕРЛИНА

Ранее я избегал рассказывать, а тем более писать о войне. Для меня было слишком болезненно ворошить прошлое. С годами терялся интерес и смотреть войну в кино. В большинстве все, что показывали, было так надуманно. Выставлять себя перед читателями или слушателями героем не хочется, но и самоунижаться тоже желания не возникает. На войне как на войне —

Леонид Иванович Звягинцев
(р. 1926)

всякое бывало, и я был, как все. Смею уверить — стрелять в людей, если ты нормальный человек, не такое уж веселое занятие.

Прошло столько лет, многое забылось, как говорят в этих случаях, бывшем поросло или представляется совершенно в ином свете. Ведь с годами человек меняется, меняется и его отношение к прошедшему. По молодости лет, а войну я закончил 19-летним, вся эта ужасная бойня меня не затрагивала в такой мере, как если бы это происходило в более зрелые годы. В то время мне казалось, что это происходит как бы не со мной, я присутствую вроде стороннего наблюдателя. Странное это было чувство, позднее я это-

го больше никогда не испытывал. Поэтому даже смерть окружающих мной воспринималась как-то странно, я бы даже сказал — как во сне. Если и приходила боль от потерь товарищей, то все же она быстро отпускала. Надвигалось новое сражение или атака — и новые смерти, и это вытесняло старую боль.

Время и жизнь текли как бы в двух измерениях. С одной стороны, тяжелая работа механика-водителя танка с постоянным напряжением, как бы чего не случилось с машиной, чтобы она хорошо заводилась, чтобы не порвалась гусеница во время боя, ведь это почти всегда верная смерть, и чтобы все было наготове, если придется выскакивать из подбитой машины. С другой стороны, ощущения наблюдателя за происходящим.

Позже, уже в зрелом возрасте, меня поразили слова Пушкина: «Есть упоение в бою, у самой бездны на краю». Возможно, такое же чувство владело в какой-то мере и мной. Сказать что-либо путное об этом сейчас не могу, все может быть, но в то время я об этом не думал и не давал себе отчета. Может быть, это был просто азарт игрока, которому постоянно везет. Если после каждого боя ты не ранен и жив, значит выиграл.

В армию я пошел добровольцем — мне было 17 лет и 14 дней. Это было в апреле 1943 г., когда фронт хотя и медленно, но все же откатывался на запад. Около двух месяцев меня перебрасывали из одного рода войск в другой, пока, наконец, я не попал в запасной танковый полк. Прочувшись около шести месяцев, я стал стрелком-радистом танка Т-34. В конце 1943 г. я в составе маршевой роты выехал на фронт и первые бои принял в районе г. Ковеля (Западная Украина).

Через три месяца в одной из атак танк был подбит и сгорел. Спаслись двое — я и механик-водитель Горелов (имя не помню). Был он тогда на 4 года старше меня. Остальных троих немцы расстреляли из крупнокалиберного пулемета. Трассирующие пули из него отчетливо были видны в воздухе. Их расстреливали, когда они выскакивали из верхнего люка в башне. Горелов был спокойный и рассудительный, и мы спаслись только потому, что он не растерявшись открыл винты десантного люка, который открывался вниз под днищем и находился у меня под ногами. Вначале вылез я, или, вернее, он просто вытолкнул меня, затем вылез сам. Прежде чем танк охватило пламя, мы успели отползти в какую-то воронку от снаряда. Взрыв снарядов, патронов и горючего был жуткий. Но когда лежали в воронке и ждали взрыва, Горелов показал мне, чтобы я закрыл пальцами уши и открыл рот. Если бы не он, не знаю, смог ли бы я сориентироваться, соображал плохо. По сути дела, он спас меня.

Вот так за несколько минут был уничтожен наш дом, где хотя и плохо, но все же мы прожили несколько месяцев, где находилось немудрящее наше хозяйство и кой-какие вещички. К вечеру мы разыскали штаб нашей бригады. В этом бою сгорело 5 танков. Кроме нас, в живых осталось еще пятеро. Были, наверное, и раненые, которых отправили в госпиталь. Ходили слухи, что были сильно обожженные.

Но самое неприятное началось на второй день. К штабу подъехал «виллис» с «особистом» в чине майора и двумя откормленными автоматчиками. Автоматчики вынули из машины две небольшие табуреточки. На одну из них поставили чернильницу — ученическую «невывлашку», ручку и несколько листов бумаги. На другую — сел майор, одетый в новую диагональную гимнастерку с белым подворотником, и начал вызывать то ли для беседы, то ли на допрос по одному.

Вызвали меня, доложил по форме. Майор задавал вначале вопросы обычные: фамилия, имя, отчество, год рождения, национальность. Ну, в общем, где родился, крестился, учился. Потом пошли те же вопросы про родителей, братьев, сестер. Был ли я под судом или кто из моих родственников, есть ли кто-либо из родственников за границей. Был ли в оккупации под немцами. Вопросы задавал тихим голосом. Ответы записывал как-то очень уж брезгливо. Задавая вопрос, смотрел куда-то в сторону.

Да и то сказать, контраст между мной — немытым, пахнущим потом и соляжкой — и им — чистеньким — был разительный. И как положено, он — чистый, правильный — сидит, а я — грешный и виноватый — стою.

Кончив все официальные вопросы, тихо так, вроде как бы попросил рассказать, как было дело. Как это так получилось, что я остался жив, а трое из экипажа погибли. Что перед боем говорил командир, что говорил механик и что говорили другие. Что я говорил механику и что он говорил мне. Я был

сбит с толку казавшейся мне нелепостью самих вопросов, что ему отвечал — не помню. Единственное, что хорошо запомнил и прочувствовал, то, что он внушил мне какое-то ощущение моей вины перед кем-то. Заставлял повторять ответы и записывал их не торопясь на отведенный мне лист бумаги.

Закончив со мной «беседу», сам прочитал мне, что там записано. В руки мне не дал, показал, где мне надо расписаться, да чтобы я делал это аккуратно и не испачкал лист. Затем, предупредив, что все, что здесь происходит, — тайна и я несу ответственность за ее разглашение, разрешил мне уйти.

Вернулся с «беседы» Горелов, долго матерился, правда, не очень громко. На мой вопрос, чем он так раздражен, замолчал и только через некоторое время пробормотал что-то насчет того, что лучше сгореть в танке. Почему лучше, объяснять не стал.

Оставшихся в живых танкистов построили, и командир бригады объявил нам, что будем ждать пополнения машин. Увидел меня, спросил, сколько мне лет и как я попал сюда. Услышав ответ, приказал начальнику штаба выписать мне документы и отправить в тыл за новой машиной. Документы мне выписали в г. Горький. Единственно близкий мне человек механик Горелов остался в бригаде. Больше мы с ним не виделись.

Попал я в «знаменитые» во время войны Гороховецкие лагеря Горьковской области, в которых находились учебные роты по подготовке танкистов. А «знаменитые» они были плохой кормежкой, вечно все ходили полуголодные. Часто, лежа на нарах, мечтали, как попадем на фронт и наедемся. На фронте кормили по первой категории, а здесь, в лагерях, была даже не вторая, а какая-то третья категория.

В учебной роте меня стали переучивать на механика-водителя. Радисты к тому времени уже были не нужны. На радию стал работать сам командир танка. К концу 1944 г. были сформированы экипажи, и мы отправились в Горький получать танки.

В течение 10 дней осваивали машину на танкодроме. Если что-либо ломалось — гнали ее на завод, где исправляли. На танкодроме брали различные препятствия, стреляли с хода и с остановки — в общем, привыкали к машине, она к нам и мы друг к другу. Через 10 дней погрузились на платформы и прибыли в Польшу, разгрузились и прямо с хода переправились на Вислинский плацдарм. С боями прошли до Одера в составе 36-го разведывательного танкового батальона, входящего в 11-ю дивизию 1-го Белорусского фронта.

Также с ходу по понтонному мосту в кромешной тьме переправились на Одерский плацдарм — пятачок, где уже находилась наша потрепанная пехота. Чтобы мы не передавили друг друга на понтонном мосту или не столкнулись танки, командиры на спину прикалывали белую тряпку и шли или бежали впереди машины. На другом берегу Одера закрепились и начали вести бои за расширение территории. Ту часть плацдар-

ма, которую мы отвоевали, оставили за нами, а вновь прибывшие шли дальше. Так мы через месяц попали во второй эшелон.

В выкопанный капонир загнали танк, так что над бруствером торчала часть башни, чтобы было удобно стрелять из пушки. В общем, превратились в неподвижную огневую точку. И спали мы теперь не на сиденьях, а на брезенте под машиной, хоть и не раздеваясь, но вытянувшись во весь рост.

Как вели бои за расширение плацдарма, почти забылось. А вот сколько пришлось перекидать земли, роя капониры, — это помнится, и еще сейчас дрожь пробирает. Откуда силы брались? За благо считалось, если удавалось простоять в одном капонире три-четыре дня.

Часто спрашивают, когда было наиболее страшно и что запомнилось. О себе скажу так — страшно было всегда, страх подавлял. Был, например, и такой случай с одним из членов нашего экипажа, не буду называть его имени. Однажды он выскочил из машины и побежал прямо на укрепления немцев. Спасибо пехотной разведке, которая остановила его и почти силой возвратила обратно. Случилось это в конце войны. Разве можно сказать, что было с ним. Возможно, психологи и объяснят все это по-научному, я не знаю. Иногда перед атакой охватывало какое-то спокойствие, а бывало ноги и руки ходили ходуном и нужно было перебороть себя.

Перед нашим наступлением на Берлин немецкие самолеты на наши позиции бросили листовки, в которых было написано, что у немцев появилось новое оружие — очень разрушительное и фюрер устроит нам кровавую бойню перед своей столицей. Поэтому, пока не поздно, тем, кто хочет остаться жить, надо переходить на их сторону, т. е. сдаваться в плен. На другой стороне листовки был отпечатан пропуск. Кто захочет перейти, должен просто предъявить этот клочок бумаги.

Я был некурящий, а те, кто курил, использовали их на самокрутки. «Махра» у нас всегда имелась, а бумаги обычно не было. И если кому попадалась газета, то ее сворачивали квадратиком и отрывали по листочку на сигарку. Я за время войны, кроме дивизионной газеты, других не видел и не читал. Да и «дивизионку» читали больше в штабах или тыловых подразделениях. В экипажи танков она попадала редко. Делать самокрутки из листовок было тоже довольно боязно. И если курили такие сигарки, то не на глазах политработников, а те, увидев это, не упускали случая сделать проработку.

Были среди танкистов разговоры, что, может быть, оружие у немцев и есть, как фауст-патроны или что-то подобное, но серьезно это не воспринимали. Да и как было верить этому, мы уже стояли менее чем в сотне километров от Берлина. Командиры на вопросы подобного рода только пожимали плечами. И мы понимали, что они ничего про новое оружие сказать не могут. Постепенно разговоры о нем заглохли. Всех волновал один вопрос: скоро ли война кончится и как поведут себя союзники при встрече с нами?

Срок наступления с плацдарма на Берлин назначали несколько раз. Происходило это так. Вечером командир нашей роты, получив распоряжение свыше, вызывал всех командиров танков и отдавал им свой приказ, чтобы все было готово к четверем утра. Командиры танков и механики-водители уже прежде несколько раз ходили на рекогносцировку и знали наши ориентиры движения в случае наступления.

За час все уже были на своих местах. Механики заводили моторы и прогревали двигатели. Время подходит к четверем, сейчас будет приказ выгонять машины из капониров. Двигатель работает, машина готова к движению, а приказа все нет. Сидим, пока не станет светло. К этому времени, чтобы не перегревать двигатель, постепенно глушили моторы. Кое-кто уже посапывает, скорчившись на сиденье. Становится совсем светло. Приезжает кухня. Дается через некоторое время команда по одному из каждого экипажа сходить за завтраком. Все остальные остаются на местах. Обычно на кухню посылается стрелок-пулеметчик. Едим на сиденьях.

Где-нибудь в 9—10 часов утра поступает команда выставить охрану, а все свободные от караула могут опять залезать под машину и отсыпаться. Теперь уже учение или политбеседа будут во второй половине дня. Так повторялось несколько раз. Мне кажется, все это делалось для того, чтобы противника сбить с толку.

За 2 дня перед настоящим наступлением на нашем участке появился комендантский взвод. Обычно это означало, что должно пожаловать очень высокое начальство. И действительно, во второй половине дня подъехали машины типа «виллис» и из них вышло несколько человек. Все они были одеты в зеленые комбинезоны с погонами рядовых. По ходам сообщения они отправились ближе к передовой. Охраняли их впереди и сзади пехотные разведчики. Примерно часа через полтора они возвратились, разместились по машинам и укатили. Ходили слухи, что приезжал сам командующий 1-м Белорусским фронтом Г. К. Жуков.

Через день мы опять ночью заняли места в машине и завели моторы. Ждем, что будет дальше. Дальше началось такое... Вначале где-то проиграла «катюша». Потом из-за наших спин начала ухать тяжелая артиллерия. К ней присоединились пушки поменьше, которые находились впереди нас в 50 м. Стоял такой гул, что мы не слышали друг друга: видно было, как шевелятся губы, а слов не разобрать. Не было слышно и работающего мотора. Смотришь только, дрожит ли стрелка тахометра. Возбуждение охватило всех.

Командир жестом показал, что пора выгонять машину из капонира. Ночь, темно совсем. Командир говорит: «Двигайся на свой ориентир». А как двигаться, когда не видно ничего. Включили фары, и медленно поехали. Гул достиг такой силы, что не знаю даже, с чем сравнить. Наступление началось. За нами

шли тяжелые танки, между ними самоходные орудия. Между нашими машинами тягачи тянули крупные пушки, автомашины, пушки помельче. И все это двигалось в одну сторону. Толчея невообразимая, только и смотри, чтобы кого-нибудь не придавить или не столкнуться. Прямо на ходу ко мне на броню вскочили несколько человек десантников.

Вдруг началось самое непонятное, а все непонятное вызывает страх. Весь передний край, куда нам предстояло двигаться, осветился. Что это было, никто из нас не знал. Вот тогда и начали лезть в голову мысли, а не секретное ли это оружие? Неужели, действительно, немцы приготовили нам сюрприз? Яркие лучи все-таки шли как будто с нашей стороны. Господи! Неужели это что-то — наше, неизвестное нам. Но вскоре стало хорошо видно, что это были прожекторы, освещавшие передний край обороны немцев, по которому молотили снаряды. Но те 10—15 минут, пока мы были в неведении, я и не только я прощался с жизнью. Зрелище жуткое. Освещенная земля встала на дыбы.

Началось наступление на Берлин. Долго мы ждали его. Но вначале были страшные Зееловские высоты, где мы оставили горы убитых и кладбище обгорелой и исковерканной техники. Затем штурм городишка Мюнхеберг, где наш батальон потерял семь танков. Все они сгорели. А после, когда взяли и уже ночью отошли влево в какую-то деревню, удостоились ночного налета американских «летающих крепостей». Как нам удалось уцелеть под 500-килограммовыми бомбами союзников, одному богу известно.

И наконец, уличные бои в Берлине, где пришлось штурмовать каждый дом. Продвигались по улице, параллельной каналу Шпрее. Первого мая рота отошла заправиться горючим и пополнить снаряды и патроны. Вот в это время и появился в роте фотокорреспондент из «Иллюстрированной газеты». Среди развалин мы выстроились, а наш командир роты лейтенант Зайцев зачитал нам приказ Верховного Главнокомандующего в связи с Первомайским праздником.

По этому случаю командир принарядился, снял комбинезон, на голову вместо шлема водрузил фуражку. Мы же на фоне танков стояли в шлемах и комбинезонах и внимательно слушали. Так эта фотография и появилась в майском номере «Иллюстрированной газеты» за 1945 г.

От тех берлинских боев у меня сохранилась «... личная,— так написано в грамоте,— благодарность Верховного Главнокомандующего И. Сталина за героический штурм Берлина», а также медаль «За взятие Берлина». Куда делась газета с первомайской фотографией, не знаю, должно быть, потерял, а так иногда хочется взглянуть, какие мы были.

От нашего танкового батальона, в котором на Одерском плацдарме было 16 танков, к Берлину дошло семь. Наша машина под номером 365, хоть и побитая, и с оторванными крыльями, послужила хорошо, и вместе с ней мы закончили войну. В экипаже

кое у кого были мелкие ранения, но живы остались: командир танка старший лейтенант Карпулев, командир орудия старший сержант Григорий Скворцов, заряжающий сержант Николай Шилкин и стрелок-пулеметчик младший сержант Виталий Бабкин. Где вы все теперь, спрашиваю я, ваш бывший механик-водитель старший сержант Леонид Звягинцев?

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Звягинцев Леонид Иванович, ведущий научный сотрудник Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии АН СССР. Родился в 1926 г. 31 марта в с. Высоком Курской области. Учеба в школе была прервана Отечественной войной, к началу которой окончил 7 классов. В 1943 г. добровольцем ушел на фронт. Воевал на знаменитом танке Т-34 стрелком-радистом и механиком-водителем. Войну закончил в Берлине в составе 1-го Белорусского фронта. Имеет правительственные награды: ордена Славы III степени, Отечественной войны II степени, медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», 7 других медалей СССР. После войны, в 1955 г., окончил МГРИ им. С. Орджоникидзе, затем аспирантуру в ИГЕМ АН СССР. После окончания аспирантуры начал работать в этом же институте вначале младшим (1961), затем старшим (1972) научным сотрудником, а с 1986 г. — ведущим научным сотрудником. В 1963 г. защитил кандидатскую, в 1984 г. докторскую диссертации. Научные работы проводит главным образом в области петрофизики. Занимается изучением влияния физических свойств горных пород на процессы петро- и рудогенеза. По результатам исследований опубликовано 80 научных статей, две авторские и три коллективные монографии. Печатается также в газетах и журналах начиная с 1981 г. Статьи и две книги посвящены белому камню, который широко применялся в русском зодчестве в XII — XIX вв.

Е. М. Камшилина

ВОЕННЫЙ ГЕОЛОГ НА ФРОНТЕ

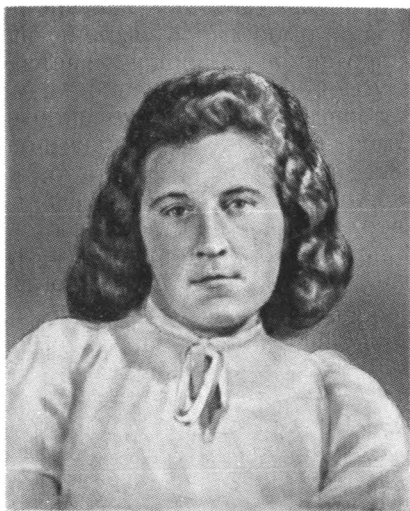
Летом 1941 г., будучи студенткой МГУ, я была на производственной геологической практике в Молдавии от бывшего треста «Спецгео». 22 июня мы оказались на самой границе, заночевав в маршруте в небольшом селе на р. Прут. Рано утром проснулись от орудийной канонады. Это было начало Великой Отечественной войны.

В тот момент мы не думали, что все последующие годы войны будем ее участниками. Трест, в котором я осталась работать, стал почти военной организацией, экспедиции были переименованы в военно-геологические отряды, выполнявшие задания инженерных войск различных фронтов. Моя работа проходила на Закавказском, Северо-Кавказском и 1-м Украинском фронтах.

Было много памятных эпизодов. Они, правда, уже «запорошились» временем, и детали их не так уж, может быть, остро выглядят, но в памяти они встают чередой.

Маршруты «по-пластунски». 1942 год, военно-геологический

отряд на Таманском полуострове. От немцев нас отделяет Керченский пролив. Оставляя машину в укрытии, мы буквально «по-пластунски» обследовали прибрежную часть полуострова. Малейшее нарушение маскировки вызывало немедленную реакцию немцев, и над нашими головами появлялся самолет. В одну, пожалуй, из самых темных ночей была объявлена тревога, тишину ночи нарушил орудийный гул, пытался высадиться немецкий десант. С каждым днем обстановка обострялась, и по приказу Управления инженерных войск Северо-Кавказского фронта работы были свернуты в считанные часы. И те несколько часов

Евгения Матвеевна Камшилина
(р. 1920)

срабатывали на нас, иначе мы были бы отрезаны немцами.

Продвигаясь с Таманского полуострова в южном направлении, вместе с ротой глубокого бурения мы оказались на самой передовой в окружении непрерывной орудийной канонады. Здесь уже было не до гидрогеологических проблем, так как пришлось переносить раненых в укрытия и оказывать им необходимую помощь.

В доме нас было трое. И не всегда это были экспедиции и отряды, особенно на Северо-Кавказском фронте, а часто разрозненные группы геологов или даже по одному прикомандированные к воинским частям. Так было со мной под Новороссийском в 1943 г.

Разрешить проблему питьевой воды, наладить регулярное водоснабжение войск — было задание гидророты, и я в ее составе. Потоками шли химические анализы воды, которые мне пришлось освоить в полевых условиях и давать заключение о пригодности воды для питья. Работа часто прерывалась бомбежками.

17 марта, небольшой домик вблизи прекрасного даже в войну Черного моря. Анализирую пробы воды, в соседней комнате боец готовит боевой листок ко Дню Парижской коммуны. Нарастающий гул самолетов, проходят секунды — и все вокруг сотрясается от разрывов бомб. Разбиты бутылки с пробами, полевая лаборатория и наполовину дом, убиты боец, выпускавший боевой листок, и хозяйка. Вечером мы хоронили еще троих наших солдат. Поселок почти разрушен, кладбище братских могил... Это было очень страшно и тогда и сейчас в воспоминаниях.

Минное поле. 1944 год, 1-й Украинский фронт. Вслед за отступающими немецкими войсками, взорвавшими мост через Вислу и заминировавшими все подступы к нему, проводилось бурение и готовилась необходимая геологическая документация для срочно-

го строительства нового моста. Обследуя пойменную часть долины, я оказалась в центре большого минного поля, о существовании которого меня не предупредили, и, видимо поглощенная своими делами, не заметила ограждающих красных флажков. Меня увидели патрули, но было уже поздно — расстояния во всех направлениях были одинаковыми... Остаток пути я шла медленно, уткнувшись в землю, и мне действительно попадались заминированные участки (мне эти мины снились потом всю ночь).

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Камшилина Евгения Матвеевна родилась в 1920 г. После Великой Отечественной войны до 1947 г. продолжала работать в бывшем тресте «Спецгео», с 1957 по 1961 г. она была младшим научным сотрудником Комиссии АН СССР по проблеме «Закономерности размещения полезных ископаемых», с 1962 г. и по настоящее время — ученый секретарь Научного совета АН СССР по рудообразованию. Награждена орденом Отечественной войны II степени и 6 медалями СССР.

К. А. Клигин

ТРУДНЫЙ ПУТЬ

Я родился 2 августа 1926 г. До войны я жил в небольшом смоленском селе недалеко от г. Вязьмы. Окончил 8 классов школы. 22 июня 1941 г. было жарко, мы купались в прозрачной и теплой р. Угре. При возвращении в село удивились сильному волнению жителей: «Война с немцами, мобилизация». Мы, еще ребята, считали, что наша армия непобедима, будет воевать на вражеской территории и, вероятно, вскоре вступит в Берлин и покончит с коричневой чумой. Однако вражеский фронт быстро двигался на восток. Уже взяты немцами Минск, Смоленск... Мы, школьники, уже роем противотанковые рвы у Вязьмы. А потом была прорвана наша оборона и мы оказались в окружении. На Москву двинулась армада танков, пушек, весело шли немецкие солдаты. «Москва капут!» — кричали они. На стенах появились приказы, которые неизменно кончались словами: «За неповиновение — смертная казнь». Настали горькие времена. Я и моя мать помогали как могли бойцам, оставшимся в окружении.

В декабре 1941 г. началось наступление советских войск. Недалеко от нашего села появились солдаты 33-й армии генерала М. Г. Ефремова. Я решил присоединиться к ним, но вначале разведать путь. Однако меня схватил отряд немцев, а их офицер приказал меня расстрелять. Я пытался бежать, но был ранен в ногу. Мне удалось притвориться мертвым. Немцы привели несколько пленных солдат и приказали меня закопать. Когда несли хоронить, я сказал, что жив, и меня тайно доставили в барак для тифозных больных, куда немцы боялись заходить. Так мне удалось спастись.

После ранения было много страшных моментов. Меня выдал предатель, а затем вместе со смоленской молодежью отправили в Крым на тяжелые работы. Весной 1944 г. в районе г. Алушты мне удалось бежать и стать бойцом-пулеметчиком Советской Армии. Войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала И. Е. Петрова быстро продвигались на запад вдоль Карпат.

Мы взяли города Станислав, Дрогобыч, Самбор и вступили в пределы Польши, Чехословакии и Венгрии. Здесь поступил приказ — любыми средствами пересечь Карпаты и помочь словацким повстанцам. Это задание оказалось очень трудным и было выполнено лишь в 1945 г.

Перевал через Карпаты был укреплен бетонными дотами, а все проходы заминированы. Начались кровопролитные бои в горно-лесистой местности. Наш полк был расположен недалеко от известного перевала Дукла и провел ряд успешных боев. В сентябре ночью наша рота сменила на одной из сопкок сильно поредевшее соединение. За овладение этой возвышенностью в течение длительного времени шли тяжелые бои. Сопка была усеяна телами советских и немецких солдат. Рядом находились окопы противника, забрасывавшего нас гранатами. Всю ночь мы отбивались, а утром отбросили немцев с сопки.

Наше командование решило начать крупное наступление. Рота, к сожалению, попала в засаду, и многие славные ребята были убиты. Я был тяжело ранен в голову разрывной пулей. Пули прошли также в шею и плечо, а я упал в воронку, заполненную холодной водой. Пролежав там несколько часов и поняв, наконец, что все же жив, пополз к своим. Темнело. По пути встретил нашего командира взвода лейтенанта Миронова с перебитыми ногами, который попросил, чтобы я сообщил нашим о нем. «Здесь немцы, будь осторожен», — сказал лейтенант. Вскоре я увидел отряд немцев. Погода стояла дождливая, и меня они не заметили. Я метр за метром пробирался к своим. Вот и вершина сопки. Сопку обороняли остатки батальона: легкораненые, медсестры, писари, возницы.

Я передал наш разговор с лейтенантом Мироновым, с трудом добрался до полевого госпиталя и там потерял сознание. Далее последовали ряд госпиталей, операция, гипс и все вытекающие из этого последствия. Желанную победу я встретил в Горьковской области в звании лейтенанта, но уже инвалидом. После войны я

Константин Александрович Клитин
(1926—1988)

закончил свое среднее образование и поступил на геологический факультет МГУ. В 1952 г., после окончания университета, был принят в аспирантуру Геологического института АН СССР. Начиная с середины декабря 1955 г. меня зачислили младшим научным сотрудником ГИН АН СССР, а в начале 1958 г. я защитил диссертацию и получил ученую степень кандидата геолого-минералогических наук.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Клитин Константин Александрович награжден орденом Отечественной войны II степени и 7 медалями. Скончался К. А. Клитин 7 января 1988 г.

И. З. Корин

НА КАРЕЛЬСКОМ И 2-М БЕЛОРУССКОМ ФРОНТАХ

Честно говоря, не люблю рассказывать про свое участие в боях и боевых операциях. Ну, воевал, как все. Был сапером, минером, штурмовиком, командовал взводом, ротой, отделением, батальоном, забрасывался в тыл противника. Был несколько раз ранен, награждался и был счастливее всех в День Победы. Вот и все о себе.

Рассказать что-либо более захватывающее, интересное, чем многочисленные героические эпизоды, описываемые в юбилейные дни во всех журналах и газетах, не могу, а вот в память о тех моих товарищах-однополчанах, которые никогда не состарятся, которые во имя жизни, во имя мира, во имя свободы нашей Родины остались навечно молодыми лежать в земле двух военных «дифел»¹, я расскажу.

Это были две операции местного значения. На самом «тихом» Карельском фронте. Командованию стало известно, что гитлеровцы в районе «дефиле» Софпороч — Лоухи — Чупа готовятся молниеносным ударом (блицшаг) отрезать Кольский полуостров, отсесть незамерзающий порт Мурманск, перерезать главную артерию связи нашей армии с союзниками. Ближайший к границе в этом районе финский г. Кусамо был превращен гитлеровцами в опорный пункт. Здесь были организованы склады боеприпасов, построены аэродромы, доставлены артиллерия, бронемашины и легкие танки, сосредоточены немецкие пехотные, егерские горные дивизии и финские стрелковые соединения из шоцкоровцев. К границе было подведено несколько шоссе, проложены рокады. В междуозерье Топ—Пяо-озеро рыскали курсанты диверсионной школы и офицерского квислинговского разведбатальона

¹ Т. е. узкий проход между препятствиями (горами, болотами, озерами и т. д.), используемый обычно для задержания противника обороняющимися войсками.

«Викинг». Вот-вот можно было ожидать выступления гитлеровцев, но, опережая их на сутки, а может, на часы, фронт прорвала наша первая Заполярная им. Суворова (впоследствии Гдыньская) 205-я стрелковая дивизия, которую немцы с ужасом называли «дикой». Дивизия за два дня, преодолевая десятки укрепленных междуозерий, разминируя гати и блокируя железобетонные точки, не отрываясь от врага, сделала бросок в 80 км и «с ходу» овладела Кусаме.

Через 3 дня дивизия отходила на отдых в тыл, в Лоухи. Я был полковым инженером головного полка, в строю которого при возвращении насчитывалось чуть больше 100 человек (вместе с приданным отдельным

батальоном автоматчиков и разведротой), да и те все были с повязками и посохами, но победа была за нами — Кольский остался неотсеченным, с Мурманском сохранилась связь.

Второе «дефиле» было представлено узким проливом Свиномюнде, в устье Одера, между континентом и о-вом Узедом. Наши войска готовились к штурму Берлина. Гитлеровская армия, как смертельно раненый зверь, огрызалась со всей свирепостью и жестокостью обреченного. Гитлеровцы укрепились на о-ве Узедом, имея в своем распоряжении трехэтажные подземные хранилища снарядов и бомб. Перед устьем Одера сосредоточились военные суда, которые также вели заградительный огонь пролива Свиномюнде. В пролив вошли канонерки и подлодки, намеревавшиеся огнем поддержать оборону Берлина с Одера.

Нескольким соединениям 2-го Белорусского фронта под командованием маршала К. К. Рокоссовского было поручено выйти с востока на правобережье пролива Свиномюнде, форсировать пролив, захватить плацдарм на его левобережье — на о-ве Узедом.

Форсирование Свиномюнде и дальнейшая переправа через пролив стрелковых подразделений и боевой техники были возложены на 1-й гвардейский минно-инженерный штурмовой батальон. Форсирование и переправа продолжались более 4 часов. Потом, уже в подвале бывшей геринговской виллы, на левом берегу Свиномюнде, в штабе батальона подсчитали, что в строю осталось 24% состава, но враг был отброшен в море. Узедом был наш, правый фланг наступления на Берлин был обеспечен.

Игорь Захарович Корин
(1914—1983)

Корин Игорь Захарович (1914—1983). С 1936 г., еще до окончания МГРИ, начал работу сначала лаборантом, затем младшим научным сотрудником в ИГН АН СССР. С 1941 по 1946 г. находился на фронте, после окончания войны снова вернулся в институт и продолжал работать над изучением древних кор выветривания. В 1951 г. И. З. Корин защитил кандидатскую диссертацию, с 1954 г. работал ученым секретарем института. В 1955 г. был назначен на должность старшего научного сотрудника. В 1976 г. И. З. Корин ушел на пенсию. Награжден орденом Отечественной войны II степени и двумя орденами «Знак Почета».

М. Н. Коробов

ФРОНТОВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Я родился 13 апреля 1925 г. в д. Ивановка Курьинского района Алтайского края в семье бедного крестьянина. В 1932 г. родители переехали в Игрышенский совхоз Новоселовского района Красноярского края. В семье было шестеро детей. Мы с братом были самые взрослые. Тогда во многих регионах нашей страны была засуха. Был голод. Два года пришлось ходить по деревням просить милостыню. За это время четверо детей умерло. Мы с братом остались вдвоем. В 1934—1938 гг. учился в начальной школе. Окончил четыре класса и из-за затруднительных материальных условий учебу прекратил. В 13 лет (1938 г.) пошел работать разнорабочим в совхоз. Здесь 22 июня 1941 г. узнали о вероломном нападении фашистской Германии на нашу Родину. Взрослые мужчины ушли на фронт, и мы, подростки да женщины, заменили их на всех работах. Мы чувствовали ответственность за порученное дело и стали как бы взрослыми. Вообще в военные годы молодежь выросла раньше, чем в мирное время.

В марте 1943 г. я был призван в Красную Армию. По сентябрь 1943 г. проходил подготовку в пулеметной роте в г. Бердске под Новосибирском. В октябре того же года прибыл на фронт, вначале под г. Оршу, а потом под г. Витебск. Сразу скажу, что я воевал в пехоте, был старшим сержантом.

Первое боевое крещение получил около станции Крынки. Был пулеметчиком станкового пулемета и во время наступления нашей роты поддерживал наступающих огнем. Хотя и с большими потерями для нас, операция по взятию высоты была успешно завершена. За этот бой я был награжден медалью «За отвагу». После боя мы были отведены на пополнение, где некоторое время наше подразделение стояло в обороне, ведя местные бои с противником до 21 июня 1944 г. Нашу роту переименовали, она стала называться отдельной учебной ротой, и мы стали воевать с автоматами в ружьях. Ждали общего наступления — и этот день пришел.

21 июня 1944 г. утром началась артиллерийская подготовка,

длившаяся 2 часа. После прекращения артиллерийской подготовки мы пошли в наступление. Здесь хочется остановиться на маленьком эпизоде. Когда мы начали наступать, в нашем секторе оказалась вражеская пушка, из которой стреляли по нашим рядам прямой наводкой, что очень затрудняло продвижение вперед. К этому еще добавлялся огонь немецких автоматчиков. Под сильным вражеским огнем нам пришлось залечь. Тогда командир дал команду: перебежками и попластунски продвигаться вперед. Я стал продвигаться в обход стреляющей пушки. Через некоторое время удалось приблизиться с правой стороны от стреляющего орудия и бросить гранату. Произшел взрыв, пушка замолчала, и в этот момент

Михаил Николаевич Коробов
(1925—1986)

поднялись бойцы и с криком «ура», стреляя на бегу бросились в атаку, заняли часть передней траншеи. Но траншею нужно было очистить от противника. Кому идти впереди, решили быстро. Я был всех моложе, и мне доверили это дело. За одним из поворотов траншеи выбежал мне навстречу фашистский солдат, увидев меня, он выстрелил, но пули прошли по пустому месту гимнастерки. Выстрелами из автомата я убил его. Тогда я сказал своим, идущим сзади, чтобы передавали мне гранаты, а я буду бросать их за каждый поворот траншеи, впереди себя. Таким путем очистили всю траншею, взяли несколько солдат противника в плен и двинулись дальше. Поставленная перед нами задача была выполнена, фронт был прорван, и немцы стали откатываться на запад. За успешную операцию я был награжден орденом Славы III степени.

Так, с боями, освободив Белоруссию и Литву, наша рота приблизилась к государственной границе с Восточной Пруссией. Настроение у бойцов было приподнятое, все знали, что подходим к государственной границе, что наша земля будет полностью очищена от фашистской нечисти. Такой день наступил. Это было 17 августа 1944 г. В этот день передовые подразделения 5-й армии 3-го Белорусского фронта вышли на государственную границу, форсировав р. Шешупе (Литовская ССР). Этим знаменательным событием началась грандиозная операция по уничтожению фашистской группировки в Восточной Пруссии.

Бои на подступах к границе с каждым днем становились все ожесточеннее. Противник упорно сопротивлялся, часто переходил

в контратаки, бросая в бой большое количество танков и пехоты. Но ничто не могло остановить наступления наших войск, развернувшегося на большом участке.

Знамя на границе. Наша отдельная учебная рота 159-й стрелковой дивизии также участвовала в общем наступлении на логово врага. В ночь с 16 на 17 августа 1944 г. роте был дан приказ выйти с боем на границу, на определенном участке форсировать р. Шешупе, захватить плацдарм на немецкой земле и удержать его. Я был командиром отделения и помощником командира взвода. Мне в отделение был дан красный флаг с твердым приказом поставить его на вражеском берегу реки. Флаг я вручил одному солдату своего отделения.

С рассветом 17 августа после небольшой артиллерийской подготовки мы пошли в бой. Немцы встретили нас интенсивным оружейным и пулеметным огнем. В результате атака захлебнулась и мы вынуждены были залечь. В это время боец, несший красный флаг, был убит, и флаг пришлось передать другому. Через несколько минут рота снова поднялась в атаку — и опять неудача. Тогда на помощь нам пришла артиллерия. По немецкой обороне наши «катюши» дали ряд залпов, после этого мы вновь двинулись в атаку. Стреляя на ходу, с криками «ура» мы побежали к вражеским окопам. На этот раз оборона противника была прорвана и гитлеровцы отступили к р. Шешупе. Во время боя боец, несший флаг, был ранен, тогда я поднял знамя и понес его к заветной цели.

Во второй половине дня с колоссальными трудностями и большими потерями в живой силе мы достигли границы и при поддержке артиллерии с хода стали форсировать вплавь р. Шешупе. Фашисты отчаянно сопротивлялись и обстреливали нас со страшной силой. Многие товарищи, оторвавшиеся от земли с одного берега реки, так и не увидели другого. Я подал команду, первым бросившись в воду, переплыл реку, достиг вражеской земли и поставил на ней красный флаг. Вдохновленные этим, солдаты роты увереннее стали форсировать реку. Плацдарм был нами занят, но главная задача заключалась в том, чтобы его удержать. Это было чрезвычайно трудно, так как нас оказалось всего лишь пять человек, противостоящих многочисленному врагу. Командовать бойцами и руководить дальнейшим боем пришлось мне. Немцы четыре раза переходили в атаку с танками, пытаясь скинуть нас обратно в реку. Но мы, несмотря на превосходство врага в силе, при огневой поддержке с другого берега стойко отбивали атаку за атакой, отстаивая завоеванный рубеж, и отстояли его до подхода основных частей. Этим самым было обеспечено дальнейшее успешное наступление наших войск на Восточную Пруссию.

Красный флаг, поставленный мною, развевался несколько дней, пока нас не заменила другая воинская часть. Вот за эту проведенную операцию мне и было присвоено звание Героя Советского Союза. После этого на отдыхе командир дивизии генерал-майор Николай Васильевич Калинин собрал нас и мы вместе с ним были сфотографированы под знаменем 159-й стрелковой дивизии.

Война продолжалась, и последовало новое наступление 23 октября 1944 г. в Восточной Пруссии, где я был тяжело ранен. А дело было так. Получили приказ наступать на населенный пункт. Я шел впереди всех вдоль небольшого, заросшего мелким кустарником ручья и оторвался от своих. Увидел два окопа на бугорке, подбежал к первому, в нем были два немца, крикнул: «Хенде хох!» Один поднял руки, стал вылезать из окопа, а другой выстрелил в меня в упор по ногам. Я упал на колено и тут же выстрелил в него. Из другого окопа в меня бросили гранату, она ударилась о мою спину, скатилась и разорвалась сзади. Мне выбило правую руку, тогда я левой рукой приподнял автомат и выстрелил в фашиста, стоящего рядом со мной. В этот момент рядом разорвался снаряд. Меня контузило и, видимо, волной отбросило в ручей, потому что я оказался в нем, лежал без движения. Когда наши пробежали мимо, думали, что меня убило, но благодаря санитарструктору, который вытащил меня из воды и оказал первую помощь, я остался жив. Когда стали подбирать раненых, меня доставили в медсанбат. А потом была борьба врачей и сестер за мою жизнь. Год находился я в госпиталях на излечении, вначале в Вильнюсе, затем в Казани. В декабре 1945 г. был демобилизован из рядов Красной Армии по состоянию здоровья. Остался инвалидом пожизненно.

Как сложилась жизнь после войны? После демобилизации вернулся домой, в Игрышевский совхоз. Стал работать и учиться. В 1948 г. в с. Новоселово закончил 8 классов и поступил в Горно-металлургический техникум в г. Лениногорске (Восточный Казахстан). В 1950 г. перевелся в Нефтяной техникум в г. Краснодаре, который окончил с отличием в 1952 г., и в том же году поступил учиться в Московский нефтяной институт им. Губкина. Окончил его в 1957 г. и получил специальность горного инженера-геолога. Был распределен на работу в Геологический институт АН СССР. Вначале работал старшим лаборантом, а с 1960 г. и по настоящее время — научным сотрудником. В 1967 г. защитил диссертацию, получив степень кандидата геолого-минералогических наук. Член КПСС с 1954 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

Коробов Михаил Николаевич изложил основные детали своей биографии в тексте воспоминаний. Он прожил относительно короткую, но весьма насыщенную различными событиями жизнь. Особенно это относится к его юности, но дополнить что-либо непосредственно со слов Михаила Николаевича уже невозможно, так как он скончался 2 декабря 1986 г. И все же хочется обратить внимание на ту часть воспоминаний М. Н. Коробова, где речь идет о том, как он, переплыв через реку, залег со знаменем в руках на берегу, занятом противником, и, обложив себя булыжниками, валявшимися вокруг, пролежал под непрерывным обстрелом в течение нескольких часов. Красный флаг, развевавшийся в окружении врага, был свидетельством того, что советские солдаты уже вступили за пределы бывшей западной границы СССР и продолжают преследование врага. Это было хорошим примером для других советских солдат, стремившихся к переправе для поддержки М. Н. Коробова и создания плацдарма, откуда можно было бы продвигаться дальше вперед на запад. Об этой детали, по своей скромности, Михаил Николаевич не упомянул в своем очерке, не сказав даже, что вражеские пули многократно попада-

ли в знамя, выбивая его древко из рук Михаила Николаевича, и он вновь и вновь поднимал его, чтобы его товарищи по роте видели, что он еще жив и знамя зовет их вперед, несмотря на град пуль, сыпавшихся на противоположный берег и в реку, которую предстояло преодолеть боевым товарищам М. Н. Коробова.

Редколлегия сочла необходимым добавить также некоторые детали, характеризующие деятельность Михаила Николаевича за период его работы в ГИН АН СССР. В жизни М. Н. Коробова отразилась судьба целого поколения — того поколения, которое в годы войны не жалея жизни встало на защиту нашей Родины, а в послевоенные годы не покладая рук трудилось на благо советского народа. В 1957 г. он стал работать в институте сначала старшим лаборантом, потом младшим и, наконец, старшим научным сотрудником. В первые годы пребывания в институте под руководством Н. В. Покровской он изучал трилобиты кембрия Сибири. Разработанная им к концу 60-х годов стратиграфическая схема Хараулахских гор Якутии была принята в качестве опорной, и в 1967 г. на основе этих материалов М. Н. Коробов защитил кандидатскую диссертацию.

Далее его исследования были связаны с Монголией. Преследуя цель разработать зональную шкалу кембрия Центральной Азии, М. Н. Коробов должен был выявить и детально изучить все известные на территории Монголии наиболее полные кембрийские разрезы и монографически описать встреченные в них органические остатки. Проявив большую настойчивость, он прекрасно справился с этой задачей. Он детально описал комплексы как миомерных, так и полимерных трилобитов и на этой основе впервые наметил ряд нижнекембрийских горизонтов, которые можно сопоставить с таковыми соседних районов — Алтае-Саянской области, Сибирской платформы, Средней Азии и Китая. Эти работы сыграли большую роль не только в корреляции стратиграфических схем и расшифровке палеогеографических обстановок, но и в определении возраста ряда толщ, с которыми связаны месторождения полезных ископаемых (в частности, фосфориты). В 1985 г. его монография на эту тему получила первую премию на конкурсе научных работ в ГИН АН СССР. М. Н. Коробов опубликовал более 20 статей, две монографии.

Что же отличало М. Н. Коробова как научного сотрудника? Прежде всего исключительное трудолюбие и честное отношение к работе (в полевой ли, в камеральной ли обстановке). В научных исследованиях всегда ему было свойственно высочайшее чувство ответственности. Можно было не сомневаться в том, что он «выжмет» из образца горной породы все, что можно, не пропустит ни одного обломка трилобита. Таким же ответственным он был и в общественной жизни. Все поручения от партийной организации института, а вступил он в партию в 50-х годах (в 1952 г. стал кандидатом в члены КПСС, а в 1954 г. — членом КПСС), он выполнял на самом высоком уровне. Нельзя не сказать и о человеческих качествах М. Н. Коробова. Он был хороший, отзывчивый и справедливый человек. Именно поэтому его уважали в лаборатории и во всем институте. Именно поэтому он пользовался большим авторитетом у всех сотрудников.

М. Н. Коробов останется в нашей памяти навсегда. Мы его будем помнить таким, каким он шел на Параде 40-летия Победы, — подтянутым, строгим и... с доброй улыбкой.

Герой Советского Союза М. Н. Коробов был награжден орденами Ленина, Отечественной войны I степени, Славы III степени, а также многими медалями СССР.

Ю. Б. Гладенков

Ю. А. Косыгин

ВОСПОМИНАНИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Воспоминания — это не хронология и не отчет. В памяти остается только существенное. Мы часто совершенно не осознаем, что есть самое существенное. Только разматывая клубок памяти, мож-

Юрий Александрович Косыгин (р. 1911). Снимок сделан в 1943 г. Северо-Западный фронт

но установить, что все запомнившееся находится в логической связи и ни одно звено этой цепочки не оказывается лишним. Со времени войны многое запомнилось, но все-таки это обособленный, как бы вырванный из общей системы кусок жизни — и из воспоминаний о ней, и из ее истории. Я сейчас ветеран войны. Ветеранов становится все меньше. И они окружаются все большим вниманием, и особенно по специальным праздникам — в День Советской Армии и День Победы.

В эти дни я часто выступаю с воспоминаниями на собраниях и в стенгазетах. Возникают в памяти разные эпизоды и разные проблемы, они тесно увязываются с общим ходом великих и трагических событий войны. Но все-таки война — это исчезнувший кусок времени жизни. Об этом хорошо написано у Томаса Манна: «Время — это драгоценный дар, данный нам для того, чтобы мы становились в нем умнее, лучше, достигали большей зрелости и большего совершенства. Время — это сам мир, а война не что иное, как дикое пренебрежение временем, как бегство из него в бессмысленном нетерпении»¹. И тем не менее если бы я не участвовал в войне с ее совершенно своеобразным складом поведения, человеческих отношений и психологии, то жизнь моя в целом была бы более монотонна. В ней бы не было этого яркого просвета или пробела, и события ее сливались бы в более единообразную цепь. Были такие события и обстоятельства, которые вообще немислимы в «гражданке».

Вместе с тем я не был ни убит, ни ранен, ни исковеркан войной. В этом отношении мне крупно повезло. География моих военных передвижений такова: Ильино, под Горьким, — место формирования

¹ Манн Т. Письма. М.: Наука, 1975. С. 279.

ния; Северо-Западный фронт — Старая Русса, Новгород, Валдай, Демянск, Бологое; кратковременный выезд в Москву в конце 1942 — начале 1943 г. на курсы; поездка в Ярославль весной 1943 г. с колонной автомашин; отдых в резерве под Рыбинском в конце 1943 — начале 1944 г.; 2-й Белорусский фронт — Олевск, Сарны, Маневичи; возвращение в Москву летом 1944 г. и пребывание в резерве; командировка в Пермь; кратковременная работа в Москве начальником военно-учебной части Московского нефтяного института. Одновременно осенью 1944 г. я ухитрился читать курс геотектоники и состоять ученым секретарем какой-то нефтяной комиссии в президиуме Академии наук СССР. С начала апреля 1945 г. снова действующая армия — Бухарест, Будапешт, Кенигсберг, Вена. Наконец, демобилизация в Москве, получение бессрочного паспорта по временному орденскому удостоверению.

Место работы (за исключением периода в Московском нефтяном институте) — действующая армия, штабы армий и фронта, сначала армейский полевой склад, отдел снабжения горючим штаба армии, затем отдел снабжения горючим штаба фронта. Началось это так. 21 июня я очень долго не ложился спать. Сидел за столом, не то готовился к лекции, не то писал какое-то очередное геологическое сочинение. В этот же день в Институте горючих ископаемых АН СССР на моем рабочем столе была разложена по экземплярам и подготовлена к правке рукопись, заключающая окончательный результат моих исследований 1940—1941 гг. по соляным куполам Украины. Когда я готовился к этой работе, А. Д. Архангельский сказал мне в коридоре ГИН: «Посмотрим, удастся ли Вам раскусить этот орешек». Как мне думается, я орешек раскусил, получив радующие мою душу далеко не тривиальные результаты. Я был в восторге от этой работы и 23 июня должен был прокорректировать разложенные на столе четыре экземпляра 120-страничного машинописного текста. Но этого сделать не пришлось. Утром проснулся поздно. Было воскресенье. Никуда не нужно было торопиться. В пижаме и шлепанцах я ходил по квартире в самом благодушном и ленивом настроении. Затем зашел в комнату матери. Она лежала на диване, читала. У ее изголовья — тумбочка с телефоном. Звонок. «Здравствуйте, Сонечка! Что? Что ты говоришь? Неужели? Какой ужас!» Я спросил: «В чем дело?» Мать прикрыла трубку рукой и сказала: «Война... война с немцами».

Я быстро оделся. Хотелось быть подтянутым. Пошел на улицу. Необычная суета. Посидел в парке культуры и отдыха, в кавказском ресторане у пруда и стал думать, как мне теперь организовать работу — слишком много было нагрузок: и лекции, и договоры с издательствами. Надо разгрузиться. Сконцентрироваться на немногом, что сейчас нужно и подъемно. Были ранние сумерки. Вернулся домой на Зубовский. Радио объявило о мобилизации. А у меня в кармане давно уже лежал красный талончик о явке в первый день мобилизации. Итак, 23 июня я стал военным. Предварительно утром пошел в парикмахерскую, где меня окатили одеколо-

ном «В полет». С тех пор он мой любимый. 24 июня родные провожали меня с затемненного Курского вокзала. В вокзальном ресторане ничего не было, кроме шампанского. Терпеть не могу этот пузырчатый напиток. То ли дело... Затем темный перрон, вход в вагон наощупь и ночь среди мобилизованных, которая прошла почти вся в разговорах. Души людей были обнажены, и рассказывали все о себе и своих семьях. Так много не узнаешь за годы знакомства.

Я был нефтяником-геологом. Искал нефть. Занимался бурением и добычей нефти из скважин. Когда на меня надели форму, мне приказали заниматься горючим для автомобилей, танков и самолетов. Вначале я был начальником лаборатории. Лаборатория была походная и умещалась в больших зеленых ящиках. На полевых армейских складах я принимал горючее, замерял его количество в пришедших цистернах, контролировал качество в лаборатории. Вначале я ничего не понимал. Но пришлось. Нашлись книжки-руководства. Дни и ночи за анализами. Набил руку. На войне человек не может ссылаться на то, что он этого «не проходил». Надо суметь сделать все, что требуется. Именно все. Наши объекты — склады горючего — были нервом армии. Противник очень интересовался ими. Самолеты-разведчики, «рамы», появление подозрительных гражданских или даже военных (точнее, в военной форме) людей в нашем расположении — все это было. Маскировка должна быть идеальной. Высокое начальство предупреждало о предельной степени ответственности за малейший промах. Только в первый момент меня взяла оторопь. Быстро я научился говорить на эту тему с необходимым юмором. Действительно, когда кругом летят головы (у начальника склада оторвало голову при мне, на секунду высунул он ее из блиндажа при бомбежке), своя голова не представляется особо существенным предметом. О ней можно говорить как бы со стороны, как бы о вещи. Второй момент — качество (именно качество, количество — это тоже очень важно, но во вторую очередь). За качеством надо следить. Из-за плохого горючего может остановиться танковая атака и т. д.

В 1943 г. меня назначили инженером-технологом фронта. Маскировать склады мне уже не приходилось, но вся ответственность за качество горюче-смазочных материалов, в том числе и для авиации, была на мне (нашему фронту была придана воздушная армия); однажды, когда я инспектировал один из БАО этой армии, в землянке на полочке увидел геологическую книгу о косо́й слоистости, удивился. Оказывается, она принадлежала старшине, нынешнему академику Ю. А. Пушаровскому; здесь-то я с ним познакомился и подружился. В полете каждого самолета была моя доля ответственности. Поэтому нужны были: четкая неторопливая работа, холодный расчет, тщательность анализов, внимательная подготовка кадров (лаборатории-то были в каждой армии — все они должны были точно работать!), никаких эмоций, никакой спешки, а главное, знать, что качество не должно приноситься в жертву ничему — ни темпам, ни количеству; хотя эти две категории, само

собой, очень важны. Мне думается, что и теперь, в дни мира, качество, как и в боях, является главным решающим фактором. Именно на качестве должна стоять наша Родина. Потерять качество так же смертельно опасно, как и в войне.

Запомнилась беседа с генерал-полковником Коневым. Появились новые зарубежные самолеты и новые сорта горючего (Б-90, Б-100). Беседа длилась два часа. Командующий фронтом вникал в такие детали, в которых я сам еще недостаточно ориентировался. Понял я тогда, какое огромное значение командование придает той крови, которая движет, как было в тогдашней песне, «вместо сердца пламенный мотор».

А закончилась для меня война так. Я был в Венгрии. Наш поезд стоял на станции Целдемельк среди многих других военных поездов. Ночь. Начало мая 1945 г. Уже, по существу, все решено, все стихает. Рейхстаг взят. Знамя поднято. Я лег спать. Вдруг началась стрельба. Сначала одиночные выстрелы, затем автоматные очереди, пулеметы, зенитки. Какая-то небывалая артиллерийская симфония. К этому присоединяется массированный рев коров, которых везут в поездах. Что такое? Десант? Бандиты? Я бужу своих ординарцев, спящих в соседнем купе, Яновского и Колечкина, 50-летних, но храбрых. Вылезает на площадку. Из всех вагонов (кроме, видимо, коровьих, откуда мычание) идет стрельба. Бегают люди, оживленные, радостные. Это комендант станции дал приказ салютовать из всех видов оружия по случаю Победы. Я тоже разряжаю в воздух свой ТТ. Сразу же к коменданту. Надо же узнать, что и как.

Безоговорочная капитуляция. До утра сидим с комендантом и пьем за Победу. В Венгрии прекрасное вино и его много. Мы молоды, поэтому можно и выпить много. Пьем за Победу. За Сталина. Да, за Сталина. Эти слова тогда были обязательными не в смысле того, что так велели или так полагалось, а потому, что они в сердце каждого человека были символом чести, славы, жизни самого дорогого для всех — Родины. Мы сейчас подсчитываем, какой экономический эффект (в рублях) приносят наши научные работы. А если подсчитать ценность этих слов (в боеприпасах, в вооружении, в стратегически верных решениях), то получились бы огромные, вероятно фантастические, цифры. Этого никто никогда не подсчитывал. Но так было. Утром мой поезд с ценными военными грузами двинулся на Восток. Там они были сейчас нужнее.

* * *

Главной характерной чертой военной жизни мне представляются совершенно особые отношения между людьми. Семьи были далеко, имущества не было. У кого семья эвакуировалась в неизвестном направлении, у кого попала в оккупацию, у кого погибла во время бомбежки и т. д. Долг свой выполнять было нужно, помочь было нельзя. Люди привыкли говорить о своих несчастьях скупно и совершенно не так эмоционально, как человек переживает аналогич-

ные потери в мирных условиях. Потерять свою семью и потерять свою жизнь мог каждый. Это было как бы в порядке вещей. Глухо накапливалась ненависть к врагу, но не было ни слез, ни жалоб, ни поисков утешения у товарищей. Действительно, ни сам человек, ни его друзья сделать ничего не могли. Выходит, что и эмоции оказывались ненужными.

Единственно, когда люди приходили в отчаяние, не могли сдержат себя, когда им требовалась дружеская длительная и осмотрительная помощь,— это при получении достоверных (или недостоверных) известий об уходе или измене подруг. Парадоксально, но эта вест подчас переносилась несравненно тяжелее, чем физическая потеря семьи. В последнем случае человек мог почувствовать в себе подъем мстителя, проситься на передовую и т.д., а в первом случае — оставалось только отчаяние. Вот почему я думаю, что во время войны измена Родине и измена другу-воину представляют собой эквивалентные преступления.

Мысль в походных банях-палатках, изредка в специально оборудованных вагонах. Помню даже один банно-прачечный поезд, в котором был вагон-клуб, где можно было даже потанцевать с девушками из обслуживающего персонала. При мытье в банях белье менялось — грязное оставляли, чистое выдавали. Так что никто не имел при себе даже сменного белья. Личное имущество заключалось в бритве, иголках и нитках, запасных пуговицах, почтовых принадлежностях и иногда в двух-трех книгах.

Вот в этих условиях — оторванность от семей и отсутствие имущества — между товарищами развивались удивительно ровные, благожелательные и дружеские отношения. Злость, зависть, раздраженность коллектив не принимал, и они быстро локализовались и ликвидировались. Интересы людей заключались в службе и товариществе. Это, по-видимому, и создавало особую обстановку военной дружбы. После войны многих своих однополчан я быстро потерял из виду. Жизнь вернулась к прежним довоенным интересам и занятиям и стала продолжением скорее довоенной, чем военной жизни. Лишь с немногими из них у меня сохранились связи и при этом самые добрые, не омраченные ничем отношения. Одного из моих друзей, Семена Павловича Волохина — лейтенанта, ныне подполковника запаса, судьба забросила в Сибирский военный округ. Мы встречались в 1958 г., когда я переехал в Сибирское отделение АН СССР; много лет мы дружили семьями, у Семена в Новосибирске целый семейный клан — жена, сын, дочь, сноха и зять, их многочисленные родственники, внуки. Сейчас мы поддерживаем телефонную связь. В Ленинграде у меня фронтовой друг — тоже подполковник в отставке Петр Иванович Исаков, я у него бывал в Ленинграде, он — у меня в Новосибирске, изредка переписываемся. Вот, пожалуй, и все.

Можно было бы описать много интересных эпизодов, относящихся ко времени войны, но они какие-то отдельные и не вписываются в общую ткань жизни.

Вернемся к 21 июня 1941 г.— последнему предвоенному дню. Рукопись моя по соляным куполам Днепровско-Донецкой впадины долго лежала на институтском столе. Осенью 1944 г., когда я работал на военной кафедре Московского нефтяного института, рукописи на столе уже не обнаружил. Она была мне до предела нужна — без нее не было никакой возможности восстановить результаты проведенных работ. И я начал поиски. Оказалось, что в октябре 1941 г., в критические для Москвы дни, она была уничтожена вместе с массой других рукописей, оставшихся в институте. Уничтожена, но не совсем. В дворе института был воздвигнут прямо на грунте сарайчик, внутри которого находилась вечная большая и глубокая лужа. Вот в эту-то лужу наряду с другими материалами была выброшена и моя рукопись. В полупрозрачном льде я рассмотрел уголок листа с машинописным текстом; прочел несколько слов и понял, что это один из моих листиков. Надежды было мало, но попробовать было необходимо. Слишком важна была для меня эта находка. Выбивал куски льда, отвозил их в чемодане домой и там оттаивал в воде. Все до одного листа были полностью восстановлены. А рукопись вмерзала в лед четыре зимы и оттаивала три лета. Сохранение рукописи в таких условиях мне представляется почти чудом и необыкновенным везением. Так, клочки бумаги соединили 21 июня 1941 г. с декабрем 1944 г. сквозь исчезнувший кусок времени жизни и восстановили непрерывность ее мирной конструктивной линии.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Косыгин Юрий Александрович родился в г. Петербурге 22 января 1911 г. Окончил Московский нефтяной институт в 1931 г. Демобилизован в 1945 г. в звании инженер-майора. Член-корреспондент АН СССР с 1958 г., академик с 1970 г. Работал с 1931 по 1935 г. в тресте «Туркменнефть», с 1935 по 1941 г. — в Институте горючих ископаемых АН СССР, с 1945 по 1958 г. — в Геологическом институте АН СССР, с 1958 по 1970 г. — в Институте геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР, с 1971 г. директор Института тектоники и геофизики Дальневосточного отделения АН СССР. Удостоен звания Героя Социалистического Труда; награжден двумя орденами Ленина, орденом «Знак Почета», двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени, орденом Дружбы народов, а также 10 медалями СССР.

*В. А. Кулик-Павский*¹

Л. А. КУЛИК В ОПОЛЧЕНИИ. ЗА РОДИНУ, ЗА ЧЕСТЬ, ЗА СВОБОДУ

ОТЛОЖЕННАЯ КОМАНДИРОВКА

Весной 1941 г. Леонид Алексеевич Кулик собирался поехать в Эстонию, на свою родину. Конечно, не ради того, чтобы походить по узким улочкам древнего Тарту, где прошли первые годы его

¹ Вячеслав Андреевич Кулик-Павский — внук Леонида Алексеевича Кулика.

жизни, увидеть торжественную громаду университета, где когда-то учился отец, постоять под сводами Успенской церкви, где 18 сентября 1883 г. крестил его священник Николай Виноградов. Дел в командировке предстояло немало: и знакомство с коллекциями метеоритов, хранящимися в Таллинском и Гартуском университетах, и посещение уникальных древних метеоритных кратеров о-ва Сааремаа, и самое главное — предстояло лично познакомиться с горным инженером И. А. Рейнвальдом — самоотверженным исследователем этих кратеров. Еще в конце 1940 г. он прислал для коллекции Академии наук СССР несколько осколков метеорита «Каалиярв», найденных им в 1937 г., а теперь нужно было совместно испытать в кратерах новейшие магнитометры, которые по просьбе В. И. Вернадского для этой цели выделял Отто Юльевич Шмидт.

Леонид Алексеевич Кулик (1883—1942)

В НАРОДНОМ ОПОЛЧЕНИИ

Почти все без исключения публикации об этом периоде жизни Л. А. Кулика изобилуют неточностями, а порой и просто выдумками. Но обратимся к письмам, документам и воспоминаниям.

Уже на 2-й день войны Л. А. Кулик подает заявление в партком Института геологических наук о принятии его в члены ВКП(б). В эти же дни он пишет свое последнее «жизнеописание», подготавливает и оформляет полугодовой отчет о работе Комитета по метеоритам (КМЕТ). Решение пойти в ряды народного ополчения созрело, очевидно, 3 июля 1941 г., после выступления по радио И. В. Сталина. Этим же днем датировано и его последнее стихотворение, правда самое неудачное по форме, которое он, возможно, никому не читал. Есть там такие строки: «Страна в опасности! Кто любит Родину, кто за лучезарные века социализма—коммунизма, все под ружье! Все как один — в ряды московских ополченцев!»

В отчете военного отдела Москворецкого РК ВКП(б) говорится, что 17-я стрелковая дивизия начала формироваться 6 июля 1941 г. Указано, сколько вступило в нее рабочих с фабрик и заводов Замоскворечья. Но, к сожалению, неизвестно, сколько вошло в нее сотрудников Академии наук. По справочнику-календарю Академии наук за 1941 г., в Замоскворечье было расположено

более десятка институтов, лабораторий и комиссий, это не считая таких институтов, как Всесоюзный институт минерального сырья и Московский планово-экономический институт им. Г. В. Плеханова.

«Из исторического формуляра 17-й Бобруйской Краснознаменной стрелковой дивизии (17-й дивизии народного ополчения Москворецкого района г. Москвы). 9—10.07.1941 г. В период формирования ополченских дивизий в Замоскворецком районе Москвы из ополченцев района была сформирована народная ополченская дивизия, названная 17-й сд.² Штаб дивизии располагался в здании Московского планово-экономического института им. Г. В. Плеханова (Стремянный пер.). Командиром дивизии был назначен полковник Козлов, комиссаром — профессор Кувшинов. В ряды дивизии вступили рабочие и служащие предприятий и учреждений Замоскворецкого района Москвы. Среди них были ученый с мировым именем академик Кулик³, поэт Токарев, профессор института им. Г. В. Плеханова Кувшинов, заслуженный мастер спорта орденосец Бухаров и ряд других деятелей науки и техники, лучших представителей рабочих и интеллигенции района»⁴.

Из воспоминаний Елены Леонидовны Кулик. «В начале июля после недолгих домашних сборов я проводила отца на сборный пункт. Пока от Ржевского вокзала с пересадками на трамваях мы добрались до Серпуховки, было уже совсем темно. Прощались во дворе школы, где формировался полк. Обратило внимание идти пешком — трамвай уже не ходили. На улицах изредка попадались машины и пешеходы. Когда я дошла до Колхозной площади, навстречу по Первой Мещанской шли строем ополченцы, очевидно ростокинцы. Над строем негромко звучала «Варшавянка»...»

Сегодня во дворе московской школы № 555 тихо — на дворе лето. Напротив четырехэтажного здания школы замер строй старых тополей с усеченными кронами. А ближе к зданию жмутся молодые клены. На стене небольшая мемориальная доска. На ней барельеф: рабочий-ополченец сжимает в руке винтовку, а ниже надпись: «Здесь в июле 1941 г. были сформированы подразделения 17-й дивизии народного ополчения Москворецкого района, которая за военную доблесть, проявленную в боях с немецко-фашистскими захватчиками, была награждена орденом Боевого Красного Знамени и получила почетное наименование Бобруйской Краснознаменной стрелковой дивизии».

Из района Серпуховской площади сформированные полки 17-й дивизии совершили 30-километровый переход по Калужскому шоссе к железнодорожной станции Бутово.

«Из исторического формуляра, 10—20.07.1941 г. Дивизия проходит стадию формирования на лагерном сборе около станции Бутово Дзержинской железной дороги (30 км от Москвы), деревни Сосенки, Валуево, Лотово. Дивизия поступает в распоряжение Народного комитета обороны, а затем в состав 33-й армии. Здесь части дивизии проходят ускоренную боевую подготовку и готовятся к отправке на фронт»⁵.

Вспоминая те июльские дни 41-го года, бывший командующий 33-й армии генерал-майор Д. П. Онуприенко писал, что в дивизиях примерно часов восемь рыли окопы, часов шесть занимались боевой подготовкой.

² 26 сентября 1941 г. 17-ю дивизию народного ополчения переименовали в 17-ю стрелковую дивизию, она стала кадровой. См.: Архив МО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 16. Л. 128.

³ Л. А. Кулик был кандидатом геолого-минералогических наук, ученым секретарем Комитета по метеоритам АН СССР.

⁴ Москва — фронту, 1941—1945: Сб. документов и материалов. М.: Наука, 1966. С. 171.

⁵ Там же.

ПОСЛЕДНИЕ ФОТОГРАФИИ

От этого времени остался самый достоверный документ — номер «Иллюстрированной газеты». Она выходила раз в неделю, поэтому номер от 20 июля был четвертым военным выпуском. Самым большим и значительным в номере, пожалуй, является фотоочерк Аркадия Шайхета⁶ «Народное ополчение».

На одном из снимков этого очерка снят Леонид Алексеевич Кулик в окружении товарищей по ополчению. Подпись под снимком: «Ученый секретарь Комитета по метеоритам Академии наук СССР Л. Кулик, вступив добровольцем в народное ополчение, говорит: «Сейчас долг каждого боеспособного гражданина — встать плечом к плечу с бойцами Красной Армии, отстоять родную землю, покончить с фашизмом».

На следующей фотографии опять снят Леонид Алексеевич с товарищем. Текст под кадром: «Бойцы части народного ополчения учатся рыть и маскировать окопы».

Надо сказать, что Леониду Алексеевичу со съемкой повезло, так как в эти дни июля, да и позднее, в августе он несколько раз уезжал в Москву. Дел было много, особенно после отъезда руководителя Комитета по метеоритам академика В. И. Вернадского в Боровое. Но каждый раз, уезжая из дома, Кулик увозил с собой в рюкзаке то одеяло, то кружки и ложки, то миски и что-то из инструментов. Взял он с собой и свой эвенкийский охотничий нож в берестовых ножнах... Всего не хватало в дивизии. Численность ее колебалась от 10 до 7,5 тыс., а во время пребывания в лагере ряды дивизии вновь пополнились за счет ополченцев районов Московской области. Дивизия имела в своем составе более 15 тыс. человек.

Из письма Валерия Николаевича Перцева⁷. 18.07.1941 г. «...Кулика отозвали вчера на работу, но он вдруг заупрявился и заявил, что остается здесь. Устроился он довольно комфортабельно в собственной палатке... Кулик вчера привез из Москвы известие, что институт пока в Москве» (очевидно, ВИМС).

Несмотря на неоднократные предложения президиума АН СССР, Леонид Алексеевич, которому шел 59-й год, решительно отказался уйти из ополчения.

Из воспоминаний Ирины Леонидовны Кулик. Во второй половине июля отец несколько раз приезжал в Москву и заходил домой. Но ночевал от силы одну или две ночи. Последний раз он приехал в Москву на партийное собрание института, где его приняли в кандидаты ВКП(б). Было это в последние дни июля, числа 30-го или 31-го, так как он уезжал утром 2 августа уже не в Малоярославец, а спешил догонять свою часть в Спас-Деменск. На наши расспросы, чем они сейчас занимаются, он коротко ответил, что «занимаемся постройкой аэродромов... Как только закончим строительство взлетно-посадочной полосы и уезжаем, так прилетают немецкие самолеты и бомбят аэродром. А мы поблизости начинаем строить другой...» Вероятно, строили они «ложные» аэродромы...

Ночами в Москве уже привычными стали бомбежки. В ту ночь также

⁶ Шайхет Аркадий Самойлович (1898—1959) — известный советский фотограф.

⁷ Научный сотрудник ВИМС.

объявили воздушную тревогу. Мы с мамой стали собираться в бомбоубежище, которое находилось в подвале дома, в бывшем красном уголке. Мама как всегда беспокоилась: «Нужно идти... Сейчас будет налет...» Но отец наотрез отказался: «Идите... Идите... Дайте мне поспать! Ну, какая вероятность попадания в наш дом? — Никакой! Сколько домов в Москве... И если разделить...»

И тем не менее 3 бомбы вокруг нашего дома отгрохало... Одна на путях Окружной дороги... Другая на мосту... А третья — через несколько домов от нас в щепки разбила небольшое строение во 2-ом Крестовском переулке, правда, все обошлось без жертв».

НА ДАЛЬНИХ ПОДСТУПАХ К МОСКВЕ

Утром 31 июля 1941 г. войскам 33-й армии был отдан приказ занять оборонительный рубеж в районе Спас-Деменска. Здесь, в Спас-Деменске, в первых числах августа и догнал Леонид Алексеевич своей 1312-й полк. Очевидно, в это же время и было написано следующее заявление⁸: «В бухгалтерию Геологического института Академии наук СССР. Ополченца 1-го стрелкового полка Москворецкой дивизии, бывшего ученого секретаря Комитета по метеоритам АН СССР Л. А. Кулика. Адрес: Действующая Красная Армия, полевая почтовая станция № 527, почтовый ящик № 46.

Сейчас наша часть решила отчислить свой однодневный заработок в фонд обороны страны. Поэтому прошу Вас впредь до окончания войны отчислять ежемесячно мой однодневный заработок в фонд обороны.

Леонид Кулик. 6.08.1941 г.»

Письмо Л. А. Кулика с фронта⁹. «Милые, дорогие мои! Что у вас? Как у вас? Поправилась ли Ирушка? Что с ней было? О каком разрушенном академическом доме пишут в газетах? Я здоров и не испытываю неудобств. Жизнь течет нормально. Погода — тоже не обижает. Перепадали дожди, но больше стоят ясные дни и ночи; последнее даже — не выгодно, так как к утру (сегодня особенно!) довольно свежо и выручают фуфайка и движение. Связь начинает налаживаться: я получил твое, Лидуша, письмо, где ты говоришь о том, что несколько раз писала о моем деле в райком, и о том, чтобы Викт. Конст. прислал свою доверенность на зарплату; к сожалению, это письмо было без даты. Ребята начинают получать потихоньку письма и даже посылки. Я посылаю тебе с оказией записку и свои очки для починки. Не знаю, получила ли ты их. Пишите чаще, наш точный адрес на этот день и месяц: Действующая Красная Армия. Полевая почтовая станция № 924. 1-й стрелковый полк. Саперная рота. Мне.

Передай привет знакомым и друзьям в институте. Как у вас в библиотеке дела? Кто уже передвинулся в провинцию?! Сердечный привет. Крепко целую. Леня».

В течение августа и сентября дивизия строила оборону: были отрыты окопы полного профиля (основные и запасные), ходы сообщения, подбрустверные ниши, блиндажи, оборудованы огневые позиции артиллерии и минометов, командные и наблюдательные пункты и полевые склады. Были заминированы подходы к переднему краю и некоторые участки в глубине. А перед передним краем на всем фронте был отрыт противотанковый ров¹⁰.

⁸ Заявление написано на обратной стороне плаката.

⁹ Письмо без даты. Судя по адресу и содержанию, написано в начале августа 1941 г.

¹⁰ *Щемелев В.* Первые бои 17-й стрелковой дивизии // *Воен.-ист. журн.* 1974. № 12. С. 59—66.

Из письма Л. А. Кулика с фронта¹¹. «...Живу я в нашей палатке вместе с командным составом, забочусь о хозяйстве и боевой материальной готовности нашей части, а потому целый день в беготне. Есть у меня и пять лошадок; им я очень рад, хотя возни они мне добавили. Наш день начинается в пять часов и сумерки обрывают работу: ни ламп, ни свеч. Если пришлешь елочных, скажем спасибо. Теснота в палатке и дожди мешают писать; утренники в ясную погоду тоже приводят в движение не руки, а ноги; жратвенные вопли в часы еды тоже вносят дисгармонию в добрые намерения написать домой открытку. И вот, наконец я пишу. Злобой дня у нас, конечно, фронтовые события, особенно военные действия под Ельней (читай «Правду» за 9 сентября).

Глубоко тронут был посылкой и поздравлениями с днем рождения, полученными с некоторым опозданием. Умилили и ассортимент, и тщательность укупорки, и милые домашние мешочки. Сознаюсь: некоторые вещи были очень недолговечны. Твое пожелание, милая дочурка, к сожалению, увы, невыполнимо: растет горб, и рост укорачивается к старости и мозги регрессируют! Таков закон природы. Да иначе и быть не может: в противном случае все хотели бы быть стариками, и переходить от такого расцвета и пышности к небытию было бы слишком тяжело. Природа она — умная: она устроила так, что старикам с их старческими недомоганиями жизнь в конце концов становится в тягость. Однако пока я еще не одряхлел и не чувствую всех этих *temperio mori*, наоборот, своей энергией крою всю свою часть... несмотря на осень, дожди и горечавку...»

Второе письмо, написанное Леонидом Алексеевичем в эти дни (16 сентября), было передано с товарищем, едущим в Москву.

«...Жизнь идет у нас по-прежнему. Живу с командирами в своей палатке, через дырявый верх которой перебросили брезент; получилось удовлетворительно: не прошибает даже в ливни; ночью — тепло, даже в заморозки. Ночую одетый, так как часто тревожат по должности и ночью; я ведь теперь старшина; хлопот прибыло, так как людской состав удвоился, да сверх того получили 5 лошадей и 3 телеги.

Посылочки я получил с некоторым запозданием, но пришлось они кстати и очень растрогали меня: старое, что малое — легко умилается. Относительно здоровья моего не беспокойся: со времени вступления в ряды ополчения я еще ни разу не чихнул, хотя пришлось вывать и под дождем и промокать до нитки; очевидно, еще кое-какая устойчивость сохранилась..

...Чем кончилось совещание директоров? Где будет институт? ...Пришли мне из цветных карандашей, которых у нас много, несколько штук поярче. То же — несколько штук замков. Очень было бы удачно, если бы спроворили выслать фонарь «летучая мышь», ясно, что его нужно выслать отдельной посылкой. Возможно, что мы скоро будем рыть себе землянки, так как наступает осень. Чаще пишите открытки; а из сладкого шлите, если попадут под руки, простые леденцы: все остальное от сырости слипается в комк».

АКАДЕМИК ИЗ СПАС-ЗАМОШЬЯ

В то время когда в дивизиях Резервного фронта, стоящих на подступах к Спас-Деменску, продолжались оборонительные работы, севернее, в районе Ельни, развертывалась первая за время войны наступательная операция по ликвидации так называемого ельнинского выступа.

К началу этой операции в 24-й армии генерал-майора К. И. Ракутина находилась группа корреспондентов газеты «Красная звезда». Среди них был и писатель Василий Ильенков, написавший там очерк о командире полка полковнике Иване Некрасове. Уже после завершения ельнинской операции, очевидно, Василий Ильенков побывал и в дивизиях 33-й армии. Здесь, видимо, в середине

¹¹ Письмо И. Л. Кулик от 12.10.1941 г.

сентября и состоялась его встреча с Леонидом Алексеевичем Куликом. Скорее всего, Василий Павлович собирал материал для своего очередного очерка в «Красную звезду», но дальнейшие события под Спас-Деменском развивались так, что с очерком пришлось повременить. Позднее, уже после войны, работая над романом «Большая дорога», Ильенков использовал этот материал¹².

В романе легко узнается Спас-Деменск (Спас-Замошье) в 300 км от Москвы. И образ Леонида Алексеевича Кулика (в романе Викентий Иванович Куличков). Здесь и служба в армии в первую мировую войну, и дело его жизни («Я тридцать лет ищу свой метеорит, упавший в якутской тайге, и не могу найти...»), и любовь к цветам, уход в народное ополчение и ходатайство Академии наук об отъезде его в Москву. Здесь же самое достоверное описание внешности Леонида Алексеевича в это время: «Высокий, худой, с острой бородкой и сердитыми глазами, с длинным охотничьим ножом у пояса он был похож на Дон-Кихота».

Из письма Л. А. Кулика с фронта¹³. «...Был ужасно длинный и неприятный циклон. Вчера он кончился и ночью прояснилось, и сегодня весь день — ясный и солнечный; но утром был мороз и биеем покрылись все открытые места. Наступила осень. Вчера еще всюду была зелень, и зеленая окраска господствовала в лесах; а сегодня пожелтела береза и почернела картофельная ботва, а клен зардел пурпуром. Лето кончилось».

ПОД ЗНАКОМ МАРСА

Уже потом, через много лет, советские военачальники, анализируя октябрьские события 1941 г., напишут, что «неудача, постигшая нас под Вязьмой, в значительной мере была следствием не только превосходства противника в силах и средствах, отсутствия необходимых резервов, но и неправильного определения главного удара противника Ставкой и Генеральным штабом, а стало быть, и неправильного построения обороны...»¹⁴.

В то время когда Западный фронт сосредоточивал основные силы западнее Вязьмы, противник двумя мощными танковыми кулаками из районов Духовщины и Рославля готовился расчленил и окружить наши войска в районе Вязьмы.

Из письма Л. А. Кулика с фронта. «28.09.1941 ...Лагерь. Палатки. Землянки. Величественный Млечный Путь над головой. Яркие лучистые камни драгоценным шатром бесценным покрыли Землю, и в несказанной красоте меж ними ровный свет люют и огромный золотистый Юпитер, и тускло-свинцовый Сатурн, и зловещий оранжево-красный Марс; он идет впереди всех этих планет: он раньше них восходит и долго стоит высоко на небе, озаряя объятые ураганом войны и безумия Земли, в том числе и мою несчастную страну...»

В связи с ожидаемым наступлением немецких войск командование Резервного фронта две дивизии 33-й армии передало армиям первого эшелона. В составе 33-й армии осталось всего три дивизии — это 60-я стрелковая дивизия (1-я дивизия народного

¹² Ильенков Василий Павлович (1897—1967) — советский писатель.

¹³ Письмо И. Л. Кулик от 24.10.1941 г.

¹⁴ Горюхов А., Студеникин П. Не отдали Москвы // Правда. 14.01.87. С. 3.

ополчения (НО) Ленинского района), 17-я стрелковая дивизия (17-я дивизия НО Москворецкого района) и 173-я дивизия НО Киевского района. Они и составляли 2-й эшелон Резервного фронта. Полосы обороны дивизий пришлось соответственно расширить. 29 сентября командующий армией поставил 17-й стрелковой дивизии новую боевую задачу, расширив ее полосу обороны к югу до 32 км. Готовность обороны устанавливалась к 7 часам 30 сентября.

Заняв новые участки обороны, части не успели как следует их освоить, боевые порядки полков, выстроенные в один эшелон, имели промежутки, не прикрытые подразделениями и системой огня. Особую тревогу вызывало левое крыло обороны, где образовался большой разрыв с соседней 173-й дивизией. А до начала немецкого наступления под кодовым названием «Тайфун» оставался один день. В полосе Варшавского шоссе против наших войск (на фронте в 60 км) готовились к наступлению 17 немецких дивизий, из них 5 танковых. Фашисты превосходили наши войска по живой силе в 5—6 раз, по танкам, авиации и артиллерии в 8—10 раз¹⁵. И конечно, ополченцы не знали тогда, что вступят в бой с только что снятой из-под Ленинграда 4-й танковой группой Гепнера, а поддерживать ее будут дивизии СС «Рейх» и «Великая Германия». 1312-й полк, первоначально находился в первом эшелоне 17-й стрелковой дивизии и оборонял непосредственно Варшавское шоссе и район севернее его. В последних числах сентября после перестановок в обороне полк был выведен во второй эшелон обороны дивизии и стал защищать Варшавское шоссе перед хутором Новоалександровское, а также юго-западные подступы к Спас-Деменску.

Сейчас, когда почти не осталось участников этих событий, трудно по одним приказам и коротким донесениям восстановить истинную картину тех дней. И в своем кратком описании тех дней я постараюсь касаться в основном событий, связанных с 1-м батальоном 1312-го полка 17-й стрелковой дивизии.

2 октября после артиллерийской и авиационной подготовки с рубежа р. Десны фашисты перешли в наступление. В первый же день врагу удалось прорвать оборону 1-го эшелона Резервного фронта, продвинуться на 20—30 км и выйти своими танковыми дивизиями к обороне 33-й армии. Части 17-й дивизии с утра 2 октября были приведены в полную боевую готовность. Были сняты ограждения с минных полей, взорваны перемычки в противотанковом рву.

С утра 3 октября вражеская авиация группами от 12 до 45 самолетов начала бомбить оборону дивизии. Потом на протяжении всего дня большие группы немецких танков при поддержке мотопехоты предпринимали попытки прорвать рубежи обороны, но, получив отпор, стали обходить дивизию с юга, используя большой

¹⁵ Муриев Д. Провал операции «Тайфун». М.: Воениздат, 1969. С. 39.

разрыв с соседней дивизией. Обстановка складывалась весьма тревожная. В разрыв двигались две танковые дивизии, которые к концу дня вышли в район Гайдуки, где находился штаб 33-й армии, угрожая глубоким обходом обороны 17-й дивизии с востока. Связь с командующим и штабом 33-й армии прервалась. Командир дивизии принимает решение ввести в бой 2-й и 3-й батальоны 1312-го полка. Теперь оборона дивизии растянулась по фронту свыше 45 км. А в резерве оставался только 1-й батальон 1312-го полка в районе Крисилина, оборонявший Варшавское шоссе.

Из письма Л. А. Кулика с фронта. «3—4.10.1941 г. ...Большой привал на подступах к фронту. Полночь октябрьская. Силуэты строений. Мерно жуют кони. Бойцы лежат на земле под заборами и постройками. Глухое предбоевое напряжение: сдавленные голоса, зловещий шепот. И над всем в избыточествующей роскоши блеска — лучезарная шмальтово-синяя риза, искрящаяся непередаваемой красоты огнями, а посреди нее высоко над головой — ровно люющей своей красноватый свет зловещий Марс, бог войны, бог разрушения и изуверства, губитель культур, бог эллинско-латинского пантеона».

С рассветом 4 октября ожесточенные бои вновь развернулись по всей линии обороны. На наши позиции наступали теперь танковые группы по 50—60 танков. Десятки танков дымилась на поле боя, но и наши подразделения понесли большие потери. Были ранены многие командиры батальонов, рот и взводов. Около полудня колонны 5-й танковой дивизии врага, обходя оборону 1312-го полка с востока, начали движение на север в направлении хутора Новоалександровского. Командир дивизии вынужден был развернуть на Варшавском шоссе фронтом на восток свой последний резерв — 1-й батальон 1312-го полка капитана К. М. Сорокина. До 10 танков и несколько мотоциклов противника из Верхуличей повернули на запад, в тыл обороны полка. Огнем артиллерии, развернутой на прямую наводку, и крупнокалиберных пулеметов роты ПВО два танка были подбиты, остальные повернули обратно. С наступлением темноты командованию дивизии стало известно о занятии вражескими танками Спас-Деменска. Танковые дивизии врага вышли на Варшавское шоссе в районе Куземки и Ерши.

17-я стрелковая дивизия попала в кольцо врага. В 22.30 4 октября было принято решение о выходе из окружения и поставлена задача сделать прорыв через Иноть на Парфеново в лесной массив и пробиться к своим частям. Отход прикрывался одним полком 60-й сд и вторым полком 17-й сд, последний снялся с рубежа обороны в 2.30 5.10.1941 г.

Из письма Л. А. Кулика с фронта. «6.10.1941 г. ...Дремучий лес. Октябрьская ночь. Узкая лесная дорога забита подводами, передками, орудиями, машинами, лошадьми, бойцами. На опушке бой: трещат винтовки и пулеметы, оглушительно бухают орудия, снопами метеоров пересекают воздух очереди немецких трассирующих пуль; впереди гремит и затихает "ура"; в тылу — организационная сумятица и беспорядочные крики; стоны и первые белые перевязки раненых и мешковатые тела убитых. И сквозь ажур ветвей с полудночного неба на все это летит свой зловещий красноватый свет планета Марс, символ древнего бога проклятой войны. Я иду навстречу ему с хлюпающей в сапоге кровью: "Я принес тебе, кровавый, свою жертву! Возьми ее. Возьми ее и уйди с путей страны моей родной"».

Выписка из энциклопедии. «...В ходе вяземской операции 1941 г. войска

Западного и Резервного фронтов вели тяжелые оборонительные бои на вяземском и спас-деменском направлениях. 4 октября враг захватил Спас-Деменск и Киров, 5 октября — Юхнов, а 7 октября вышел в район Вязьмы, где в окружении оказалась значительная часть войск фронтов, которые своим героическим сопротивлением вплоть до 12—13 октября сковали 28 дивизий противника. Часть этих войск потом вышла из окружения, а некоторые остались в тылу противника и вели партизанскую борьбу»¹⁶.

ПОСЛЕДНИЕ ВЕСТОЧКИ

Письмо Л. А. Кулика из плена. «Милые, дорогие, далекие! Сегодня — 21 октября 1941 проклятого года. Районное село Вскоды Смоленской области. «Поздняя осень, грачи улетели, лес обнажился, поля опустели...» Пасмурно, ветрено, дождливо; снег стаял; трепещут оставшиеся на деревьях листья и летят в одиночку по воздуху. В селе безлюдно; люди прячутся в немногих пригодных для жилья зданиях. Оживлен лишь тракт, по которому движутся немецкие машины всех сортов и размеров и иногда длинные эшелоны пленных. Горе осенило своим крылом Родину! Кто же я и что же я? Сейчас я прежде всего — раненый. Рана на ноге улучшается, но медленно, так как я растрavляю ее: толкусь с утра и до вечера, ибо я, во-вторых, санинструктор, а проще говоря, — санитар при временном лазарете для советских раненых в с. Вскоды. Под это учреждение занят бывший родильный дом. Все в нем разрушено, загажено. Клиентура сейчас исключительно хирургическая. 5 палат с 7—15 ранеными в каждой. Бойцы, женщины, местное население: все жертвы бомбежки и пулевых ранений. Антисанитария вопиющая кругом. Врачи — военнопленные. Сперва я был на перевязках и операциях и по уходу по лазарету без прикрепления к палатам. Теперь за мной сохранили на операциях общий наркоз и прикрепили детскую палату. В ней 6 пациентов: Маня, Нина, Паня (3—5 лет), Ваня (12 лет), Дуся и Поля (17 лет); Маня, Нина и Поля — сестры, попавшие под бомбежку; Маня уцелела, Нине ампутировали руку, Поля — с травмой обеих ног; мать их убило. Паня ранена в обе ноги; родители погибли. Дуся с огнестрельной раной и осколком в ноге. Ваня поднял гранату и получил ранение в область левой щеки и глаза и в живот; славный парнишка; его положение тяжелое. Стоны, охи и плач день и ночь! С питанием — скудно: основа — картофель. Иногда приходят местные жители и приносят немного хлеба, молока, а своим близким — даже мясо. Лазаретные фуражиры добывают изредка капусту, свеклу и т. д.

Приходят и патриоты, будущее Родины, своим словом участия и болезнoзoвaния желающие облегчить страдания раненых. Им мы передаем свои письма с просьбой отправить по восстановлению почтовой связи.

Родные мои, как бы я хотел знать, что с вами, здоровы ли вы!.. Я трепещу за вашу судьбу. Крепко целую Вас заочно и рвусь к вам. Ваш Леня».

Второе и последнее письмо Л. А. Кулика из плена. «28.10.1941 г. Вскоды (село такое!). Временный лазарет в родильном доме для советских раненых. Глухая полночь. Густой трупный смрад от загнивших ран — во всех палатах; плотный тягучий липкий воздух насыщен стонами, животным воем, дикими выкриками. В детской комнате (тоже — жертвы войны!) — та же картина плюс вонь мочи и кала. Нестерпимо душно. В тусклом полумраке (от коптিলки) страдальчески светится голубой глаз (другой — выбит!) мальчика, хорошего мальчика с разорванным осколком животом. А с другой стороны в верхнюю шибку окна кровавым глазом гипнотизирующе глядит все она же, кошмарная планета Марс; и жутью веет от этого недремлющего огненно-красного ока, от мысли, что над всей родной землей распростерлась эта эмблема войны, горя, разорения и гибели культуры!»

Эти последние письма нашли своего адресата только в 1942 г. Приходили сообщения и позднее от товарищей, которые вместе с Леонидом Алексеевичем находились в госпитале для военно-

¹⁶ Великая Отечественная война 1941—1945: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1985. С. 465.

пленных, от жителей села Виходы, с которыми он встречался. Постепенно стала полнее вырисовываться картина этих последних месяцев жизни Леонида Алексеевича...

И. А. Федосеев¹⁷, оказавшийся вместе с Л. А. Куликом в октябре 1941 г. в с. Виходы Смоленской области, в так называемом лазарете для русских военнопленных, писал, что ранение у Леонида Алексеевича было не тяжелое, он мог быть угнан с очередной колонной дальше в тыл. Во избежание этого организаторы лазарета — русские военнопленные врачи из Москвы Поздняков и Барон оставили его при лазарете в качестве санитаря.

Жизнь в лазарете была тяжелой. Первые 1,5—2 месяца раненым не давали никакой пищи, кроме 5 штук мерзлой картошки, выкопанной врачами и санитарями на большом огороде. Люди гибли от ран и от голода. Перевязывать и лечить раны было нечем.

Леонид Алексеевич, сам больной и истощенный, дни и ночи находился среди раненых, помогал всем, чем мог, не гнушаясь никаким трудом.

Рассказами о своей жизни, о нашей великой Родине хоть на часы отвлекал он товарищей от кошмара плена. У него не было колебаний или сомнений. Все свои научные планы он строил, как и все советские ученые, убежденные в неизбежном разгроме фашизма, в победе Родины.

Во Виходах Л. А. Кулик пробыл 5 месяцев. В марте 1942 г. он был переведен в Спас-Деменск.

Из письма Марии Францевны Заккис — учительницы с. Виходы¹⁸. «...3 октября 1941 г. Л. А. Кулик попал в окружение под ст. Павлиново (в 25 км от с. Виходы был ранен в ногу, самый низ ступни), и попал он с другими ранеными во Виходы 7—9 октября. Во Виходах сами наши раненые организовали госпиталь, в котором находилось не меньше 400 человек. Помощи, конечно, от «завоевателей» никакой не было. Сами военнопленные нашли себе и врачей и санитаров (из своих окруженцев), сами ходили по деревням и собирали продукты для раненых... Все это было каплей в море, и положение раненых было ужасное. Если бы не самоотверженность некоторых врачей и санитаров, в том числе и Л. А., то из общего количества раненых на ноги поднялись бы только единицы...

Числа 12-го октября заходит ко мне в квартиру старичок высокого роста, в длинном клеенчатом фартуке и просит утюг, чтобы погладить белье (для уничтожения паразитов). Разговорились. Познакомились. Семья моя большая была, его окружили трое внучат с расспросами. Жену моего сына зовут Лидия Ивановна, а младшая дочь Тамара оказалась ровесницей Вашей Ирочке, и вот Л. А. и потянуло к нам. Работал он санитаром, а потом и санитаром в госпитале. Работал так, как почти никто, и свободные минутки проводил у нас...

...Иногда Л. А. усаживался за стол и писал. Написал статью о черной крысе в журнал «Юный натуралист» и писал статью об астрономии, окончить ее не удалось, говорил он, но статья даст такую новость, которая еще никому не известна. Приходя к нам, он всегда приносил с собой свой паек (50—100 г конины), чтобы его превратить во что-либо съедобное. У меня тоже имелась конина, и вот нам с дочерью удавалось что-либо приготовить, а Новый год, между прочим, так даже с пельменями встречали. В нашем питании главную роль играла моя коровка, которую удалось нам спрятать от немцев. В январе Л. А. начал готовиться к походу — он решил сделать попытку прорваться к Москве, в противном случае

¹⁷ И. А. Федосеев — ныне доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники АН СССР.

¹⁸ Письмо к Л. И. Кулик от 7.02.1941 г.

уйти к брату в Киев. И эти планы рушились, так как немцы запретили всякие переходы. В феврале Л. А. хотели направить в деревню «повального сыпняка» в качестве санитаря, Л. А. готовился к этому, взял хранившиеся у меня документы и медикаменты и готовился к отбытию. Но немцы уже здорово стали нервничать и эти планы изменили. И никуда со Восток людей не выпускали.

10 марта 1942 г. в обычное время я принесла Л. А. и тяжелораненым кое-чего покушать. Л. А. со слезами радости сообщил мне, что наши совсем близко, что партизаны получили телеграмму, в которой говорится, чтобы на самолете во чтобы то ни стало вывезти его, Л. А., из окружения. Утром 12 марта немцы решили бежать со Восток, приказали населению, а также военнопленным спешно готовиться в дорогу. Я выбрала минутку и забежала к раненым... Большинство готовилось к чему-то страшному, Л. А. сказал, что он останется во Встодах (в этот момент уже немцы решили население оставить на месте) и вечером будет в моей квартире... Но много вечеров прошло, а Л. А. не приходил. Я твердо знаю, что к побегу Л. А. все было готово, а почему он не остался, я и сейчас не знаю»¹⁹.

ЗАВТРА УЖЕ НЕ БЫЛО

Сообщение о смерти Леонида Алексеевича Кулика пришло в Москву через полтора года от Я. И. Гольцова: «Сообщаю, что 14 апреля 1942 г. в 19 час 30 мин умер профессор Кулик Леонид Алексеевич от тифа в г. Спас-Деменске Смоленской области и погребен на городском кладбище. Могила сохранена до сих пор, несмотря на 2-годовалую оккупацию города немцами... Условия его жизни последнего времени известны мне, так как он похоронен мною и жил на квартире моей родственницы²⁰. Все, что необходимо знать о покойном, я всегда сообщу на запрос... Оставшиеся после смерти покойного его труды, вчера, т. е. 20-го сего августа, мною по требованию особого отдела НКВД сданы последнему. Наш город только еще 3 дня как освобожден от немцев».

ПАМЯТЬ ПОКОЙНОГО ЧТУ И МОГИЛУ ЕГО СОХРАНЯЮ

Шло время... В Москву на 1-ю Мещанскую приходили все новые и новые письма от людей, которые были рядом или встречались с Леонидом Алексеевичем в эти последние месяцы его жизни. Одни в чем-то повторялись, другие в чем-то дополняли друг друга. Позднее в некоторых публикациях они обросли вымыслом. А в другом случае по первоисточнику прошла «редактура» и опубликованные документы отличаются от оригинала. Поэтому из всего известного здесь оставлено только то, что подтверждается документально и непосредственно относится к жизни Леонида Алексеевича в Спас-Деменске.

Из письма И. Ю. Качинской. «...11 марта 1942 г., когда к д. Востоды подходили войска Красной Армии, наш госпиталь был эвакуирован в г. Спас-Деменск.

¹⁹ Из рассказа жительницы Востодов Лидии Азаровны Баклановой (ей в то время было 15 лет) известно, что именно она должна была проводить Леонида Алексеевича в партизанский отряд «Северный медведь», где находился ее старший брат. Придя в условленное время в госпиталь за Куликом, она по его просьбе увела в отряд женщину-врача. А Леонид Алексеевич заверил ее, что сам пойдет в следующий раз. Но, когда Лида вернулась из отряда во Востоды, было уже поздно... Раненых немцы ночью вывезли в Спас-Деменск.

²⁰ Невестка Я. И. Гольцова — Надежда Доненкова.

Леонид Алексеевич остался в госпитале на Морозовской горке. В этом госпитале была эпидемия тифа. Здесь проф. Кулик заразился сыпным тифом и умер. Бытовые условия в лазарете были скверные. Проф. Кулик жил вместе с санитарями, спал на полу, на соломе, так как никакого постельного белья не было, также не было и носильного белья. Проф. Кулик и другие пленные спали не раздеваясь. Преждевременная смерть Кулика наступила от этих невыносимых условий, созданных оккупантами».

Из письма медсестры А. М. Победоносцевой. «...В один мартовский вечер была метель, к нам в лагерь привели отряд человек 30 русских пленных медработников. Среди них был и Леонид Алексеевич. Большая часть медработников, так же как и больных, с которыми они прибыли, были отправлены в г. Рославль, а Леонид Алексеевич и еще несколько человек были оставлены у нас. Вот тут-то я узнала о том, что с октября 41-го он, попав в плен, был санитаром во Вскодах до закрытия этого госпиталя. Исполнял всю тяжелую работу, а также занимался и тем, что помогал на перевязках и сам перевязывал. Время было трудное, никакого пайка не выдавали. Жили тем, что собирали мерзлый картофель и всякую пададь, лошадей главным образом. Попав к нам, он попал на такое же довольствие, если даже не худшее. К тому же мы содержались под строгой охраной... Один раз при посещении госпиталя заведующим, или, как они, т. е. немцы, называют, "шеф арци", ему наш старший русский врач сказал, что у нас есть русский ученый. Нельзя ли как-либо улучшить его питание, принимая во внимание его возраст. Он усмехнулся, пожелал его видеть. Через переводчика с ним говорил, Леонид Алексеевич не захотел с ним говорить по-немецки. Врач предложил ему дать свои труды им, но он категорически отклонил это предложение. Положение его не было улучшено.

В госпитале у нас в то время свирепствовал сыпной тиф... а мы, работающие в палатках, были завшивлены до невероятности, и он заболел в первых числах апреля, а 14.04.42 г. умер.

Все же перед смертью, уже во время его болезни старший врач²¹ упрямил администрацию перевести его в дом напротив нашего лагеря. Там было тепло и у хозяйки была корова, но было уже поздно. Его изнуренный голодовкой организм не выдержал, и он погиб. Мы сделали надпись на надгробном памятнике и похоронили его не в общей могиле, как всех, и не сняли с него его рубашку, что мы делали, чтобы одеть оставшихся живых, которые буквально были голыми даже и зимой».

Идут годы... Скоро уже исполнится столетия с тех далеких грозных сороковых, когда встали на защиту Москвы и всей Родины от фашистских полчищ москвичи-ополченцы. Немногие из них вернулись домой. Но память о них передается и будет передаваться от поколения к поколению. Стараниями жителей Спас-Деменска, знавшими Леонида Алексеевича Кулика, краеведов и школьников могила его была сохранена и за ней следили.

И сегодня на самом высоком месте города, на городском кладбище, рядом с братскими могилами солдат, погибших при освобождении города в августе 1943 г., под тенью старых берез стоит скромный памятник на могиле Л. А. Кулика.

²¹ Главным врачом лазарета был М. А. Хрушев из Москвы.

ГВАРДЕЙСКИЕ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫЕ...

28 июня 1941 г. я сдал госэкзамены, окончил геологический факультет Воронежского государственного университета и был направлен геологом в Хабаровское геологическое управление. В феврале 1942 г. был призван в ряды РККА и направлен на учебу в Хабаровское военно-пехотное училище. После его окончания по распоряжению НКО был направлен на курсы усовершенствования офицерского состава воздушно-десантных войск Красной Армии, закончив которые, получил назначение на должность командира разведвзвода 3-й воздушно-десантной бригады. Так, до конца войны военная судьба связала меня с гвардейскими воздушно-десантными войсками, откуда я и демобилизовался в марте 1946 г., будучи офицером разведотдела 114-й гвардейской Венской Краснознаменной воздушно-десантной дивизии.

Служба в воздушно-десантных войсках — войсках, девиз которых «с неба, на землю — в бой!», оставила незабываемую память на всю мою жизнь. Тяжелая служба: наземная подготовка и прыжки, подрывное дело и тактика допроса, огневая подготовка и структура соединений вермахта, изучение трофейного оружия и трофейных документов — дала свои результаты. Гвардейцы-десантники не только внезапно и быстро атаковывали и наступали, но и всегда знали состав и вооружение противостоящих частей противника, а часто и его ближайшие замыслы.

Нет смысла писать об отдельных, пусть ярких и запоминающихся эпизодах из фронтовой жизни офицера-разведчика. У каждого воевавшего в эту тяжелую войну, какую бы должность он не занимал, их было много. Сейчас, спустя 45 лет после салюта Победы, особенно ярко видны ратные успехи гвардейцев-десантников по тому быстрому победному пути, который прошла наша дивизия от Будапешта до Вены и Праги. Это был короткий, но поистине героический путь, отмеченный взятием многих укрепленных пунктов, городов, форсированием водных преград, пересечением яростных атак многих танковых дивизий СС.

Как складывались для нашей дивизии последние месяцы войны? Следует отметить, что 9 августа 1944 г. Государственный комитет обороны принял постановление о гвардейских воздушно-десантных дивизиях. К этому времени воздушно-десантные войска зарекомендовали себя как наиболее стойкие и боеспособные, которым по плечу выполнение самых сложных боевых задач. Они проявили массовый героизм и стойкость в Московской битве, обороне Одессы, Севастополя, Сталинграда, Кавказа, в сражении на Курской дуге, в битве за Днепр и др. Практически все соединения и части воздушно-десантных войск, принимавшие участие в боях за Родину, стали гвардейскими. Поэтому ГКО принял реше-

Валерий Владимирович Ляхович
(р. 1918)
Снимок сделан в апреле 1945 г.
в Вене

ние новым формированиям воздушно-десантных войск сразу же присваивать наименования гвардейских.

Дивизия наша была сформирована в период с августа 1944 г. по январь 1945 г. в районе г. Тейково Ивановской области на базе 202-й воздушно-десантной бригады, прибывшей с Дальнего Востока. В постановлении ГКО от 4 августа 1944 г. срок готовности к боевым действиям 39-го гвардейского корпуса, куда входила и наша 114-я гвардейская дивизия, был установлен к 1 ноября 1944 г. 10 января 1945 г. Верховное Главнокомандование отдает приказ о переброске 39-го гвардейского корпуса в Венгрию, в полосу действия 3-го Украинского фронта. 15 января

1945 г. дивизия убыла в действующую армию. 13 февраля прибыла в район Керекедьхаза—Лайошмиже (Венгрия, 80 км юго-восточнее Будапешта).

В начале марта 1945 г. дивизия в составе 39-го гвардейского воздушно-десантного корпуса поступила в подчинение 9-й гвардейской армии 3-го Украинского фронта. К этому времени обстановка здесь значительно усложнилась. В целях укрепления своего положения в Западной Венгрии и Австрии и сохранения в своих руках этого важного в военно-экономическом и стратегическом отношениях района фашистское командование решило провести в районе оз. Балатон контрнаступление против войск 3-го Украинского фронта силами 11 танковых и 6 пехотных дивизий. Именно в этот район и были брошены десантные дивизии.

Осуществить поставленную задачу немецко-фашистскому командованию не удалось. Наткнувшись на железную оборону гвардейцев-десантников, противник понес большие потери в живой силе и технике, был измотан в оборонительных сражениях, после чего без передышки с утра 21 марта 1945 г. гвардейцы перешли в стремительное наступление.

Основные события развивались следующим образом. В период с 4 по 13 марта, переправившись на западный берег р. Дунай, дивизия ночными маршами выдвинулась в район Рацкеве—Макад, получив боевую задачу с утра 21 марта в район пос. Истимер (25 км северо-восточнее Секешфехервара) вступить в бой с противником. Дивизия наступала в направлении Теш, Оласфалу, Зирез.

Боевой порядок дивизии почти на всем протяжении наступления был в два эшелона (два гвардейских полка в первом и один во втором). Такой боевой порядок был необходим для прикрытия дивизии от ударов противника с флангов и тыла, так как сплошной фронт наступления наших войск отсутствовал. Он обуславливался также характером горно-лесистой местности и быстрым продвижением частей.

Противник оборонялся главным образом отдельными очагами: на узлах и вдоль дорог, в населенных пунктах, на водных рубежах. Его оборона, как правило, состояла из двух линий окопов и траншей с минными заграждениями через каждые 15—20 км. В населенных пунктах создавались узлы сопротивления, улицы баррикадировались, каменные дома и подвалы приспособлялись под огневые точки для пулеметов, автоматчиков и снайперов, мосты взрывались. Дороги, их обочины и теснины минировались.

350-й гвардейский полк на подступах к г. Теш встретил сильное огневое сопротивление противника. В упорном бою к 12.00 22 марта он занял город. Было подбито 2 танка, 6 бронетранспортеров, 4 орудия. Противник, цепляясь за каждый рубеж отступал на Оласфалу. Особое упорное сопротивление оказывали подразделения 3-й и 12-й танковых дивизий СС и вновь введенные запасные батальоны 356-й пехотной дивизии при поддержке двух артдивизионов 403-й артбригады и 20 бронеединиц на рубеже Зирез—высота южнее Зиреза.

Выбив противника с этого рубежа и из лесных массивов Юаш, дивизия перешла к энергичному преследованию. Не давая возможности противнику задержаться на заранее подготовленных рубежах, разгромив его упорно сопротивляющиеся подразделения, 22 марта ночью дивизия овладела Оласфалу. Продолжая наступление на Локут, дивизия тем самым поставила под угрозу группировку противника, оборонявшего опорный пункт Зирез. Стремительным наступлением правофлангового полка 23 марта к 14.00 Зирез был полностью очищен. За взятие крупного населенного пункта Зирез приказом Верховного Главнокомандующего № 306 от 24 марта 1945 г. дивизии была объявлена благодарность.

С овладением Оласфалу была нарушена система обороны противника. Он потерял основную рокадную дорогу, по которой производил снабжение гарнизонов Оласфалу и Зирез. Сбивая отряды прикрытия, оборонявшие лесные дороги, не давая возможности противнику закрепиться на рубеже отм. 320, О-Боканьяко, 25 марта к 4.00 350-й гвардейский полк штурмом овладел им. Разгромив и почти полностью уничтожив гарнизон, оборонявший Баконибел, части дивизии к 24.00 25 марта подошли вплотную к г. Папа. Овладев населенными пунктами Адастебель, Тапольцафе, Кетторньяула и ломая упорное сопротивление противника, части дивизии зацепились за юго-восточные и юго-западные окраины г. Папа.

Город Папа обороняли потрепанные в боях на рубеже Зирез—Оласфалу подразделения танковой дивизии СС «Мертвая голова», «Гитлер Югенд» и подразделения 356-й пехотной дивизии

противника. Ночной атакой, развивая успех передовых батальонов 353 и 350-го гвардейских полков, наша дивизия к 3.00 26 марта овладела г. Папа. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26.04.45 г. за образцовое выполнение задания при овладении г. Папа и проявленные при этом доблесть и мужество дивизия была награждена орденом Боевого Красного Знамени.

Преследуя отходившие в беспорядке разрозненные группы противника, к 19.00 26 марта части дивизии вышли к каналу Марцал. Ломая сопротивление отдельных разрозненных групп, уничтожая оставленные противником засады, части дивизии формировали канал Марцал и к 8.00 27 марта овладели городами Венец и Целдемел.

Продолжая преследование отходящего противника, войска дивизии вышли к р. Раба. На рубежах канал Марцал и по западному берегу р. Раба в течение 27 и 28 марта противник огнем и неоднократными контратаками силою до роты-батальона при поддержке 6—12 танков пытался задержать продвижение наших частей. К 23.00 27 марта дивизия вплотную подошла к р. Раба. Противник, закрепившийся на заранее подготовленном рубеже по западному берегу р. Раба, встретил подошедшие части организованным огнем. Река Раба хотя и неширокая, но глубокая, а течение ее стремительное.

К 16.00 28 марта, форсировав реку, передовой отряд 350-го гвардейского полка захватил плацдарм на западном берегу. В течение дня и ночи полк выбил противника, занял Рауфалу, Укфа, Хедьфалу и укрепился. 357-й гвардейский полк в это время взял Иванегерсегг. Во второй половине дня 29 марта дивизия овладела населенным пунктом Чепрег и, преследуя в беспорядке отходившие разбитые подразделения 5-й танковой дивизии СС «Викинг», к 24.00 29 марта перешла австро-венгерскую границу и овладела населенными пунктами Обер-Лойсдорф, Кластер-Мариенберг и Унтер-Лойсдорф. Поспешно переброшенный на австро-венгерскую границу 557-й пехотный полк был разгромлен и частично пленен.

Используя основные магистрали, ведущие на северо-запад, части 39-го гвардейского корпуса перешли к энергичному преследованию противника в общем направлении Винер—Нойштадт—Вена. Уничтожая оставленные противником засады на лесных дорогах, очищая населенные пункты от мелких гарнизонов, части корпуса к исходу 31 марта овладели рубежом Марц—Форхтенау—Рохсдорф, выйдя левым флангом к р. Лайта.

30 марта 350-й гвардейский полк, поддерживаемый самоходными установками, наступал в направлении Миненберг, Унтер-Пулендорф, Оберпулендорф, Кан-Грубен и далее на северо-запад на Винер-Нойштадт. В течение дня полк, встречая незначительное сопротивление противника, занял с боем Ольмаху, Кластер, Маршнберг, Стооб и к 22.00 очистил Сан-Мартин, где и укрепился. 31 марта, наступая по шоссе на Метербург, отражая контратаки мелких групп противника, захватил населенные пункты Венерс-

дорф, Коберсдорф, Оберген, Чунсдорф, Зенграбен, Вальдфрид и к 21.00 выбил противника из Робок-Мару.

1 апреля после упорных боев 350-й гвардейский полк занял Метерсбург, отбивая отряды прикрытия, оборонявшие Метерсбург и Виглес, части дивизии к исходу дня 1 апреля подошли к Петшинг и к южной опушке леса (8 км восточнее Винер-Нойштадт). 2 апреля дивизия вела тяжелые бои с противником, оборонявшим северо-западный и западный берег р. Лайта на участке Эбенфурт, Зиллингдорф.

Преследуя отходящие из Винер-Нойштадта подразделения противника, к 24.00 2 апреля дивизия овладела рубежом Потондорф и районом 1,5 км юго-восточнее Блюмау. Разгромив оборонявшегося на р. Лайта противника, ликвидировав мощный опорный пункт, прикрывавший подступы к Вене, части 39-го гвардейского корпуса перешли к энергичному преследованию, очищая один за другим населенные пункты на подступах к Вене.

К утру 3 апреля части корпуса завязали бои на рубеже Трумау — Трайскирхен—Баден. Используя строения населенных пунктов как оборонительные укрепления, противник на этом рубеже организовал упорное сопротивление. Во второй половине дня дивизия, овладев Трумау, начала наступать на Гунттрамсдорф и Мюнхендорф, перерезая дороги, ведущие из Транскирхен на север и северо-восток.

Очистив от противника Мюнхендорф и Лаксенбург, дивизия к 16.00 4 апреля своим 353-м гвардейским полком вышла к отм. 186 (1,5 км южнее Хенесдорфа). 357-й гвардейский полк, выбив противника из парка, овладел Лаксенбургом, перерезав железную и шоссеиную дороги, вплотную подошел к Видермансдорфу, а 5 апреля к 4.00 350-й гвардейский полк занял этот населенный пункт. 3 апреля 350-й гвардейский полк подошел к Охалу и вступил в бой. В этот же день полк подошел к Хенесдорфу, к 7.00 5 апреля он атаковал противника и к исходу дня, выбив его, занял этот населенный пункт.

6 апреля в ожесточенных боях был очищен Инцендорф. Во второй половине дня 6 апреля дивизия вышла на рубеж Ротнойзидль—Фесендорф—Грунн и завязала бои на юго-восточной окраине Перхтольдсдорфа. Ведя бои по очищению Фесендорфа и прикрывая себя с направления Лизинг, дивизия начала наступать на юго-западную окраину Вены.

7 апреля дивизия вела упорные бои в населенных пунктах на подступах к Вене. К утру 8 апреля она форсировала р. Лизинг севернее Инцерсдорфа и, прикрываясь одним полком с запада и юго-запада, к 15.00 овладела кладбищем и железнодорожной станцией на юго-западной окраине Вены (в 2 км северо-восточнее Альтмансдорфа). Во взаимодействии с другими частями корпуса 357-й гвардейский полк, сжимая кольцо окружения, к исходу 8 апреля, ликвидировав окруженную группировку противника, нанес ему большие потери и, очищая Лизинг, Мауер и Альтманс-

дорф от оставшихся мелких групп, в ночь на 9 апреля подошел к юго-западной окраине Вены.

Днем 9 и в ночь на 10 апреля дивизия, наступая на западную окраину Вены с юга на север, уничтожила оставшиеся очаги сопротивления и к 24.00 сосредоточилась в районе Гринцинга и Зеверинга. 350-й гвардейский полк 9 апреля вел уличные бои, в ходе которых очистил от противника 41-й квартал и к 22.00 вышел на улицу Линзенгофста, идущую с запада к центру города.

10 апреля к 15.00 он вышел в район 300 м ниже Хейлигенштадт. 10 апреля в 7.00 двум полкам была поставлена задача наступать в северном направлении вдоль метро, одним полком — к центру города, чтобы отбросить противника на восток за Дунайский канал.

В Вене 350-й гвардейский полк наступал правофланговым, слева от него 357-й гвардейский полк, справа — 34-я стрелковая дивизия, левее 100-я гвардейская стрелковая дивизия. 11 и 12 апреля части дивизии вели бои по очищению Вены, которое фактически было закончено к 24.00 13 апреля 1945 г.

На всем протяжении боев на ближних подступах к Вене и непосредственно в самом городе противник оказывал исключительно упорное сопротивление. В боях на ближних подступах к Вене, в пригородах и в самом городе было отмечено действие следующих частей противника: 12-й танковой дивизии СС «Райх» (в полном составе), 3-й танковой дивизии «Мертвая голова» (отдельными боевыми группами), подразделений по восстановлению тяжелых танков, 870-го полка 356-й пехотной дивизии, 80-го саперного батальона, 9-й и 20-й зенитных дивизионов, 17-го запасного зенитного дивизиона, юнкерской школы г. Вены, до трех батальонов «Фольксштурма», полицейской дивизии «Вена».

Сравнительно быстрое падение Вены, крупного промышленного и железнодорожного центра и мощного узла сопротивления противника, в первую очередь обусловлено быстрыми темпами наступления и преследованием противника частями Советской Армии. Приказом ВГК № 085 от 17 мая 1945 г. за отличие в боях при овладении г. Вены дивизии было присвоено наименование Венской.

12 апреля командующий 9-й гвардейской армией поставил перед дивизией следующие задачи: форсировать Дунай и овладеть г. Корнейбургом, оседлать дороги, идущие из Вены, не допуская отхода противника с ее восточных окраин, удерживать их до выхода в восточные районы соединений 2-го Украинского фронта. Город Корнейбург немцы подготовили к упорной обороне, имея вокруг него 2—3 линии траншей с оборудованными позициями.

В целях завершения окружения венской группировки противника командир нашей 114-й гвардейской дивизии гвардии генерал-майор В. П. Иванов предложил командиру 39-го гвардейского корпуса генерал-лейтенанту М. Ф. Тихонову форсировать дивизией р. Дунай, внезапно захватить оборонительное сооружение противника на противоположном берегу и соединиться с войсками 2-го Украинского фронта. Предложенный план был одобрен. Для

выполнения поставленной задачи была создана группа захвата из добровольцев под командованием командира разведроты старшего лейтенанта В. Н. Алексева.

В ночь с 13 на 14 апреля рота десантников переправилась на противоположный берег р. Дунай. Не задерживаясь на берегу, бойцы быстро продвигались к Корнейбургу. Противник заметил наступающих и открыл по ним ураганный огонь. Три часа длился неравный бой. В критический момент гвардейцы вызвали на себя артиллерийский огонь. В это время подошло подкрепление. К 5.00 14 апреля 353-й гвардейский полк полностью переправился на левый берег р. Дунай. Появление советских бойцов в зоне обороны Корнейбурга, а затем и в самом городе вызвало панику среди противника, который посчитал, что десантники высадились с воздуха.

К 10.00 14 апреля 353-й гвардейский полк полностью овладел Корнейбургом, организовав круговую оборону города, и оседлал дороги, идущие к городу. В течение 14 апреля и в ночь с 14 на 15 апреля противник около 14 раз контратаковал полк, пытаясь освободить дороги для выхода своей группировки в г. Флориндорф.

В ночь с 14 на 15 апреля на помощь 353-му гвардейскому полку был направлен 357-й гвардейский полк, который к 12.00 15 апреля овладел Флориндорфом, Кляйненгерсдорфом, Безамрегом, Лангенцесдорфом и завязал бои на южной окраине Штеттена, оседлав дороги. Бой по уничтожению противника в Корнейбурге продолжался до 13.20 15 апреля. К этому времени 3-й батальон 21-го стрелкового Трансильванского Краснознаменного полка 190-й Киевской дивизии 2-го Украинского фронта под командованием капитана Суханова соединился со 2-м батальоном 353-го гвардейского полка 3-го Украинского фронта на северной окраине Лангенцесдорфа.

Город Корнейбург и его жители не пострадали при проведении этой операции. Были захвачены большие трофеи. За взятие Корнейбурга нашей 114-й гвардейской дивизии Верховный Главнокомандующий объявил благодарность.

В течение 18—29 апреля дивизия вела наступательные бои в Австрийских Альпах, уничтожая отдельные группы и засады противника, очищая г. Хайорельд. 23 апреля к 21.00 атакой через Хофер 350-й гвардейский полк в южном направлении захватил Рамзау и занял оборону вокруг него.

К 8 мая дивизия была выведена из Альп и получила задачу наступать в полосе 2-го Украинского фронта, в районе Грагензульца (35 км севернее г. Корнейбурга). К этому времени противник начал беспорядочный отход. Для отсечения путей отхода в дивизии были созданы два отряда преследования.

К 5.00 11 мая дивизия вышла в район г. Писек (100 км южнее г. Праги), где встретилась с американской армией.

За весь период наступления с 21 марта по 11 мая 1945 г. по территории Венгрии, Австрии и Чехословакии дивизия с боями прошла около 360 км, освободила 8 городов и 236 других насе-

ленных пунктов. За взятие этих городов бойцам и офицерам объявлено восемь благодарностей Верховного Главнокомандующего, а Москва дважды салютовала победителям.

За этот период уничтожено 8 535 солдат и офицеров противника, 6 230 человек взято в плен, подбито 132 бронетранспортера, 82 танка, 7 самолетов и много другой техники.

С 12 по 25 мая 1945 г. дивизия дислоцировалась на берегу р. Влтава (Чехословакия), куда она прибыла после марша. Штаб дивизии располагался в г. Кочин.

В июне 1945 г. походным маршем через Вену, Будапешт дивизия прибыла в район г. Сольнок (Венгрия), где расположилась в лагере. Штаб дивизии находился в Цегледе.

В конце 1945 г. 114-я гвардейская Венская Краснознаменная воздушно-десантная дивизия передислоцировалась в район Трушки—Белая Церковь, а затем была переведена в Боровуху-1 г. Польша. Ветераны дивизии демобилизовались. Молодежь стала совершенствовать десантную выучку. Ратные дела сменились учебой.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Ляхович Валерий Владимирович родился в 1918 г. Защитил кандидатскую диссертацию в 1950 г. Доктор геолого-минералогических наук с 1965 г. Награжден орденами: Октябрьской Революции, Отечественной войны II степени, Красной Звезды и десятью медалями СССР. Работает в ИГН АН СССР (ныне ИЛСАН) с 1946 г. Военное звание — гвардии лейтенант.

Г. А. Мирлин

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ 1941-й и 1945-й...

Период моей работы в Институте геологических наук АН СССР совпал с трудным предвоенным временем (1936—1941), с огненными годами Великой Отечественной войны и с радостным 1945 годом — годом исторической победы советского народа. Товарищи по совместной работе в ИГН, мои дорогие друзья, провожали меня в грозном 1941 году на фронт, присылали мне теплые письма в тяжелые годы жестоких боев, а в победном 1945 году встречали в Москве, на торжествах по случаю 220-летия Академии наук СССР, на которые я попал прямо из Германии, из Дрездена, благодаря их доброте и настойчивости...

После окончания геологического факультета Казанского университета в 1932 г. в течение нескольких лет я работал на Южном Урале. По итогам этих работ была составлена сводная геологическая карта восточного склона южной части Уральского хребта. В самом конце 1935 г. для завершения работы над картой и получения научной консультации я был направлен в Геологический

институт АН СССР, преобразованный 1,5 года спустя в Институт геологических наук. Так, с 1936 г. я стал членом замечательного коллектива, кратко именовавшегося ГИНОм и возглавлявшегося в те годы Андреем Дмитриевичем Архангельским. Дом № 7 в Пыжевском переулке стал для меня родным домом.

Попал я в ГИН в первый год его работы в Москве после переезда института из Ленинграда. Но коллектив его сотрудников был уже сплоченным, дружным и доброжелательным. Молодые сотрудники, руководимые А. Д. Архангельским, А. А. Блохиным, Н. С. Шатским, Н. М. Страховым, Г. Ф. Мирчинком, М. Ф. Нейбург,

А. Н. Чураковым, Ф. П. Саваренским и другими крупными учеными и замечательными воспитателями, жили необычайно полнокровной и активной жизнью. Помимо научной работы или участия в институтских экспедициях, мы систематически посещали существовавший в институте геологический семинар, на котором, в частности, много интересного о методах своего научного творчества рассказывал нам Владимир Афанасьевич Обручев. Мы бегали на бурные тектонические диспуты между А. Д. Архангельским и М. М. Тетяевым, проводившиеся в большой аудитории ВИМС (аудитория ГИН не могла вместить всех желающих быть свидетелями острейших тектонических «сражений»). Нам, молодым сотрудникам, посчастливилось знать, видеть и слушать таких корифеев науки, как В. И. Вернадский и О. Ю. Шмидт, А. Е. Ферсман и Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, И. М. Губкин и В. А. Обручев, А. Н. Заварицкий и Д. С. Белянкин.

В 1936—1937 гг. ГИН вместе с Петрографическим институтом, Институтом геохимии и минералогии им. Ломоносова, Географическим и Почвенным институтами входили в состав отделения геолого-географических наук (ОГГН). Партийная и комсомольская организации этих институтов в те годы были объединенными. Секретарем нашей комсомольской ячейки была Надя Комарова из Почвенного института, а в числе самых активных комсомольцев были Кузьма Власов, Вася Герасимовский, Петя Кропоткин, Ксения Никифорова, Катя Радкевич, Таня Шадлун и многие другие. В каждом институте были свои комсорги. Комсоргом ГИН в 1937 г. комсомольцы института избрали меня. Работы было много — как внутринститутской, так и вне института.

Гильель Авсеевич Мирлин
(р. 1911)

И общественной работой тоже занимались: был даже создан свой театр — «МХАТ», в буквальном смысле слова «академический»... На занавесе театра была изображена чайка, но на ее фоне были перекрещенные геологические молотки. С большим успехом институтским театром был поставлен спектакль «Горе от ума» (1-й и 4-й акты), в котором роль Чацкого отлично исполнил Н. А. Штрейс, прекрасной Софьей была Е. С. Доброхотова, очаровательной Лизой — М. С. Нагибина, Молчалина играл П. Н. Принц, а роль Фамусова была поручена комсоргу института — автору этих строк.

В конце 1937 г. в целях концентрации деятельности ученых на решение комплексных задач, возникавших перед советской геологией в ходе индустриализации страны, было осуществлено объединение трех институтов — ГИН, ПЕТРИН и ИГЕМ — в один институт, получивший наименование Института геологических наук АН СССР. Директором этого большого института был избран академик А. Д. Архангельский, а его заместителями были назначены А. А. Блохин, И. Ф. Григорьев, С. А. Кашин. Ученым секретарем объединенного института назначили меня. Работы в связи с реорганизацией было, конечно, много. Возникали многочисленные сложности, однако энергия и организационные способности А. Д. Архангельского и всех его заместителей позволяли их постепенно преодолевать. Приходилось «притирать» планы разрозненных в прошлом трех коллективов и выработать единый план большого объединенного института, направленный на решение возложенных на него сложных, многообразных и весьма ответственных задач — от изучения физических свойств Земли и истории развития нашей планеты до исследования генезиса месторождений наиболее важных для страны полезных ископаемых и инженерно-геологического обоснования строительства многих крупнейших сооружений.

Надо напомнить, что в 1938 г. вся страна готовилась к XVIII съезду ВКП(б), созыв которого был намечен на весну 1939 г. В газетах были опубликованы предсъездовские тезисы с изложением задач третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, в том числе горнодобывающих отраслей промышленности. Из этих тезисов вытекали и задачи, возникавшие перед советской геологической наукой и геологоразведочной практикой. В специально выпущенном сборнике «Геологическая изученность и минерально-сырьевая база СССР к XVIII съезду ВКП(б)» И. М. Губкин подчеркивал необходимость «глубокой теоретической работы в области геологии» для того, чтобы «правильно намечать районы геологических исследований», чтобы геологоразведочные работы «базировались на правильных теоретических предпосылках».

Под влиянием подготовки к очередному партийному съезду работы в ИГН заметно активизировались, особенно те из них, которые были связаны с геологическим изучением отдельных регионов страны и их полезных ископаемых. Проводившаяся в стране

индустриализация, а также необходимость быть в готовности к обороне своей страны в связи с крайне обострившейся международной обстановкой (угроза нападения на СССР со стороны фашистской Германии на западе и милитаристской Японии на востоке) требовали заблаговременной подготовки крупных ресурсов рудного, топливного и других необходимых видов минерального сырья.

В начале 1939 г. в связи с резким ухудшением здоровья А. Д. Архангельский вынужден был оставить пост директора института. Директором объединенного ИГН стал А. Н. Заварицкий, руководивший работами института в течение предвоенных лет (1939—1941 гг.). В первый год начавшейся войны — 1941 г. — работы института возглавил И. Ф. Григорьев, а в течение военных лет — 1942—1945 гг. — работами института руководил А. Е. Ферсман. Он же возглавлял образованную в самом начале войны при отделении геолого-географических наук АН СССР Комиссию по геолого-географическому обслуживанию Красной Армии.

Но вернемся еще к довоенному времени. В 1939—1940 гг. я продолжал свои геологические исследования на Урале. Хотя во многих странах Европы в эти годы уже бушевало пламя второй мировой войны, развязанной в сентябре 1939 г. гитлеровской Германией, многие сотрудники института (и я в том числе) летом 1940 г. продолжали свои экспедиционные работы. Мною проводились исследования тектоники гранитных и других магматических plutонов Южного Урала и связи с ними процессов рудообразования. Руководителями этой моей работы были Н. С. Шатский и В. С. Коптев-Дворников. Большую методическую помощь оказывали А. Н. Заварицкий и Е. А. Кузнецов.

Однако главное свое внимание во второй половине 1940 г. мне пришлось сосредоточить на завершении работы по геологической карте Миасского и смежных с ним золоторудных районов Урала. Это было необходимо в связи с включением ее в план издания на 1941 г., а также потому, что эта работа была представлена мной в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук. В начале 1941 г. работа была полностью завершена. Моими оппонентами были назначены Д. С. Белянкин и Е. А. Кузнецов, автореферат и тезисы диссертации были уже размножены, защиту диссертации предполагалось провести в последних числах июня, перед выездом сотрудников института на полевые экспедиционные работы.

... А 22 июня 1941 г. грянула война. Вероломно нарушив договор о ненападении, вооруженные до зубов полчища фашистской Германии, уже имевшие двухлетний опыт проведения крупных военных операций, обрушили на западные районы СССР удар огромной силы и вторглись на территорию страны. Началась Великая Отечественная война советского народа за свободу и независимость своей Родины. Прервав свой мирный труд, со-

ветские люди вынуждены были вступить в смертельный бой с фашистскими захватчиками.

Работа над уральской геологической картой, заботы об ее издании, моя защита диссертации — все это мгновенно отошло куда-то в небывшие, стало ненужным, даже каким-то мелким. Над страной нависла грозная опасность. Мирная жизнь и мирная работа всех советских людей была прервана.

Как командир запаса, по военной специальности — артиллерист, я был обязан в первые сутки мобилизации получить назначение в действующие войска. Ранним утром 23 июня — это был понедельник — я явился на сборный мобилизационный пункт Красногвардейского района г. Москвы. Здесь же оказался и сотрудник ИГН, мой товарищ по работе и друг по комсомольской ячейке Василий Герасимовский, который получил назначение на бронепоезд в Брянск (чему я очень позавидовал). Дошла очередь и до меня, я получил направление в артиллерийский полк, в г. Моршанск. Из-за перегрузки железнодорожных эшелонов нам назначили выезд к месту формирования на следующий день, на вечер 24 июня. Эта небольшая суточная отсрочка позволила мне перед отправлением на фронт еще раз побывать в институте.

Во вторник 24 июня ровно в 9 часов утра я уже был в Пыжевском. Все взволнованы начавшейся войной. В кабинетах и коридорах института группы сотрудников возбужденно и с тревогой обсуждают первые сообщения о бомбежке фашистскими самолетами наших городов, о начавшихся ожесточенных сражениях в пограничных районах страны. Передав товарищам по работе свои дела и получив расчет в бухгалтерии, я обошел всех моих институтских друзей и товарищей по совместной работе. Когда они узнали, что сегодня вечером я отправляюсь на фронт, меня обнимают, жмут руки, желают боевых успехов и быстрого возвращения в институт с победой. Особенно тепло прощаются и крепко, по-мужски, обнимают Николай Сергеевич Шатский, Евгений Владимирович Павловский, Николай Михайлович Страхов, Владимир Васильевич Меннер, Иван Иосифович Катушенок, Александр Леонидович Яншин, Борис Абрамович Петрушевский, а милые сотрудницы-женщины, смахивая слезы, стараются улыбнуться. Много шуток по поводу моей несостоявшейся защиты диссертации: «Ничего, теперь Вы вернетесь в институт доктором артиллерийских наук...»

Вечером того же дня в моей комнате коммунальной квартиры в академическом доме на ул. Чкалова, к сожалению, пустой (моя жена Елена Ермак, сотрудница ИГЕМ, вместе с маленьким сынишкой только 15 июня уехала ненадолго в Казань, к моим родителям), собрались мои близкие институтские друзья, кто-то принес пачку отличного табака «Золотое руно», кто-то папиросы «Казбек», плитки шоколада, даже британский походный прибор. Без конца трещит телефон — это звонят институтские товарищи, не встретившиеся со мной утром или не сумевшие заехать ко мне вечером. Всей собравшейся компанией — здесь В. С. Коптев-Дворников, И. И. Катушенок, Т. Н. Шадлун, О. П. Оглоблина, Н. Г. Крейнер,

В. П. Логинов и многие другие — провожают меня на Казанский вокзал, сюда же приходит и Н. А. Штрейс. Все стараются скрыть свое внутреннее волнение, поэтому весело шутят, вспоминают разные смешные истории, шутливо напутствуют. Но вот раздается команда: «По вагонам!» Последние пожелания, последние объятия. В 23 часа наш воинский эшелон трогается, через окна вагона вижу машущих платками дорогих институтских друзей...

Позднее, уже из писем товарищей, полученных мной на фронте, я узнал, что, кроме меня и В. И. Герасимовского, из нашего института ушли воевать И. В. Лучицкий, В. В. Щербина, Б. П. Жижченко, В. П. Колесников, Ф. П. Харлов и др. Из писем узнал также, что с московским ополчением ушли на фронт известные ученые Л. А. Кулик и Г. Э. Фришенфельд. Оба они погибли в начале войны.

После ускоренного формирования нашего арtpолка в Моршанске нас вместе с орудиями погрузили в железнодорожный эшелон и отправили на северо-западный участок советско-германского фронта. В первый бой мне довелось вступить 28 июля 1941 г. под г. Великие Луки. Устанавливая свои пушки и гаубицы на огневые позиции, мы сами угодили под сильный артиллерийский обстрел наступающих немецко-фашистских войск. Впервые не на учебном полигоне, а в бою, во встрече с коварным и сильным врагом пришлось испытать на себе, что такое «артиллерийская вилка» и «перенос огня» ...

А потом последовали многие дни, недели, месяцы и даже годы ожесточенных боев. Никогда не изгладятся из памяти тяжелейшие дни и ночи отступления наших войск к Волге, Калинин, жестокие оборонительные бои на ближних подступах к Москве и наше первое победное контрнаступление под Москвой в декабре 1941 г. Нельзя забыть и кровопролитные изнурительно-затяжные бои под стенами разрушенного Ржева летом и осенью 1942 г. Особенно памятны и незабываемы бои с немецко-фашистскими танковыми армадами в июле 1943 г. на Курской дуге, вдоль шоссе Белгород—Обоянь, когда приходилось нашими противотанковыми орудиями вести огонь прямой наводкой по всем этим фашистским бронированным чудовищам — по «тиграм», «пантерам», «фердинандам». И конечно, всегда в памяти наше решительное и победное августовское наступление с Курского выступа от Белгорода через Богодухов, Ахтырку, гоголевский Миргород в направлении на Киев, к Днепру...

Великая Отечественная война продолжалась. С тяжелыми боями, преодолевая ожесточенное сопротивление вражеских войск, героические воины Красной Армии освобождали страну от гитлеровских захватчиков. Осенью 1943 г., когда немецко-фашистские войска уже были отброшены от стен Москвы и Сталинграда, когда была одержана крупная победа советских войск в Курской битве и когда уже велись бои на рубеже Днепра и за освобождение Киева, Институт геологических наук, как и другие учреждения Академии, получил возможность возвратиться из эвакуации в Москву. На протяжении всех очень трудных первых

лет войны институтские товарищи не забывали меня и часто посылали на фронт дружеские теплые письма. Но удивительная безграничность дружбы славного гиновского коллектива особенно проявилась в событии, происшедшем летом 1944 г. после эвакуации института.

Вернувшись в Москву и вспомнив о моей несостоявшейся в 1941 г. защите кандидатской диссертации, институтские друзья по инициативе Н. С. Шатского, Е. А. Кузнецова, и И. И. Катушенка, Е. В. Павловского, Н. Г. Марковой и др. решили провести эту защиту теперь, в 1944 г., хотя бы заочно. Диссертационная работа была готова еще в 1941 г. и хранилась в институтской библиотеке. Официальные оппоненты — Д. С. Белянкин (ставший теперь академиком) и Е. А. Кузнецов — уже возвратились в Москву. Дирекция института получила официальное разрешение ВАК на проведение в виде исключения заочной защиты, и, как полагается, было дано объявление в газете (такой порядок был установлен еще в довоенные годы). В газете «Вечерняя Москва» от 3 июля 1944 г., в которой были напечатаны очередные сводки Совинформбюро о боевых действиях на фронтах, на четвертой странице было помещено объявление, в котором Институт геологических наук АН СССР извещал о том, что в среду 12 июля 1944 г. в большой аудитории института в 2 часа дня состоится защита диссертации на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук таким-то и что официальными оппонентами будут академик Д. С. Белянкин и доктор геолого-минералогических наук Е. А. Кузнецов.

В эти дни я, конечно, ничего не знал. Наша часть вела трудные бои на Украине за г. Тернополь, готовилось наступление на г. Львов. И только в августе 1944 г., когда уже завершились ожесточенные бои за освобождение Львова, узнал я о том, что произошло в Москве, в институте. Из присланного мне протокола ученого совета, из писем друзей я узнал, что на заседании институтского ученого совета были зачитаны тезисы моей диссертации, что выступили Д. С. Белянкин и Е. А. Кузнецов, а также другие члены совета и что затем состоялось тайное голосование. Как сообщали в письмах друзья, «черных шаров» при голосовании не оказалось ...

Так, в дни жесточайших боев с фашистскими захватчиками летом 1944 г. благодаря удивительной и безграничной дружбе институтских товарищей стал я кандидатом геолого-минералогических наук. Было радостно на сердце от сознания, что товарищи помнят, не забыли. И было грустно от того, что это «кандидатское» звание казалось в эти суровые дни таким ненужным, даже нелепым, — шли бои, очень жестокие бои, впереди был еще долгий путь от Украины до Берлина. Как и миллионы других советских солдат, я твердо верил в нашу конечную общую победу, но, как и все участники боев, я был готов ко всему, к самому страшному — ежечасно, ежеминутно. Ни фашистская пуля, ни фашистский снаряд, ни бомба, ни мина не знали, что я стал «кандидатом» ...

Как одну из самых драгоценных реликвий Великой Отечественной войны и как свидетельство благородства и настоящей дружбы удивительного коллектива Геологического института сохраняю я бесценный для меня поздравительный «адрес» 1944 г., напечатанный на серой бумаге. В этом адресе было всего лишь восемь строк, в которых друзья и товарищи по институту поздравляли меня не только с боевыми успехами, но и с достижениями на научном поприще и выражали надежду, что в скором времени встретят меня в тесной семье геологов. Эти восемь строк того необычайного адреса подписали: А. Е. Ферсман, Н. С. Шатский, Д. С. Белянкин, Д. И. Щербаков, Н. М. Страхов, В. В. Меннер, Б. М. Куплетский, Е. А. Кузнецов, К. А. Власов, А. Н. Чураков, В. С. Коптев-Дворник, О. А. Воробьева, А. А. Богданов, Е. А. Радкевич, П. Н. Кропоткин, И. И. Гинзбург, С. И. Набоко, К. В. Никифорова, Ф. И. Вольфсон, И. И. Катушенок, Н. А. Архангельская, Н. Г. Крейнер, В. Н. Соболевская, Н. А. Штрейс, А. И. Кравцов, Н. Г. Маркова, М. С. Нагибина, Э. С. Залманзон, О. П. Оглоблина, Б. М. Келлер, Е. Н. Щукина, В. Б. Кочуров, Л. И. Деева и многие другие.

Тем временем бои на фронте продолжались с неослабевающим ожесточением. В конце июля 1944 г. мы вышли на р. Сан, на государственную границу СССР. Завершалось изгнание фашистских захватчиков с нашей земли! В августе—сентябре 1944 г. наши войска вели наступательные бои уже на территории Польши. В сентябре—октябре мне довелось участвовать в трудных, невероятно упорных и кровопролитных боях на границе Польши и Чехословакии в районе знаменитого Дуклинского перевала в Карпатах. Начало нового 1945 г. ознаменовалось наступлением советских войск с Сандомирского плацдарма на р. Висле, продолжалось освобождение Польши и ее городов — Кельце, Ченстохова, Кракова, Катовице. Соединения Красной Армии подходили к границам гитлеровской Германии, к «логову фашистского зверя», как тогда писалось на дорожных указателях.

Бои шли днем и ночью. Война теперь продолжалась на полях, на дорогах и в городах нацистского рейха. Вот уже пройден Одер. Преодолевая противотанковые рвы, железобетонные укрепления, узлы сопротивления в городах и лесах, советские воины теснили бешено огрызавшихся солдат фашистского вермахта. До Берлина — столицы германской фашистской империи — оставались километры. 22 апреля 1945 г. началась наша артподготовка перед решительным штурмом Берлина, плотность огня нашей артиллерии составляла около 600 стволов на один километр фронта. После ожесточенных уличных боев, которые никогда не забудутся их участниками, берлинский гарнизон фашистских войск капитулировал, это было в ночь с 1 на 2 мая 1945 г. А 8—9 мая мне довелось участвовать в последнем сражении Великой Отечественной войны, в боях за освобождение Праги.

Итак, Победа! Войне — конец. После жестоких заключительных боев стояла непривычная тишина первых мирных дней. Наш артиллерийский штаб в первые недели после окончания войны

лет войны институтские товарищи не забывали меня и часто посылали на фронт дружеские теплые письма. Но удивительная безграничность дружбы славного гиновского коллектива особенно проявилась в событии, происшедшем летом 1944 г. после эвакуации института.

Вернувшись в Москву и вспомнив о моей несостоявшейся в 1941 г. защите кандидатской диссертации, институтские друзья по инициативе Н. С. Шатского, Е. А. Кузнецова, и И. И. Катушенка, Е. В. Павловского, Н. Г. Марковой и др. решили провести эту защиту теперь, в 1944 г., хотя бы заочно. Диссертационная работа была готова еще в 1941 г. и хранилась в институтской библиотеке. Официальные оппоненты — Д. С. Белянкин (ставший теперь академиком) и Е. А. Кузнецов — уже возвратились в Москву. Дирекция института получила официальное разрешение ВАК на проведение в виде исключения заочной защиты, и, как полагается, было дано объявление в газете (такой порядок был установлен еще в довоенные годы). В газете «Вечерняя Москва» от 3 июля 1944 г., в которой были напечатаны очередные сводки Совинформбюро о боевых действиях на фронтах, на четвертой странице было помещено объявление, в котором Институт геологических наук АН СССР извещал о том, что в среду 12 июля 1944 г. в большой аудитории института в 2 часа дня состоится защита диссертации на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук таким-то и что официальными оппонентами будут академик Д. С. Белянкин и доктор геолого-минералогических наук Е. А. Кузнецов.

В эти дни я, конечно, ничего не знал. Наша часть вела трудные бои на Украине за г. Тернополь, готовилось наступление на г. Львов. И только в августе 1944 г., когда уже завершились ожесточенные бои за освобождение Львова, узнал я о том, что произошло в Москве, в институте. Из присланного мне протокола ученого совета, из писем друзей я узнал, что на заседании институтского ученого совета были зачитаны тезисы моей диссертации, что выступили Д. С. Белянкин и Е. А. Кузнецов, а также другие члены совета и что затем состоялось тайное голосование. Как сообщали в письмах друзья, «черных шаров» при голосовании не оказалось ...

Так, в дни жесточайших боев с фашистскими захватчиками летом 1944 г. благодаря удивительной и безграничной дружбе институтских товарищей стал я кандидатом геолого-минералогических наук. Было радостно на сердце от сознания, что товарищи помнят, не забыли. И было грустно от того, что это «кандидатское» звание казалось в эти суровые дни таким ненужным, даже нелепым, — шли бои, очень жестокие бои, впереди был еще долгий путь от Украины до Берлина. Как и миллионы других советских солдат, я твердо верил в нашу конечную общую победу, но, как и все участники боев, я был готов ко всему, к самому страшному — ежечасно, ежеминутно. Ни фашистская пуля, ни фашистский снаряд, ни бомба, ни мина не знали, что я стал «кандидатом» ...

Как одну из самых драгоценных реликвий Великой Отечественной войны и как свидетельство благородства и настоящей дружбы удивительного коллектива Геологического института сохраняю я бесценный для меня поздравительный «адрес» 1944 г., напечатанный на серой бумаге. В этом адресе было всего лишь восемь строк, в которых друзья и товарищи по институту поздравляли меня не только с боевыми успехами, но и с достижениями на научном поприще и выражали надежду, что в скором времени встретят меня в тесной семье геологов. Эти восемь строк того необычайного адреса подписали: А. Е. Ферсман, Н. С. Шатский, Д. С. Белянкин, Д. И. Щербаков, Н. М. Страхов, В. В. Меннер, Б. М. Куплетский, Е. А. Кузнецов, К. А. Власов, А. Н. Чураков, В. С. Коптев-Дворников, О. А. Воробьева, А. А. Богданов, Е. А. Радкевич, П. Н. Кропоткин, И. И. Гинзбург, С. И. Набоко, К. В. Никифорова, Ф. И. Вольфсон, И. И. Катушенок, Н. А. Архангельская, Н. Г. Крейнер, В. Н. Соболевская, Н. А. Штрейс, А. И. Кравцов, Н. Г. Маркова, М. С. Нагибина, Э. С. Залманзон, О. П. Оглоблина, Б. М. Келлер, Е. Н. Щукина, В. Б. Кочуров, Л. И. Деева и многие другие.

Тем временем бои на фронте продолжались с неослабевающим ожесточением. В конце июля 1944 г. мы вышли на р. Сан, на государственную границу СССР. Завершалось изгнание фашистских захватчиков с нашей земли! В августе—сентябре 1944 г. наши войска вели наступательные бои уже на территории Польши. В сентябре—октябре мне довелось участвовать в трудных, вероятно упорных и кровопролитных боях на границе Польши и Чехословакии в районе знаменитого Дуклинского перевала в Карпатах. Начало нового 1945 г. ознаменовалось наступлением советских войск с Сандомирского плацдарма на р. Висле, продолжалось освобождение Польши и ее городов — Кельце, Ченстохова, Кракова, Катовице. Соединения Красной Армии подходили к границам гитлеровской Германии, к «логову фашистского зверя», как тогда писалось на дорожных указателях.

Бои шли днем и ночью. Война теперь продолжалась на полях, на дорогах и в городах нацистского рейха. Вот уже пройден Одер. Преодолевая противотанковые рвы, железобетонные укрепления, узлы сопротивления в городах и лесах, советские воины теснили бешено огрызавшихся солдат фашистского вермахта. До Берлина — столицы германской фашистской империи — оставались километры. 22 апреля 1945 г. началась наша артподготовка перед решительным штурмом Берлина, плотность огня нашей артиллерии составляла около 600 стволов на один километр фронта. После ожесточенных уличных боев, которые никогда не забудутся их участниками, берлинский гарнизон фашистских войск капитулировал, это было в ночь с 1 на 2 мая 1945 г. А 8—9 мая мне довелось участвовать в последнем сражении Великой Отечественной войны, в боях за освобождение Праги.

Итак, Победа! Войне — конец. После жестоких заключительных боев стояла непривычная тишина первых мирных дней. Наш артиллерийский штаб в первые недели после окончания войны

размещался на окраине Дрездена. И вдруг в Дрезден пришло из Москвы письмо...

Мои товарищи по Геологическому институту решили, что в связи с окончанием военных действий можно теперь попытаться вытащить меня хотя бы ненадолго в Москву. Для этого подвернулся очень удобный предлог — Москва готовилась к проведению больших юбилейных торжеств по случаю 220-летия Академии наук СССР. В середине мая 1945 г. в Дрезден на имя моего военного начальства пришло письмо, подписанное президентом АН СССР В. Л. Комаровым, с просьбой направить меня в Москву в качестве гостя Академии на юбилей. Командование согласилось, и мне был предоставлен месячный отпуск.

Из Дрездена на трофейном автомобиле «Мерседес-Бенц», принадлежавшем, вероятно, какому-нибудь высокому германскому чину, мы ехали по дорогам, где еще совсем недавно гремели бои. На КПП (контрольно-пропускные пункты на дорогах) я и мои спутники с гордостью показывали документы, разрешавшие нам проезд в Москву. Мы проехали по дорогам Саксонии через Бауцен, Бунцлау (где похоронено сердце М. Кутузова), Бреслау (ныне Вроцлав), в артиллерийской осаде которого мне пришлось участвовать в феврале 1945 г., через польские города Краков, Тарнов, Дембицу, Жешув. К сожалению, наш шикарный «Мерседес» не выдержал долгого пути и около Яворова в 50 км от Львова сломался. При помощи попутных грузовых машин мы дотащили его до Львова и отдали местной артиллерийской части, а сами сели в поезд (в почти нормальный пассажирский поезд!) и доехали до Москвы. Рассказать о радости встречи с Москвой, с родными, с друзьями по институту невозможно. У всех на устах было только одно слово — «Победа»...

Проведенные в Москве дни июня 1945 г. никогда мною не будут забыты. Это были дни всеобщей радости, счастья, гордости. Великолепны были торжественные юбилейные заседания и приемы. Неизгладимое впечатление оставили спектакли для участников торжеств во МХАТе «Три сестры» и в Большом театре «Иван Сусанин», в которых принимали участие самые прославленные мастера сцены тех лет. Не забыть, разумеется, и обеда, данного президентом Академии наук СССР 16 июня 1945 г. для участников юбилейных торжеств в ресторане «Москва», на котором подавались расстегаи с рыбой, поросенок заливной, галантин из пулярды, осетрина заливная, икра зернистая и паюсная, канапе и сэндвичи. Каким же контрастом это было после фронтowego горохового супа и американской тушенки...

Но, конечно, самыми незабываемыми были встречи с товарищами и друзьями по работе, по институту. Вспоминали павших смертью храбрых, не вернувшихся с войны дорогих товарищей. Радовались весточкам о тех, кто, по имевшимся сведениям, остался в живых. А венцом моего недолгого пребывания в послевоенной Москве был день 24 июня 1945 г., когда по гостевому пропуску мне посчастливилось быть участником исторического Парада

Победы на Красной площади и стать свидетелем, как наши воины-победители бросали знамена поверженных фашистских дивизий к подножию Ленинского мавзолея. Это было лучшей наградой за все, что пришлось пережить в трудные военные годы.

...С тех уже давних-давних пор прошло более четырех десятилетий. Большое спасибо замечательному коллективу ГИН, его ученым и всем товарищам по совместной работе за великую школу, за доброту, за дружескую помощь и поддержку, когда автор этих строк совершал первые скромные шаги в геологии и когда в грозную пору военного лихолетья ему пришлось стать артиллеристом, солдатом Советских Вооруженных Сил. Низкий поклон коллективу славного ГИН!

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Мирлин Гилель Авсеевич родился 24 января 1911 г. в г. Казани. В системе Академии наук СССР начал работать с 1936 г. Демобилизовался в звании гвардии подполковника артиллерии в ноябре 1945 г. и вернулся в Институт геологических наук АН СССР, где поступил в докторантуру. В 1946 г. был отозван в Комитет по делам геологии (позднее Министерство геологии СССР). С 1957 г. работал в Госплане СССР, а с 1978 г. и по настоящее время — в Комиссии по изучению производственных сил и природных ресурсов (КЕПС) при президиуме АН СССР. Награжден орденом Боевого Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями «За оборону Москвы», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги» и еще 12 медалями СССР.

*Л. Е. Штеренберг, М. Е. Раабен,
В. А. Комар, К. М. Кузнецова*

Н. П. МИХАЙЛОВ — БОЕЦ-ПАРТИЗАН

Это был невысокого роста, довольно широкоплечий, смуглый, темноволосый человек с очень добрыми глазами, смотревшими на окружающих с симпатией и доброжелательством. Где бы ни был Николай Петрович Михайлов, всегда и всюду он благодаря своему спокойному характеру и хорошему отношению к людям пользовался всеобщей любовью и уважением.

Н. П. Михайлов — один из самых видных наших специалистов по стратиграфии мезозойских отложений и аммонитовым фаунам юры и мела.

В первые послевоенные годы он провел исследования позднесенонских аммонитов, показал возможность применения европейской зональной шкалы по аммонитам к разрезам Русской платформы и раскрыл причины соответствия зональных подразделений, устанавливаемых по аммонитам и белемнитам. Позднее

Николай Петрович Михайлов
(1912—1978)

Н. П. Михайлов изучил богатые верхнеюрские фаунные толщи Приполярного Урала, Поволжья и Общего Сырта и на этой основе выявил возможности корреляции юрских отложений на широкой территории европейской части СССР, на севере Сибири и в Западной Европе. Эти исследования были важным звеном в решении проблемы разработки общей зональной шкалы юрской системы, теснейшим образом связанной с запросами практики и в особенности с необходимыми для нашей страны поисковыми работами на нефть и газ. Перу Н. П. Михайлова принадлежит более 40 научных работ, в том числе широко известные монографии по бореальным аммонитам,

опубликованные в трудах Геологического института АН СССР в середине 60-х годов. Эти работы и до сегодняшнего дня не потеряли своего значения.

Случилось так, что жизнь, прожитая Н. П. Михайловым, была тяжелой, однако трудности, вставшие на его пути, не изменяли доброжелательного отношения к окружающим людям. Родившись в крестьянской семье, после окончания средней школы в г. Саратове он вначале работал в механических мастерских Саратовского затона, а затем стал студентом Саратовского государственного университета. Окончив его в 1936 г., он получил специальность геолога-стратиграфа. Проработав на разведке и поисках полезных ископаемых 3 года, Н. П. Михайлов поступил в аспирантуру ГИН АН СССР (г. Москва), где ему удалось проучиться только 2 года. В 1941 г. он добровольцем ушел на фронт; ему присвоили воинское звание младшего лейтенанта и назначили командиром стрелкового взвода. В это тяжелое для нашей страны время в упорных боях в Орловской области он был тяжело ранен и при выходе из окружения 17.10.1941 г. вместе со всем госпиталем попал в плен, однако уже в феврале 1942 г., т. е. спустя 3—4 месяца, его и других товарищей, бывших в этом госпитале, выручили партизаны из соединения А. Н. Сабурова.

В партизанской среде Н. П. Михайлов быстро нашел свое место: по выздоровлении его вначале назначили командиром взвода разведки, затем помощником начальника одного из партизанских отрядов им. 24-й годовщины Красной Армии, затем начальником штаба всего соединения. Позже он стал комиссаром

одного из партизанских отрядов, а затем и соединения партизанских отрядов им. С. М. Буденного. Ему было присвоено воинское звание майора. Таким образом, Н. П. Михайлов с 1942 по 1944 г. участвовал в партизанской борьбе на Украине и в Люблинском воеводстве Польши, в отрядах соединения генерал-майора Героя Советского Союза А. Н. Сабурова. Он активно участвовал в боевых действиях и проводимых партизанами операциях, умело руководил подчиненными. Нередко жизнь его, как говорят, висела на волоске. Два раза партизаны отбили Николая Петровича у фашистов, спасая от расстрела и виселицы. Н. П. Михайлов за время Великой Отечественной войны был дважды серьезно ранен и получил контузию, которая тяжело отразилась впоследствии на его здоровье. Родина отметила ратные дела Н. П. Михайлова высокими боевыми наградами. Он был награжден орденами Богдана Хмельницкого, Красного Знамени, Красной Звезды и многими медалями, среди которых и медаль «Партизан Великой Отечественной войны». Ему была вручена одна из высших воинских наград — польский орден «Крест Грюнвальда».

После расформирования партизанских отрядов Н. П. Михайлов был отозван в г. Киев, где по решению ЦК КП (б) Украины он занял должность заместителя председателя одной из ведущих организаций, занимавшихся восстановлением народного хозяйства. К научной работе Н. П. Михайлов вернулся в 1945 г., после окончания Великой Отечественной войны, когда по вызову президиума АН СССР был откомандирован в Москву для завершения прерванной аспирантуры в Институте геологических наук АН СССР. В 1949 г. Н. П. Михайлов защитил кандидатскую диссертацию. В 1957 г. он был назначен на должность старшего научного сотрудника.

М. А. Осипов

В ПАРТИЗАНАХ НА ПСКОВЩИНЕ

Начало войны. Я родился и вырос в Москве. В 1941 г. окончил восемь классов и вступил в комсомол. Собирался поехать на отдых, но страшная весть о войне все изменила.

Хорошо помню обстановку тех дней. В Европе война шла давно. Газеты пестрели сообщениями об успехах немцев. Поочередно они раздвигались с европейскими государствами, и буквально в считанные дни. Все знали, что фашисты являются нашими потенциальными противниками, но в то, что они пойдут войной на нас, как-то не верилось. Думали, не рискнут, побоятся. Ведь, как свидетельствовала наша пропаганда, Красная Армия самая сильная, она непобедима. И уж если фашисты решатся напасть на

Михаил Александрович Осипов
(р. 1924)

нас, то будут быстро разгромлены «малой кровью, могучим ударом», как пелось в популярной песне, и все боевые действия будут вестись только на территории противника. Поэтому в первые дни войны люди даже не очень огорчались. Думали, что вот наши войска от «неожиданного» нападения оправятся, соберутся с силами, перейдут в контрнаступление и погонят немцев с нашей территории. «Стратеги» моих лет, собираясь во дворах, оживленно обсуждали перспективы. Оптимисты считали, что немцев вышвырнут с нашей территории в течение 1,5—2 месяцев. Я принадлежал к пессимистам. Но и мне казалось, что четырех месяцев будет вполне для этого достаточно.

т. е. к 7 ноября война должна была закончиться нашей победой.

Однако события развивались по-другому. Мы сдавали город за городом, наши войска отступали. О характере боев в газетных сводках говорилось мало. Мы, ребята, выпрашивали о них у военных-фронтовиков, которых в районе, где я жил, у Белорусского вокзала, можно было встретить немало. Они отличались одеждой, манерой поведения и даже выражением лица. Фронт-овые офицеры были сосредоточены, серьезные и, казалось, всегда куда-то спешили. Наверно, это было действительно так, ведь в Москву с фронта посылали только с каким-нибудь важным делом. На вопросы отвечали неохотно. Да и что было отвечать: «Немец ломит, а мы драпаем. У него тысячи танков и самолетов, а у нас даже винтовок не хватает». Это удивляло. Ведь в мирное время на парадах показывали такую мощную технику. Взять хотя бы танки. Я помню, какое количество шло их с Красной площади в праздники, были даже пятибашенные. И вдруг не хватает винтовок. В то время еще никто не подозревал о катастрофическом для нас непредвидении Сталина, игнорировании им объективных фактов. Не было известно и об уничтожении им большей части нашего лучшего командного состава и других преступных действиях, резко снизивших боеспособность армии.

Вот уже и Москва стала готовиться к обороне. Окна домов запестрели крестами полос бумаги, которые каким-то способом должны были предохранить стекла во время бомбежек. Витрины крупных магазинов, особенно в центре, загораживались высокими штабелями мешков с песком. Мавзолей Ленина, Большой театр закрылись маскировочными стенками из фанеры, а на асфальте

центральных площадей появились рисованные стены, крыши домов.

А вскоре начались регулярные бомбежки. Пунктуальные немцы появлялись над Москвой в 22.00. За несколько минут до этого радио извещало о начале воздушной тревоги, над городом на тросах поднимались многочисленные аэростаты заграждения и в светлом еще закатном небе на западе начинали вспыхивать пока неслышные огоньки разрывов зенитных снарядов.

Многие жители спускались в подвалы домов, оборудованные под бомбоубежища. Другие, наоборот, высыпали на улицы — посмотреть. Их гоняли милиция, дежурные, но это не помогало. Не понюхавшие еще настоящей опасности, люди пока не боялись, любопытство брало верх. Когда немцы прилетели в первый раз, почти все ребята нашего дома, да и многие взрослые стояли во дворе и задрав головы смотрели, как развивались события вверху. Зрелище было впечатляющим. Небо прорезали лучи многочисленных прожекторов. Они непрерывно двигались, шаря в поисках самолетов противника. О том, что самолеты были там, наверху, свидетельствовали доносившееся характерное укающее гудение и многочисленные «фонари» — осветительные устройства, сброшенные на парашютах. Они светили вниз, и от этого небо казалось совсем черным. Наконец, одному из прожекторов удалось поймать яркий, серебристый, светящийся силуэт самолета. Мгновенно в него вцепились еще с десятков лучей. Во дворе на улицах раздался дружный радостный вопль, как на стадионе. Это была моя первая встреча с реальным врагом.

Заговорили пулеметы, установленные на крышах домов. Из парков и скверов ударили зенитные орудия. К самолету понеслись многочисленные пунктиры красных точек — трассирующих пуль, а вверху начали рваться снаряды. Но почему-то все они рвались где-то далеко позади самолета, не причиняя ему вреда. Видимо, сказывалась плохая обученность наших зенитчиков. Поэтому большой двухмоторный бомбардировщик, летевший примерно на километровой высоте, не делавший особых попыток ускользнуть, все-таки сумел уйти от прожекторов. Сверху посыпались осколки зенитных снарядов. При падении они издавали характерный шуршащий звук и гулко шлепались на крыши домов и асфальт мостовой. Они заставляли зрителей быстро убраться в подворотни, другие закрытые места.

Я пережил все московские бомбежки 41-го. Много раз следил за развитием событий там, под черным куполом неба, но ни разу не видел, как падает сбитый немецкий самолет. Сбитые самолеты врага и другую трофейную технику я увидел и даже пощупал только тогда, когда их выставили для обозрения на площади Революции, где в то время еще не было сквера (между фонтаном Витали и памятником К. Марксу).

В одну из ночей мы с приятелем смотрели из чердачного окна нашего шестиэтажного дома, что в начале Бутырского вала, почти напротив Белорусского вокзала, на панораму ночной

атакуемой вражескими самолетами Москвы. Кое-где виднелись огни пожаров, но взрывы бомб и стрельба прекратились. Не было слышно и гудения самолетов. Казалось, они улетели. И в это время вдали, где-то в стороне Белорусской-товарной, возник характерный звук «немца». Он приближался. Далеко засвистела бомба и через некоторое время разорвалась. Вот снова и намного ближе завывала еще одна и с грохотом разорвалась в том месте, где 1-я Брестская улица выходит на привокзальную площадь. Загорелся соседний дом, причем только его верхний этаж. И в ту же секунду мы услышали зловещий, все нарастающий вой новой падающей бомбы. Казалось, что она летит точно на нас и спасенья не будет. Как по команде, бросились на шлаковую засыпку чердака и уткнулись в нее лицами. Страшный удар потряс дом. Он резко качнулся, и казалось — вот-вот упадет. Но дом выстоял. А когда мы, как ошпаренные, скатились вниз и выбежали во двор, в 40—50 м от дома зияла огромная, шириной примерно 12 и глубиной 4—5 м, воронка. Она медленно наполнялась водой. А стену дома сверху донизу прорезала узкая извилистая трещина, которую замазанную можно увидеть и теперь. В этот раз я впервые испытал страх.

В Москве становилось все более голодно. Хотя по карточкам хлеб выдавали регулярно, но при малом количестве других продуктов его не хватало. Чтобы получить рабочую карточку, все шли работать на военные заводы. Впрочем, в то время почти все производства работали на оборону. Рабочим выдавали 800 г. хлеба в день, служащим — 600 г, а иждивенцам — 400 г.

Я работал учеником токаря, потом — токарем. Завод был на углу ул. Расковой и Масловки. Работали по 12 часов, без выходных. В душевных цехах с окнами, закрытыми черными светомаскировочными шторами, особенно трудно было в ночную смену.

В конце сентября или в начале октября, когда немцы подошли к Москве угрожающе близко и стала реальной возможность сдачи города, завод эвакуировался на Урал. Мастер уговаривал и меня поехать. Аргументы вроде бы были веские — авиационный моторостроительный завод давал бронь, можно было спокойно переждать войну. Но я не поехал. Почему-то был уверен, что немцы Москву не возьмут. Теперь, конечно, очевидно, что это вполне могло произойти, и мне, комсомольцу, была уготована только смерть, как, впрочем, и большинству населения города.

7 ноября я стоял на почти безлюдной площади Белорусского вокзала и смотрел на наши войска, идущие с праздничного парада. В этот год зима началась рано, и по асфальту мела злая поземка. А войск было мало, пожалуй не больше батальона. Они шли сосредоточенные, одетые в новенькие полушубки и валенки, видимо выданные по случаю парада. Никто не улыбался и не разговаривал. Так, молча, они быстро прошли по площади через мост на Ленинградское шоссе и дальше прямо на фронт,

под Волоколамск. Проехало и несколько выкрашенных в белую краску танков.

Потянулись длинные дни томительного безделья и неизвестности. Из лаконичных сообщений газет и радио можно было составить лишь самую общую картину положения на фронте. Но то, что все учреждения закрылись, говорило о многом. А вот булочные работы бесперебойно, даже в самые критические дни осады. А мы продолжали верить в силу нашей армии и надеялись на изменение событий. И наконец, как-то вечером Левитан своим чарующим и особо торжественным голосом зачитал сообщение о полном разгроме немецко-фашистских войск под Москвой. Я видел, как плакали собравшиеся у репродуктора мои родные и соседи.

Стало немного повеселей, а вот на работу было устроиться невозможно, некуда. И тут подвернулся случай. Кто-то из знакомых ребят сказал, что в Селиверстовом переулке на Сретенке есть Дом радио, где работают курсы радистов, и я пошел туда. Там действительно проходили занятия по приему и передаче азбуки Морзе. Курсантов было немного, человек двадцать, а занятия вела маленькая хрупкая женщина — моя однофамилица. Не надо было никакого оформления — приходи и учись. Я подумал, что через год меня призовут в армию и, наверное, уж лучше быть радистом, чем в пехоте, и стал заниматься. А где-то в конце декабря к нам в класс пришел незнакомый военный с тремя «кубарями» и сказал, что комсомольцы могут добровольно пойти в армию.

И пошел в армию. Комсомольскую путевку мне выдали в МГК ВЛКСМ в Колпачном переулке. Обстановка была тихая, деловая. В приемной сидело человек двадцать. По одному вызывали в соседнюю комнату, и там какое-то ответственное горьковское лицо вручало эту бумагу. В конце декабря или начале января мы уже ехали товарным эшелоном в Горький на учебу в 40-й отдельный запасной радиобатальон. Эта учебная воинская часть готовила радистов для крупных армейских штабов. Она располагалась в Сормове под Горьким в школьном здании. Две роты были мужские и одна женская. Медленно потянулись дни напряженной учебы. Занимались по 10—12 часов в день, особенно много морзянкой — приемом и передачей. Казалось, что писк зуммера пронизал все, он слышался даже во сне. Изучали также основы радиотехники, устройство раций.

Где-то ближе к концу обучения, это было примерно в середине марта, меня неожиданно вызвали к особисту батальона. Он стал расспрашивать о семье, задавал еще какие-то вопросы, а затем объявил, что подбирается группа радистов для заброски в немецкий тыл, но дело добровольное, можно и отказаться. Кажется, я дал согласие мгновенно. Мне казалось, что работа в штабе будет не менее нудной, чем обучение. То ли дело в тылу врага, вот где интересно! Именно это было причиной моего быстрого согласия. Сейчас принято расписывать, что добровольный уход на фронт вызывался какими-то высокими патриотическими мотивами.

вами или ненавистью к немцам. На самом деле во многих случаях все было проще. Мальчишки шли из-за интереса, иногда с тайными мыслями прославиться, а во многих случаях — из-за нужды тыловой жизни и голодных пайков. Я в то время и ненавидеть-то не умел, даже фашистов. Этому взрослому чувству я научился, как мне кажется, уже спустя много лет после войны.

Выделенную группу стали срочно переучивать. Это касалось в основном устройства радиостанций. Общие принципы радиотехники и морзянка оставались те же. В учебный класс вместо громоздких стационарных блоков принесли ту рацию, на которой предстояло «играть» теперь. Это был прославленный «Север», «северок», как его ласково называли в обиходе. Размерами немного больше буханки черного хлеба рация казалась игрушечной, хотя могла работать на дальние расстояния.

Наконец, учеба в батальоне кончилась, и в конце апреля наша группа, состоявшая из парней и нескольких девушек, приехала в Москву. А когда мы явились по указанному адресу, то узнали, что прибыли в распоряжение Главного разведуправления РККА. Подали автобус, и часа через два он уже въезжал в ворота подмосковной, огороженной глухим забором дачи. За воротами стоял часовой с пистолетом, но в штатском. Это была одна из баз подготовки разведывательных и диверсионных групп, засылаемых в тыл немцев по линии разведывательного ведомства.

Нас также переодели в штатское и вскоре выдали оружие. Причем на выбор, но кроме советского. Тут были большие, знакомые по кинофильмам о гражданской войне маузеры, крупнокалиберные (кажется, 12,5-мм) кольты и немецкие парабеллумы. На территории базы находился тир — довольно длинная траншея, где мы должны были тренироваться в стрельбе. Помню, как хотелось взять красивый импозантный маузер в деревянной кобуре, тем более что были не только под наш 7,62-мм, но и под немецкий 9-мм патрон. Но маузера не взял никто из-за тяжести и громоздкости. Я выбрал новенький немецкий парабеллум.

Радистов распределили по боевым группам, и опять потянулись дни учебы. Главное, чем занимались курсанты базы, было подрывное дело. Ну, а нас должны были выучить и искусству шифровки. С каждым из радистов занимались отдельно. Из Москвы приезжал на вид сугубо штатский, степенный, одетый в хороший коричневый костюм человек и, пригласив кого-нибудь из радистов, уединялся с ним в лесу, который рос на территории дачи. Занятия длились по часу-два в день. Ключом к моему шифру был обрывок фразы из известной песни Паганеля в фильме «Дети капитана Гранта»: «Ведь улыбка — это...» А подписывать все свои будущие радиogramмы я должен был псевдонимом «Осторожный». Ключи к шифрам были у всех радистов, но никто, даже командиры групп, их не знали. Мы свободно ходили с оружием по окрестным лесам, по поселку и даже ездили в Москву. Представляете, какой эффект произвел я, когда появился во дворе

в штатском, но с оружием. А похвастаться ведь надо было обязательно.

Практику подрывного дела мы решали просто. Заготовку дров для кухни производили не топором и пилой, а толом. Неподалеку в лесу сначала валили березу, прикрепив внизу пару 200-граммовых шашек взрывчатки, а затем, разложив их вдоль упавшего ствола с интервалом 1—2 м, соединяли детонирующим шнуром. Вставив в крайнюю из шашек кусочек бикфордова шнура, поджигали его и, отбежав в укрытие, ждали. Взрыв — и весь ствол оказывался разорванным на куски с лохматыми концами. Занимались и парашютной подготовкой. Она заключалась в том, что инструктор один раз показал, как следует держать ноги при приземлении, чтобы не сломать. Ведь удар при прыжке довольно сильный. И еще полагалось сделать по одному прыжку для практики. Вот и все. Мне удалось прыгнуть два раза. Причем один раз с двухмоторного транспортного самолета, где всех нас специальной веревкой-фалой цепляли за приспособление в фюзеляже и она автоматически выдергивала парашют. А другой — с маленького У-2, где нужно было в воздухе под свист ветра вылезать из кабины, идти вдоль борта по узкой рифленой дюралевой дощечке, не дай бог наступить на тряпичную обшивку крыла, развертываться лицом назад, скрючиваться, чтоб не задеть растяжку, идущую от конца крыла к хвосту, а нырнув вниз, вовремя, никак не раньше нескольких секунд, дернуть за кольцо, раскрывающее парашют, а то парашют может зацепиться за хвост самолета. И если при первом прыжке я от новизны ощущений и страха толком не почувствовал, то, когда начал проделывать все манипуляции на У-2, пожалел, что согласился на этот прыжок.

В группе, с которой я должен был лететь на задание, кроме меня было еще четыре человека. Я хочу назвать их имена, потому что вряд ли родные и близкие даже сейчас знают об их судьбе. Командир Иван Баранов, лет 30—35. Он жил где-то в Черкизове и работал на заводе токарем. Долгое время имел бронь, но потом почему-то ее сняли и его забрали в армию. На распределительном пункте он попал на глаза вербовщику из разведуправления и сразу был направлен в наш центр подготовки для заброски в тыл и даже стал командиром группы. Никакого военного опыта он не имел. Юрка Попов, тоже москвич, до войны работал сварщиком, потом служил на флоте, воевал, был ранен, и вездесущий вербовщик захомотал его при выписке из госпиталя. Был еще один — Иван с Алтайского края, кажется из Барнаула. Фамилию его забыл. Большой и тучный, он тоже, кажется, успел повоевать и тоже был завербован в госпитале. И наконец, Колька, небольшого роста, не то татарин, не то башкир, работавший до войны милиционером, тоже уже побывавший на фронте. Мы быстро сдружились.

Вечером 2 июня 1942 г., погрузив взрывчатку, патроны, продукты, запасные батареи для радиостанции в длинные мешки двух грузовых парашютов, получив более основательное оружие — три

финских автомата «Суоми» (образ наших ППД и ППШ) и винтовку с глушителем для бесшумной стрельбы, изрядно набравшись за прощальным обедом московской горькой, погрузились в маленький, на основе ГАЗ-АА («полундры»), автобус и поехали в Москву. С нами ехали еще две группы. Одна из них состояла из трех (или четырех) человек, а радистом в ней был мой приятель, черноглазый и улыбочивый Вася Ильин, москвич, откуда-то из района Полянки, Якиманки. Другая — всего в два человека. Командиром ее был молодой лейтенант Семен Скрипник. По дороге в Москву мы еще разок приложились к фляжкам со спиртом и в таком развеселом виде подъехали к воротам Центрального аэродрома, что против метро «Аэропорт». На большом летном поле одиноко стоял камуфлированный двухмоторный транспортный Ли-2 (в войну их называли «дугласами»), и автобус подкатил к нему. Опекавший нашу базу подполковник Знаменский — Герой Советского Союза войны в Испании, с трудом построив всю команду, выразительно, чтобы дошло до поврежденного хмельком ума каждого, объявил, что если кто-нибудь передумал лететь к немцам в тыл, может теперь же отказаться. Но отказчиков не нашлось, в тот момент нам и море было по колено. Но если посчитать, то получалось, что добровольцем я стал в третий раз. Командирам групп Знаменский вручил довольно объемистые запечатанные пакеты, вскрыть которые следовало после приземления.

В тыл врага. Ввалившись в самолет, мы быстро уснули, а проснулись лишь от грохота зенитных снарядов, рвавшихся вблизи, — самолет пересекал линию фронта. Затем стрелок-радист, почему-то одетый в морскую форму, забравшись в остекленный колпакофонарь, пристроенный на крыше фюзеляжа, яростно строчил из пулемета, а мимо нас летели трассы вражеских пуль.

Скрипник с радистом прыгали вскоре после пересечения линии фронта. Потом это сделала группа Васи Ильина, вскоре настала и наша очередь. Подтащив грузовые парашюты к одной двери, мы построились в ряд и зацепили фалы своих парашютов за штангу. Открылась дверь, раздалась частые и резкие гудки — сигнал к прыжку, и один за другим мы вывалились в бездну. Одновременно с другой стороны вытолкнули наш груз. Впрочем, бездна была не очень уж значительной, наверное метров триста. Встряхнутый раскрывшимся куполом, я огляделся. В уже светлеющем небе недалеко в воздухе висели мои друзья и груз, а внизу простирался сплошной лес и почти везде между деревьями поблескивала вода. Недалеко в стороне виднелось озеро, а на его берегу горел костер. Это было некстати. Если костер жгли немцы, то наверняка они видели и самолет, и купола парашютов. Но ничего изменить было нельзя — приближалась земля, и едва успев запомнить, в каком направлении приземляются мои товарищи, больно ударившись задним местом о сухую ольшину, я почти по пояс плюхнулся в болото. В светлом небе самолет завершал круг, покачав на прощанье крыльями, с зажженными бортовыми огнями ушел обратно в Мо-

скву. Так началась моя партизанская «одиссея», и продолжалась она около двух лет, до середины марта 44-го года.

Примерно через час мы собрались, но грузовые парашюты искать не стали. Над лесом уже стрекотал немецкий самолет-разведчик — «костыль», и мы благоразумно ушли. Вскрыли пакет, там были пачка карт и приказ-предписание о нашей деятельности. На карте было обозначено место приземления. Мы находились на территории Ленинградской (теперь Псковской) области, километрах в 30 к востоку от Чудского озера. Вот почему ночь казалась непривычно светлой, это была белая ночь. За грузом пришли через день и нашли только один парашют. Да и тот старательно раскурочивали какой-то мужик с мальчишкой. Хотели наказать, но пожалели парнишку. Это они жгли костер на берегу озера в ночь приземления и все видели. Не знаю, этот ли человек донес немцам о высадке группы, но нас старательно искали. А мужик кончил плохо. Он повесил для просушки купол парашюта, а это 72 м² шелка, на заборе. Мимо ехали немцы, увидели и хозяина расстреляли. Потеря почти всего груза нас огорчила, особенно жаль было взрывчатки и запасных батарей радиопитания.

Мы обосновались в сухом лесу и приступили к выполнению задания. Оно было расплывчатым — разведка и диверсии на железной дороге Псков—Гдов—Ленинград. Командир хотел побыстрей отрапортовать о начале нашей деятельности, и уже через несколько дней группа подошла к «железке». Меня не взяли, радистов положено беречь. Через три дня ребята вернулись. Взрыв не состоялся. У железной дороги их обнаружила и атаковала охрана. Но в стычке удалось уложить двоих, и в лагере появились две пары добротных немецких сапог. Они были весьма кстати, наши кирзовые к тому времени уже изрядно поизносились.

Быстро кончились наши сухари и сало, и мы вынуждены были совершать походы в деревни. Завели там знакомых и через них узнали, что в районе действует отряд местных партизан. Мы стали искать с ними встречи, и, наконец, она произошла. Отряд насчитывал человек 15 и состоял в основном из партийных и советских работников. Были даже секретарь райкома и председатель райисполкома (Полновского). Но командовал отрядом редактор районной газеты Шеламов. Отряд, прослышав о десанте парашютистов, а молва развонила, что это чуть ли не батальон моряков из Ленинграда, тоже искал с нами встречи. У них не было патронов, взрывчатки и, главное, связи с нашим тылом, поэтому отряд вынужденно почти бездействовал и очень рассчитывал на нас. Но у нас запасы боеприпасов были малы, а рация вскоре прекратила существование. Я успел, кажется, дать пару радиограмм, а принял только одну поздравительную с благополучным приземлением. Каратели как-то застали нас на берегу озера и загнали в воду. Уходить пришлось вброд по камышам. Пробитая пулей рация осталась на дне озера. Грешно, но я в какой-то степени был этому даже рад, уж очень тоскливо было оставаться одному, когда все уходило на задание. Теперь

же я стал просто рядовым бойцом и принимал участие во всех операциях группы.

Вскоре пришла первая потеря. Колька вдвоем с Иваном шли в деревню за теми самыми немецкими сапогами, которые отбили на «железке». Их отдали на расшивку подъемов знакомому мужику. Немецкие солдатские сапоги сделаны очень добротно, но все они почему-то имеют очень низкий подъем. Я, носивший наши 40-го размера, не мог напялить их даже на номер больше.

Ребята столкнулись с ночным конным разездом карателей-украинцев из добровольческих охранных частей, служивших у немцев и располагавшихся гарнизонами в некоторых окрестных деревнях. На песчаной дороге топота коней не слышно, поэтому столкнулись нос к носу. Несколько выстрелов, каратели ускакали, а на дороге остался лежать Колька. Иван ножом вырыл яму и похоронил его около дороги, что ведет к д. Молоди.

Без связи нашей группе действовать было невозможно, и вскоре Баранов решил идти через линию фронта. Взял с собой меня и еще троих человек из местного отряда. До фронта было примерно километров 200—250, и большую часть пути мы должны были пройти без карт. Но прошли мы всего километров 80. Однажды группа стала на привал, а я с одним из товарищей пошел в разведку. А когда мы возвращались и были уже близки к стоянке нашей группы, то попали под цепь прочесывающих лес немцев. Они нас долго преследовали. Когда же мы, оторвавшись от них, на следующую ночь вернулись к стоянке, то там никого не оказалось. Группа ушла, судя по следам, дальше на восток. Видимо, ее спугнула стрельба, открытая немцами. Если бы не это, возможно, каратели захватили бы группу врасплох. А нам вдвоем ничего не оставалось, как вернуться обратно и искать Полновский отряд. Мы вернулись, и я надолго, до мая следующего года, стал его бойцом. Там же в отряде я узнал, что еще двое моих товарищей по московской группе, Юрка Попов и Иван, погибли. В одной из деревень их окружили каратели. Бой длился около двух часов, потом их взяли живыми и повесили.

В Полновском отряде. Полновский отряд организовался сразу же после прихода немцев в район. В лес ушли почти без оружия — лишь несколько винтовок и наганов из военкомата, да и те почти без патронов. И зачем было особенно вооружаться, ведь и здесь твердо знали, что не успеешь оглянуться, как немцев погонят назад и вся война будет кончена. Но вот прошло уже почти полтора года, а войне не видно конца. За это время большая часть отряда была перебита, а те, что остались, почти безоружные и не имевшие боеприпасов, не могли активно действовать. Вся их деятельность ограничивалась поджогом деревянных мостов, мелких маслозаводов, изъятием продовольствия, заготовливаемого в волостях для отправки в Германию, ликвидацией полицейских и других активных прислужников оккупантов. Поэтому, когда я сказал, что у нас остались спрятанными несколько килограммов тола, все обрадовались и стали готовиться к диверсиям на железной дороге. Но

в этот год им так и не суждено было состояться. В ночь с 19 на 20 ноября выпал первый и обильный снег. Один из членов отряда, видимо давно вынашивавший мысли о предательстве, воспользовался этим и привел карателей. Это был черный день для отряда. После короткого боя уже ни у кого не оставалось патронов, если только по 1—2 штуки на крайний случай, для себя, а главное, сзади потянулся неумолимый след, как тросом привязывавший нас к преследователям. Нас гнали долго и жестоко, и не было никакой возможности ни защититься, ни оторваться. Это удалось с большим трудом только ночью, но значительной части отряда не стало.

Казалась бесконечной холодная и голодная зима 1942/43 года. Чего греха таить, вся наша задача состояла в том, чтобы выжить. Выжить, чтобы хоть когда-нибудь, после таяния снегов, нанести урон врагу. И мысли у всех в ту пору были неприятные. Фашисты всю трубили о своей окончательной победе. Еще немного — и они дойдут до Урала. А Красная Армия, по их данным, была давно практически уничтожена. Мы, конечно, понимали, что в этих реляциях много и хвастовства. Но знали также, что их войска уже дошли до Сталинграда. Невольно закрадывалась мысль, а что же делать нам, если немцы победят? Куда идти, как бороться? Ведь тогда, освободив армию, они начнут планомерную проческу всех лесов и нам — смерть. Но каждый гнал эти мысли прочь. И вот однажды, уже в январе—феврале 43-го года, мы, наконец, узнали о разгроме немецко-фашистских войск под Сталинградом. Из газет, издававшихся оккупантами на русском языке, не вполне были ясны масштабы этого поражения, но за обтекаемыми формулировками об «отчаянных атаках Советов» и о «спрямлении доблестными германскими войсками линии фронта» можно было угадывать многое. Особенно же впечатляло то, что в Германии объявлен национальный траур. Такого от немцев слышать еще не приходилось.

И весной, как только сошел снег и можно было не опасаться погони по следу, мы стали готовить взрывы. На железную дорогу послали Михаила Моськина — мощного бесстрашного человека, до войны работавшего инкассатором, и меня. Перед праздником 1 Мая в районе станции Замогиле, на той же «железке» Псков — Гдов—Ленинград, трижды гремели наши взрывы. Первые два — «на удочку», дергая длинный шнур, а последний, третий, заложив мину с капсюлем нажимного действия. В первый раз, не имея опыта, дернули не вовремя. В результате взрыв пришелся не перед паровозом, а лишь под тендером, и паровоз, хоть и с трудом, с лязгом сумел протащить однобоко подпрыгивающие вагоны над местом взрыва. Такого еще не бывало. Удивлению нашему не было предела. И еще не весь состав прошел мимо, как мы, рискуя попасть под огонь патруля и из вагонов поезда, уже мчались к полотну в надежде увидеть, что же там все-таки произошло. В насыпи зияла воронка, а концы разорванного рельса, немного загнутые вверх, торчали как две обрубленные руки. Между ними было при-

мерно сантиметров 30, вот почему паровоз сумел проташить состав.

На следующую же ночь, пройдя вдоль линии километра два, мы заложили усиленный заряд у небольшого мостика, но на рассвете его заметил патруль. Пришлось дергать шнур, и мостик взлетел в воздух. Камни и обломки шпал еще продолжали падать, когда патруль, завидев нас, бегущих к лесу, открыл огонь, и мы едва успели скрыться в спасительной чаше. После этого район станции Замогилье наводнили каратели. Они стали во всех окрестных деревнях, патрулировали дороги и даже прочесывали вдоль «железки» леса. Однако еще оставалась взрывчатка, и мы во что бы то ни стало решили использовать ее до конца. Работать «на удочку» мы больше не могли. С большим трудом, невзирая на усиленную охрану, сумели заложить мину нажимного действия и сразу ушли от дороги. А когда отошли примерно на километр, услышали гудок и стук колес приближавшегося состава. Он шел на фронт. Издали казалось, что поезд уже миновал мину и опять нас постигла неудача. Но в этот момент ночное небо озарила вспышка, раздался взрыв, а потом — глухие удары и лязг железа. Позже мы узнали, что спустили под откос эшелон с крупнокалиберными артиллерийскими снарядами, предназначавшимися для обстрела Ленинграда. Они не взорвались, но выезжавшая комиссия все их забраковала, а убитых фрицев, как нам рассказывали согнанные на ремонт дороги крестьяне, наложили целую машину. Но наша радость была омрачена. Вернувшись к своим, мы узнали о гибели командира отряда. Еще зимой он подорвался на mine. Поврежденная нога зажила, но ходить он почти не мог. Его оставляли в лесу, соорудив шалаш и доставляя продукты. Но кто-то выдал. Шалаш окружили более 100 карателей, и Гаврила Терентьевич Шеламов — тихий, скромный газетный работник, прекрасный человек и настоящий коммунист — покончил с собой, выстрелив в голову из нагана.

Шеламова на посту командира сменил молодой энергичный Петя Якимов, землемер. Но спустя полмесяца погиб и он. Погиб, придя на встречу с украинскими легионерами. Дело в том, что весной 1943 г., когда чаша весов войны стала склоняться в нашу сторону, многие из тех, кто служил немцам, стали задумываться о своей дальнейшей судьбе, ведь их ждала суровая кара. От верных людей мы получили сведения, что с нами ищут встречи украинские легионеры. Неохотно мы пошли на эту связь, но нужны были патроны и взрывчатка, которые надеялись получить от карателей. Встреча состоялась на глухой лесной мельнице, что у д. Блянск. Часть карателей соседнего гарнизона решила уйти в партизаны. Но кто-то из прихвостней немцев их выдал. Мельницу окружили, был бой, и наш новый командир погиб. Командиром Полновского отряда стал пожилой опытный и осторожный Николай Васильевич Козырев, председатель Полновского райисполкома.

А вскоре случилось неожиданное. Однажды я с одним из партизан возвращался из дальней разведки. Уже подходили к лагерю, оставалась лишь болотистая низинка, а за ней — лес, и там место

встречи. Как всегда, перед открытым местом долго оглядывали путь впереди. Был сезон белых ночей, в предутренней белесой мгле по низине стлался туман, и она казалась тихо колышущимся озером, а видневшийся за ней лес вырастал, как из воды. Стали спускаться вниз, но в этот момент услышали чавкающие звуки шагов, а затем увидели едва различимые фигуры людей. Они шли вереницей друг за другом вдоль низины молча, как привидения, появляясь из тумана и исчезая в нем. Мы насчитали их больше сотни, а они все шли и шли. Наверное, окружают наш лагерь! Мы уже стали отползать назад, решив открыть стрельбу и тем самым предупредить своих об опасности. Но в это время подул легкий ветерок, он отогнал пелену тумана, и мы увидели, что это были не каратели, а, как говорили в войну, свои братья-славяне, такие же, как мы, партизаны.

Так мы встретились с 1-м полком 2-й Ленинградской бригады. А пришла она в эти районы издалека, с юга. К востоку от Пскова, на границе с Калининской областью с начала войны долгое время существовал партизанский край, довольно значительная территория, примерно сто на сто километров, в которую немцы поначалу проникнуть никак не могли. Это был тот самый край, который когда-то послал обоз с продовольствием в осажденный Ленинград. Я читал об этом в газетах еще до заброски в тыл. Потом партизанский край немцы ликвидировали, а партизан уничтожить не смогли. Они, разбившись на отдельные группы, отошли в глубь вражеской территории, в основном в районы, расположенные к юго-востоку от Пскова, где, петляя среди холмов и перелесков, течет та самая тихая и глубокая Сбóроть, на берегу которой стоит знаменитая пушкинская скамья. Партизан в этих местах скопилось много, близко друг к другу действовали несколько партизанских бригад, численностью несколько сотен человек и больше. Это было удобно, и вновь все шло к тому, что они образуют новый партизанский край, полностью свободный от оккупантов. Но командование распустило иначе. Было решено перебросить часть этих боевых соединений в более северные «непартизанские» районы области. И в эфир полетели приказы Ленинградского штаба партизанского движения, о существовании которого, так же как и о существовании таких больших отрядов народных мстителей, мы и не подозревали: «1. Командиру 2-й партизанской бригады тов. Рачкову и комиссару Орлову вывести бригаду в новый район боевых действий Псков—Гдов, Псков—Луга... 2. Выступить 25.03.43...»¹

И 2-я партизанская начала свой нелегкий 150-километровый путь на север. Вот в какое соединение влился теперь маленький изможденный Полновский отряд. Все мы воспрянули духом, появилось какое-то новое, до сих пор неведомое ощущение уверенности в себе, ведь рядом было столько друзей. На стоянках можно было смело ходить от костра к костру и даже громко смеяться, зная, что

¹ В тылу врага: Сб. документов. Л.: Лениздат, 1983. С. 37.

кругом и вблизи, и на дальних подступах стоят бдительные часовые и вооруженные пулеметами группы прикрытия.

Но мне не суждено было долго находиться в бригаде. Приход такого количества партизан в наши районы не остался незамеченным немцами и, видимо, сильно обеспокоил их. Обеспокоил потому, что «... здесь проходила главная магистраль питания Ленинградского и Новгородского фронтов. Проходил основной набор рабочей силы для оборонительных работ против Ленинградского фронта и был намечен основной пункт (Струги Красные) формирования предательской власовской армии. Ввиду этих основных причин (как это выяснилось из приказов немецких заправил) уже в мае, как только остановилась бригада, против нее была брошена карательная немецкая экспедиция»². Предстояли тяжелые бои, а для этого необходимо было принять самолеты и пополнить боеприпасы. Командир 1-го полка Виктор Обьедков радировал и просил прислать самолеты. Ленинградских партизан обслуживал авиационный полк гражданского воздушного флота, который «... впервые в истории Отечественной войны открыл полеты в тыл противника с посадкой у народных мстителей — партизан»³.

И командование обещало Обьедкову самолеты прислать. Для приема парашютов нужно было приготовить костры в условленном месте, в районе брошенных хуторов, километрах в десяти от места стоянки полка. Там на чистых полях легче увидеть спускающиеся парашюты, найти их и сосредоточить груз в одном месте.

Было раннее утро. Полновцы, ставшие еще одним взводом полка, рядом спали у своего костра. Подошел ординарец и увел Козырева к костру Обьедкова. А вернулся он не один, рядом стояло человек десять разведчиков. «Москвич, — привычным, давно "узаконенным" в отряде именем позвал меня командир, — вставай, дело есть. Надо срочно провести ребят на хутора». К тому времени я уже довольно хорошо знал район, лесные тропы, броды. Ну, а поскольку был в отряде самым молодым, то меня постоянно куда-нибудь посылали. Так произошло и теперь.

К вечеру мы пришли на хутора, до темна успели натаскать хвороста для костров и устроившись в полусгнившем срубе приготовились ждать. Но самолеты не прилетели. Не прилетели они и в следующую ночь. А к вечеру третьего дня с той стороны, где остался полк, услышали шум яростного боя. Бой длился недолго и стих как-то неожиданно. Было ясно, что полк ушел. Больше мы с ним не встретились. Немцы стали почти в каждой деревне, их патрули сновали по всем дорогам, и везде сидели засады. Мы натыкались на них беспрерывно. Израсходовав в мелких стычках все патроны, разведчики приуныли. И вскоре командир объявил, что группа пойдет обратно на юг, откуда недавно пришла бригада и где в деревнях остались их родные, где они хорошо знают местность. «Там действует 3-я бригада, найдем ее и будем воевать», — сказал командир.

² Там же. С. 142, 143.

³ Там же. С. 225, 226.

Только я колебался и не мог решиться на такой вояж, ведь с Полновским районом, с друзьями из отряда, ставшего моей семьей, было столько связано. Хотя то, что ребята рассказывали о 3-й бригаде, впечатляло: «Это две тысячи человек с пушками, минометами, противотанковыми ружьями, есть даже кавалерия. Третья по лесам не ошивается, а живет в деревнях». — «Как в деревнях, а если там — немцы?» — удивлялся я. «А она их вышибает, если мешаются. Немцы, как только услышат про нее, сами подальше драпают. Сидят только в крупных укрепленных гарнизонах и носу никуда не суют. Бригада все время передвигается — сегодня здесь, завтра — уже километров за тридцать, в другом месте».

Но больше всего меня поразило, что в 3-й бригаде всех раненых отправляют за линию фронта, в наш тыл: «Да, если есть раненые, то, бой-не бой, ночью принимают "кукурузники" на посадку и вывозят раненых в Валдай». Такого я себе и представить не мог. Ведь все без исключения партизаны больше всего боялись не смерти, а ранения, после которого ты становился обузой для других и наступал момент, когда должен был умереть в муках где-нибудь в болотах. Тебя могли пристрелить свои же, но хуже всего, если ты попадал в плен и предстояли пытки и смерть на виселице.

«И патронов всегда вдоволь, их и "кукурузники" привозят, и с транспортных двухмоторных сбрасывают, — продолжали рассказывать ребята. — А кормежка какая, во! Сколько надо продовольствия, столько и отбивают в волостях и у немцев». Да, все это просто потрясло и становилось понятным, почему ребята так стремились в 3-ю бригаду. «А командует бригадой — Герман, немец, и всего ему 26 лет». — «Как немец, перешел на нашу сторону, что ли?» — «Нет, — говорят, — из Поволжья».

И, как позже я убедился, все, что мои новые друзья рассказывали о 3-й бригаде, было правильно, кроме того, что Герман — немец. Личность комбрига 3-й бригады, коренного ленинградца, уже тогда становилась легендарной и, как это часто бывает в рассказах о таких людях, обростала вымыслом. Но даже и такие рассказы не могли изменить моего решения не уходить из Полновского района. Мне казалось, что это было близко к дезертирству. Однако я почувствовал, что мой уход из группы для остальных будет крайне нежелательным. Неписанные законы войны (и беззакония) просты и суровы, меня могли просто не выпустить. Поэтому, как и положено по воинскому уставу, подчинившись последнему приказу я пошел вместе со всеми.

Путь в 3-ю бригаду. Наш поход продолжался недели три и был тяжелым. В одном из столкновений с немцами нашу группу разогнали. Мы остались впятером без карт, и командиром избрали меня. Опять мы наткнулись на засады и едва уносили ноги. Иногда обнаруживали сидевших в засаде немцев даже по запаху сигарет. За год житья в лесу обоняние настолько отвыкло от этих «культурных» запахов, что я мог «слышать» их за сотни метров. Два раза попадали под цепи прочесывания и только каким-то чудом от

них уходили. Однажды преследовавшая цепь выгнала нас на чистую луговину. Казалось, спасенья нет, тем более что по другую сторону ее тоже двигалась вереница немцев. Бросившись ползком вперед, мы залегли в маленькой и низкой куртине бурьяна, росшего на открытом месте. Цепь вышла из лесу, немцы недоуменно галдели, видимо, соображая, куда мы могли деться. Счастье, что никто из них не захотел проверить так близко расположенную полоску травы. В другой раз мы остановились на ночлег в сенном сарае, а на рассвете к нему подошла группа немцев и, шумно гогоча, долго сидела у стены.

Наконец, пройдя леса и болота, ручьи и реки, перейдя два шоссе и две усиленно охраняемые железные дороги на участках Псков—Луга и Псков—Порхов, мы пришли в те районы, откуда были родом мои спутники и где мы рассчитывали найти 3-ю бригаду. Здесь карательная экспедиция не действовала, и мы ощутили некоторое облегчение. Кажется, на вторую ночь решили зайти в деревню подразведать, да и перехватить поесть. И деревня эта, к моему великому удовольствию и удивлению, называлась Москва. Да, есть такая деревенька на Псковщине. Старостой оказался невысокий, крепкий, веселого нрава мужичишка с окладистой бородой. Принял радушно, хорошо накормил. В его разговоре и действиях чувствовались какая-то уверенность и спокойствие, никогда не наблюдавшиеся в таких ситуациях там, на севере, откуда мы пришли. Неожиданно он предложил: «А что, ребята, не помоетесь ли в баньке, как раз натоплена?» Мы замаялись, уж очень необычным было предложение и сама затея. Я вспомнил, что последний раз по-настоящему горячей водой мылся в Москве-столице более года назад, и с тех пор никогда и в голову не приходило, что можно где-то раздеться догола, выпустив из рук оружие, и спокойно размываться. Видимо, почувствовав наше сомнение, староста добавил: «Да вы не бойтесь, я сам с вами пойду, сам всех перепарю, а жена и дочь покараулят». Мы не устояли, и этого мытья я не забуду никогда. Во-первых, уж очень велик был перерыв, во-вторых, я впервые в жизни мылся в деревенской рубленой баньке «по-черному», с веничком и со щелоком вместо мыла. И наконец, не где-нибудь, а в Москве. Теперь принято считать, что все деревенские старосты при немцах были предателями. Не знаю, как в других местах, но там, где воевал я, было, скорей, наоборот. Потому что старост часто избирал сам народ на деревенских сходах. Вот и выбирали мужиков, что понадежнее. Другое дело — волостные старшины и полицейские. Эти были заядлые антисоветчики и подбирались в основном из бывших кулаков и уголовников.

Мы уходили ночью. С холмов Судомской возвышенности было видно, как вдали в разных местах в воздух взлетали осветительные ракеты. Это нервничали немцы в гарнизонах. На горизонте пылало зарево пожара. «Горит Доброе Поле», — с уверенностью сказал провожавший нас староста. Позже мы узнали, что он был

прав. А горела эта деревня потому, что там дралась 3-я бригада. Туда мы и направили наш путь.

«Монголы» Германа. Мы еще некоторое время болтались в поисках бригады, и наконец встреча состоялась. Как-то после ночного захода в деревню уже на рассвете мы сидели за околицей. С бугра окрестность просматривалась хорошо. Местность в тех местах холмистая и почти безлесная. Деревеньки расположены на холмах, иногда в нескольких сотнях метров одна от другой и разделены лощинами, поросшими кустарником. С нашего места были видны дома сразу нескольких деревень. Мы уже собирались тронуться в путь, как внимание привлекло какое-то движение вдоль дороги, ведущей к деревне, раскинувшейся на пригорке в километре от нас. Посмотрели в бинокль. По дороге к деревне быстро приближались несколько всадников. Они проскочили деревню и уже пылили по дороге дальше. Затем у деревни возникла новая группа конников, затем еще, а дальше из кустарников выползла длинная лента пеших вооруженных людей и двинулась к деревне. Направив бинокль на другие доступные деревушки вблизи и далее, мы увидели ту же картину — везде гарцевали группы всадников, в деревни втягивались колонны пехоты, повозки, и они шли еще дальше к другим деревням, выдвигаясь на горизонте.

Мы невольно вскочили и, как зачарованные, смотрели на надвигающуюся армаду. «Это — третья!» — закричал кто-то радостно. Предчувствие нас не обмануло. Это действительно шла 3-я бригада. После очередного ночного марша она занимала деревню, где предстояло дислоцироваться.

Мы совершенно забыли, что сами стоим у одной из таких деревенок и что здесь также вот-вот могут появиться ее подразделения. Они появились. Правда, не с той стороны, куда мы смотрели. Сначала мы услышали в деревне, откуда недавно вышли, какие-то возгласы, затем из-за крайних построек выскочил один всадник, за ним другой, третий, и вот уже прямо на нас по дороге, спускавшейся в лощину, неслась, как казалось, целая конная лавина. Съехав с дороги по обе стороны от нее, всадники разворачивались широким веером, охватывая нас с флангов. Шли крупной рысью, с автоматами наизготовку, туго подтянув поводья и привстав на стременах, как и положено при спуске по склону.

Группа была очень живописной. На невысоких коренастых и лохматеньких псковских, похожих на монгольских, лошадках, с притороченными сумами, мешками, одетые во что попало, всадники производили впечатление древних кочевников, у которых только вместо копий и луков в руках были автоматы. Видя, что всадники настроены серьезно, мы вскочили, замахали руками, закричали, чтобы предупредить возможный инцидент. Строй приближался, хотя автоматы уже были опущены. Крайние на всякий случай старались зайти с боков нам в тыл. По мере их приближения все ясней ощущались глухой топот, дрожание земли, фыркание коней и резкий шелест травы.

Раньше скачущую кавалерию я видел только в кино. И все

звуки были другие — раскидистое «ура», да пальба и взрывы, да еще ржание раненых коней. А если показывали стук копыт, то это всегда было что-то вроде цокота подков по булыжной мостовой или каменистой дороге. И никогда никто в фильмах не воспроизвел этого глухого дрожания земли и шваркающего шелеста кошенных трав о ноги коней. Я невольно вспомнил слова из песни времен гражданской войны: «И будет белым помниться, как травы шелестят, когда несется конница рабочих и крестьян». Вышло, что это была не просто рифма. Наверное, поэт, сочинивший эти стихи, был из тех, кто такие звуки слышал сам.

Мурашки пробегали по спине от мощи этого зрелища и звуков, и это, невзирая на то что мы знали, что приближаются свои, а не враги, которые нас сомнут, расстреляют и изрубят. Прошли десятки лет, но этих звуков я не забыл. «Монголы, стой!» — вдруг раздалась команда, и всадники резко замедлили движение.

«Монголы, вот это да?!» Я только что подумал, как они похожи на монгольскую конницу, и вдруг они сами себя зовут монголами. Позже я узнал, что, видимо, тоже под впечатлением вида этой партизанской кавалерии комбриг Герман как-то в шутку назвал их монголами. Сначала это было сказано в адрес бригадных разведчиков, потом перешло на всех конников полковых и отрядных разведок — все они по виду были одинаковыми. Это название так укрепилось, что разведчиков иначе и не называли: «Привет, монголы... Вперед, монголы... Монголы, на вас вся надежда...» Конечно, в этом названии никто не усматривал какого-то национального признака. Монгол — это дерзкий, стремительный всадник, беззаветно храбрый, способный на головокружительные подвиги, не знающий поражений.

«Кто такие?» — строго спросил командир окружавшей нас группы — чернявый парень лет двадцати. Впрочем, как я заметил, все остальные «монголы» были еще моложе. Я хотел было ответить, кто мы и откуда, как вдруг мой Васька закричал: «Саня, ты что, своих не признаешь?» Оказывается, встретились не то односельчане, не то даже родственники. Все стало ясно, формальности были закончены.

Конники — человек пятнадцать — были разведчиками 4-го полка бригады и шли впереди подходившей колонны. Им предстояло еще дальний путь по окрестным деревням. Саня скомандовал всем продолжать движение по заданным маршрутам, а сам решил вернуться и отвести нас в штаб полка.

Идет 3-я Ленинградская. Чтобы попасть в деревню, где расквартировался штаб, надо было идти в глубь расположения бригады. Мы шли вдоль обочины дороги, а нам навстречу непрерывным потоком двигались партизанские подразделения. Конечно, после ночного перехода бойцы были усталые, но, невзирая на это, я заметил у них какой-то задорный дух. Это не были загнанные, запуганные люди, только и мечтающие, как бы спрятаться и выжить. Наоборот, в них и походка, и взгляд, все неуловимые мелочи говорили о сознании своей силы. А когда они видели, что

навстречу им идут какие-то новички, то в их облике, осанке явно просвечивало сознание гордости — да, мы бойцы 3-й бригады. А мы с восхищением смотрели на них. И это их чувство не было зазнайством, бригада действительно была мощным ударным соединением, это было видно даже по вооружению. Я было просто потрясен, когда увидел то количество пулеметов, которое везли на повозках и несли бойцы. Как я прикинул, в некоторых группах на каждые 10—12 бойцов приходилось по пулемету. А сколько было с автоматами! Такой насыщенности автоматическим оружием не было даже в армии, ни в нашей, ни в немецкой. Пулеметы были самых разных марок: «максимы», какие-то на высоких треногах — не то станковые, не то ручные, с магазинами-рожками, обращенными вверх, немецкие марки «шкода» (мы их так называли, до сих пор не знаю, верно ли), но, конечно, больше всего наших «дегтярей». На повозках везли минометы и сложные, как жерди, ПТР. Обоз был сравнительно небольшой, кроме тяжелого оружия, на повозках в основном лежали цинковые коробки с патронами и зарядные ящики. Раненых я вообще не увидел.

Свое восхищение вооружением мы, не стесняясь, высказывали вслух. А Саня, довольный, сказал: «А вы что думаете, на том и стоим. Если надо, выставляем пулеметиков с десятком гденыбудь на бугорке, никто и носу не сунет». Да, при такой огневой мощи можно было жить в деревнях и защитить, и спасти всех раненых.

Среди бойцов 4-го полка я заметил многих в немецкой форме. Оказалось, что это были бывшие власовцы или в большинстве своем солдаты из создававшихся немцами так называемых национальных легионов. И если там, на севере, были расквартированы украинцы, то здесь в основном — армяне. Начиная с весны 43-го вся эта публика, служившая у немцев, начала убежать из своих гарнизонов и переходить к партизанам. В 4-м полку из них был сформирован даже целый отряд. Командовать им поставили тоже армянина, бывшего командира Красной Армии, потом командира в легионе у немцев — Сагумяна. Он привел в бригаду сразу 30 своих земляков вместе с оружием. Но все это началось только после Сталинграда и других побед нашей армии 43-го года, когда стало ясно, на чьей улице праздник. Я не берусь осуждать этих людей за то, что они попали в плен, и даже за то, что вступили в немецкие формирования, причины для этого были разные. Но нет им оправдания за то, что они не расстались со своими немецкими хозяевами немного раньше, как только окрепли и получили оружие. Значит, ждали, кто победит, а была бы победа за немцами, они так бы и продолжали им служить и уничтожать партизан. Уже после войны я слышал, что Сагумян у себя в Армении ходил в «героях», кичился своими заслугами. Ну а для меня, да и для всех партизан, кто воевал с досталинградских времен, такие, как он, и до сих пор остаются предателями и потенциальными врагами.

Прежде чем попасть в штаб полка, мы прошли деревню, где остановился один из отрядов. Людей почти не было видно. Они

уже спали по избам, сеновалам, а то и прямо на улице вдоль завалинок, разувшись, подстелив клок сена или телогрейку, обняв оружие. Только за околицами на возвышениях везде копошились посты, откапывая пулеметные гнезда. Причем оборона делалась круговая, чувствовалось, что бригадой руководят грамотные командиры. А по дорогам продолжали скакать небольшие группы и одиночные всадники. Это были связные и разведчики, направлявшиеся в те районы, где бригада могла оказаться завтра, через пять дней или еще позже.

Таким казалось внешнее лицо 3-й бригады. Ну, а ее боевые дела были еще более впечатляющими. Она вела не только оборонительные бои, но сама искала встреч с противником, громила его и на коммуникациях, и даже в укрепленных гарнизонах. Достаточно привести в качестве примера лишь один двухдневный период в действиях бригады — 31 октября — 1 ноября 1943 г.

1. «...1-й полк 3-й ЛПБ⁴ численностью 700 человек... на участке разъезд Кебь—Киселево взорвал 3030 рельсов... 6 железнодорожных мостов... Разгромлен гарнизон противника в районе Карамышево... На станции уничтожен эшелон... Взорван склад с горючим...

2. 2-й полк 3-й ЛПБ численностью 650 человек на участке разъезд Симоцево—н. п. Печково протяженностью 10 км взорвал 2957 рельсов... на станции Симоцево уничтожен 1 паровоз... На шоссейной дороге Порхов—Остров взорвано 5 шоссейных мостов. Разгромлены гарнизоны противника в н. п. Печково, совхозе Заольша...

3. 4-й полк 3-й ЛПБ численностью 600 человек под командованием т. Ефимова на участке н. п. Киселево—разъезд Уза протяженностью 20 км взорвал 2077 рельсов, 5 железнодорожных мостов... Сожжен разъезд Вешки, разбит гарнизон противника в н. п. Киселево... На шоссейных дорогах... взорвано 5 мостов»⁵.

Это были результаты знаменитого «Приказа Центрального штаба партизанского движения о «рельсовой войне» на коммуникациях противника» от 14 июля 1943 г. Поначалу я думал, что «рельсовая» — это значит что-то общее, все боевые действия на железнодорожных коммуникациях противника. Даже и сейчас многие считают, что это так. На самом деле термин куда более конкретен:

«...Огромный размах партизанского движения позволяет... наносить массированные... удары по железным дорогам с целью их полной дезорганизации и срыва операций врага на фронтах. Такой удар партизанами должен быть нанесен врагу «рельсовой войной», т. е. массовым повсеместным уничтожением рельсов. Враг уже сейчас испытывает недостаток рельсов. Запасные рельсы и многие рельсы стационарных путей и второстепенных линий израсходованы на восстановление взрываемых партизанами путей... В этих условиях массовый вывод партизанами рельсов, путем перебивания пополам, приведет врага к невосполнимым потерям и поставит в положение, граничащее с катастрофой.

Приказываю:

1. Партизанским соединениям и отрядам... одновременно с другими диверсиями проводить систематическое и повсеместное разрушение рельсов на железных дорогах врага путем перебивания рельсов пополам.

2. Перебивание рельсов производить на основных магистралях, запасных, подъездных, вспомогательных, деповских путях, уничтожать запасные рельсы...

⁴ Ленинградская партизанская бригада.

⁵ В тылу врага. С. 233, 234.

5. Вести учет количества перебитых рельсов каждым партизаном, отрядом и бригадой...

6. Центральный штаб партизанского движения предупреждает партизан и партизанский командный и политический состав отрядов и бригад, что операция эта имеет исключительное значение, может сорвать все замыслы врага, поставить его в катастрофическое положение, и призывает действовать непрерывно и беспощадно, уничтожать рельсы врага...

Эти действия и их результат составляют историческую заслугу партизанского движения перед Родиной...

Начальник Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования генерал-лейтенант П. Пономаренко. 14 июля 1943 г.»⁶

Справедливости ради надо отметить, что этот приказ был сделан событиям вдогонку, по донесениям партизан, уже давно подметившим, что немцы при восстановлении магистралей по крохам собирают рельсы со всех, даже самых незначительных путей. Подрывники мне не раз рассказывали подробности таких операций: «На "железку" третья выходит сразу всеми отрядами на участке в несколько километров. Занимают станции, разъезды и все, что есть на участке. Шашки закладывают под каждый рельс. Как дадут команду поджигать, так гремит несколько минут и светло, как днем. Потом разбросают шпалы, лопатами, палками, чем попало разнесут насыпь, сделают завалы, заминировуют подходы и — будь здоров. И все это называется — «дать концерт». После таких «конcertов» немцы восстанавливают дорогу по несколько дней».

О действиях партизан в годы Великой Отечественной написано немало, но, к сожалению, о славных делах партизан Ленинградской области и Псковщины известно недостаточно. А ведь это 13 бригад, которые не сидели в глухих лесах, обрастая семьями и хозяйством, как это было в некоторых других местах, а все были рейдовыми, сами искали встречи с противником и громили его, не давая покоя везде и всюду. И больше всего среди ленинградских партизанских бригад добрых слов заслуживает героическая третья им. А. В. Германа бригада, шутка ли, за два дня наступательных боев — более восьми тысяч рельсов, десятки мостов, несколько гарнизонов, в том числе районный центр и многое другое.

Возможно, причиной такого забвения послужило известное «ленинградское дело», одно из последних преступлений Сталина и его подручных, когда были уничтожены герои обороны славного города, в том числе и секретарь обкома партии, начальник Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитин. Наши собственные каратели постарались изгладить из памяти народа и славные дела ленинградских партизан, варварски уничтожили даже знаменитый музей обороны Ленинграда, молва о котором дошла и до западных столиц. Мне посчастливилось побывать в этом музее еще до его разгрома. Там была экспозиция, посвященная народным мстителям и конкретно 3-й бригаде, в том числе личные вещи комбрига Германа. Были также экспонаты из Полновского района. Запомнился даже какой-то документ, где пунк-

⁶ Там же. С. 129, 130.

Знак отличия партизана
3-й Ленинградской
им. А. В. Германа бригады.
Знак отличия партизана
Ленинградской области.

туальные немцы вели учет продовольствия, изъятого у них полновскими партизанами. На нем стояла подпись майора Беккера — команданта района. Того самого, который посылал немцев, полицаев и других карателей на засады и облавы и которого полновцы так жаждали когда-нибудь поймать и повесить. К счастью, сейчас прилагаются усилия для воссоздания уникального музея. Но кто вернет утраченные подлинники экспонаты, например планшетку и маузер Германа, а также его пробитую пулей фуражку.

Но вернусь к знакомству с 3-й бригадой. Саня был

командиром полковой разведки самого молодого в бригаде и еще не полностью сформированного 4-го полка. Перекинувшись с моим Василием своими сельскими и родственными новостями, он сказал: «Ну, кто хочет в полковую разведку? Насильно не гоню, а кто добровольно — пожалуйста». Я удивился такому поспешному приглашению. А позднее узнал, что в разведчики шли неохотно. Ведь это было очень хлопотно и опасно. Чуть ли не каждый день и ночь уезжать из расположения бригады за 20—30 км и самим лезть, что называется «к немцам в зубы». Ведь если там ранят, то не прилетит за тобой самолет и не отвезет тебя на Большую землю в госпиталь. Скорее всего, ты попадешь в лапы к немцам, а уж они поизмываются.

Я был на коне! Не знаю почему, наверное, это свойство характера, но я согласился сразу и даже с большой радостью и только думал, как бы Саня, узнав мои «конные способности», не дал задний ход. А способности эти были нулевые. Исконно городской житель, я не только не ездил на лошадях, но никогда и не подходил к ним без опаски близко. Мы дошли до штаба. В полку нас представили его командиру Григорию Ивановичу Ефимову. Несколько вопросов, и мы стали полноправными бойцами 3-й бригады. Не помню, сказал ли я, что был радистом, но помню, что всегда боялся, как бы меня не посадили в штабе нудно стучать на ключе. Хотелось вольной птицей гордо скакать на коне, стать таким же «монголом», как те ребята, что захватили нас «в плен», которые на любом аллюре, но с виду небрежно, в полоборота и слегка скособочившись (как ездят истинные сыны

степей) сидели на коне и, держа поводья в одной руке и автомат в другой, мчались навстречу опасности.

Но до этой кавалерийской, я бы даже сказал, азиатской наезднической непринужденности было ой как далеко. Но зато учеба была интенсивной. В тот же день меня включили в одну из команд — так в бригаде назывались основные группы конных разведчиков, состоявшие из трех человек, а на следующий день я уже поехал в разведку. Мой новый командир Борька подвел мне коня, рыжего, какого-то понурого и с огромной, с ладонь гноящейся язвой на холке. Прямо на нее накинули кусок телогрейки, положили седло и подтянули подпругу. По бокам свисали две веревочные петли, заменявшие стремяна. «Лучшего пока нет, поездишь на этом», — сказал командир. Разведчики ездили хоть на самодельных, но все же седлах. Ну, а мне предстояло сидеть на голой спине моего Россинанта. Садиться на коня я не умел, даже не знал, за что браться. Поэтому я подвел его к завалинке, одной рукой взялся за гриву, другую положил на спину, подпрыгнул и, казалось бы, уже взгромоздился, но не сдерживаемый поводьями конь в этот момент пошел — так поступают многие лошади, а я, не удержавшись, грохнулся на спину. Нога моя, схваченная веревкой стремяни, торчала вверх, а конь, косясь, пятился боком в сторону, волоча меня по земле. Наконец, с помощью ребят я уселся и, не дыша, то и дело кренясь в стороны, на такой зыбкой, подвижной спине животного рысцой затрусил вслед за моими новыми товарищами. Мне сказали, что надо в такт шагам лошади облегчаться, т. е. упираться, привставать на стремянах. Но и это у меня не получалось, я подскакивал на каждом шагу и каждый раз ударялся об острый хребет коняги. Мой новый ППШ, висевший за спиной через плечо (мне в этот момент было не до него), в такт подпрыгивал и тяжелым диском бил в спину.

Разведка кончилась неудачей, хотя и была недалней. Мы уже возвращались. Спокойно и открыто ехали по пустынному большаку. До деревни, где стояли наши заслоны, оставалось километра два, и в это время где-то в стороне застрекотал «костыль». Мы едва успели насторожиться, как самолет вынырнул из-за леса и, заметив нас, стал разворачиваться. Оба мои спутника на галопе умчались в лес, а я едва успел съехать с дороги, как самолет, резко снизившись, уже догнал меня. Оба летчика, повернув головы, смотрели в мою сторону, и задний уже положил руки на пулемет. Я успел добраться до стоявшего вблизи дороги сеного сарая, как землю вспорол первая пулеметная очередь. Я рассчитывал спрятаться за сараем, прикрываясь им, ездить вокруг, пока самолет не улетит. Но не тут-то было. Простая деревенская коняга никак не хотела прижиться к стенам. Ее этому никогда не учили, она даже не понимала, чего я от нее хочу, и шарахалась в сторону всякий раз, как я заставлял ее подвинуться ближе к стене. В результате я все время был виден летчикам и пули градом сыпались сверху. И одна очередь нас накрыла. Наверное,

пули попали и в шею рыжего, и куда-то в зад. Он неестественно нырнул головой вниз, упал на колени и завалился на бок. Наученный горьким опытом, я успел выдернуть ноги из стремян, а потом опрометью бросился в сарай. Он был пуст, и в щели можно было видеть самолет. Он дал еще пару очередей, а затем улетел.

На обратном пути я сидел за спиной у Борьки, а когда, вернувшись в полк, попытался слезть, то не смог, ноги не держали. С внутренней стороны ног кожа была стерта до крови, а на спине от ударов автомата образовался большой кровоподтек.

С этого дня и до освобождения Псковщины я воевал в 3-й бригаде и своей новой специальностью разведчика не изменял. Научился ездить верхом на деревенских лошадках и немецких трофейных дылдах, на полуподвижных одрах и молодых норовистых и брыкучих кобылках, сменил десятки лошадей. Верхом «исколесил» значительную часть Псковщины, в седле часто ел, а то и спал и даже во сне падал с лошади. В разведку ездил почти каждый день, а то и по два раза. Всегда испытывал чувство тревоги, когда покидал бригаду, знал, что за последним постом ждет неизвестность. Со своими ребятами подбирался к гарнизонам, шоссеикам и, содрогаясь от тяжелых ударов собственного сердца, наблюдал врага. По заданию командования фронта, а может быть, еще выше вел разведку сооружавшейся немцами линии обороны «Пантера» по р. Великой. Ездил в отдаленные непартизанские районы на ликвидацию предателей. И каждый раз с огромной радостью возвращался в бригаду, как в родной дом, в свою неприступную крепость. А при передислокации ночами вместе со всеми разведчиками вел колонну, все время гоняя взад-вперед вдоль нее, чтобы не допустить разрыва, подбадривая, часто не очень вежливо, засыпающих на ходу и падающих незаметно для себя бойцов. Да мало ли еще «веселых» дел поручали разведчикам. И все это потому, что всегда помогал четвероногий добрый, все терпящий друг.

Сначала был рядовым, потом командиром команды, некоторое время — заместителем командира отряда по разведке и закончил войну в должности командира взвода разведки 4-го полка, сменив на этом посту чернявого Саню, когда он однажды не вернулся из разведки. В моем подчинении было человек 20 отчаянных ребят в возрасте 17—19 лет.

«Внимание: Герман!» Комбрига Германа видел всего два раза. Первый раз мельком где-то в середине августа, когда привозил разведанные в штаб бригады, а второй — в ночь с пятого на шестое сентября, в момент его гибели.

Личность партизанского комбрига Александра Викторовича Германа была овееана ореолом славы еще при жизни. Его имя встречается во многих документах врага. «Партизанен номер один» — так называли Германа коменданты гарнизонов и командиры карателей в своих донесениях командованию. Фашисты сулили награды за поимку партизанского комбрига. А на перекрестках дорог в районах действия германовцев стояли столбы

с надписью на немецком языке: «Ахтунг: Герман!» Проезжая мимо них, мы непременно и с удовольствием приписывали что-нибудь «приятное» для немцев по-русски.

После войны его именем были названы улицы в Ленинграде, Пскове, Новгороде и других городах и населенных пунктах, совхозы, школы, пионерские дружины. На месте гибели А. В. Германа в Новоржевском районе на Псковщине воздвигнут обелиск.

Чем дальше отодвигаются военные годы, тем все более незаурядной представляется фигура этого военачальника и человека. Ему было всего 27 лет, когда он возглавил крупное партизанское соединение и сделал его подлинной грозой оккупантов.

Герман отказался от традиционной для партизан «лесной жизни», смело вышел в небогатые лесами, но холмистые просторы Юго-Восточной Псковщины. Размещая отряды в деревнях вокруг штаба бригады, при большом насыщении подразделений пулеметами, он получал возможность в обороне сдерживать значительные силы противника. Но это могло быть реальным только при наличии достаточного количества боеприпасов. И они у бригады были. Поскольку отряды занимали всегда большую территорию, то, по мере надобности, могли принимать парашюты с боеприпасами с транспортных самолетов и, что еще важнее, одномоторные на посадку. Безопасность посадочной площадки обеспечивалась даже тогда, когда партизаны находились в полном окружении и вели бои. Самолеты не только привозили боеприпасы, главное, они увозили раненых. Это позволяло бригаде не иметь больших обозов, быть подвижной, маневренной и боевой.

В конце августа 43-го немцы усилили гарнизоны в районе действия бригады, а затем вблизи в деревнях появились воинские части, снятые с фронта, и в том числе части СС. Эти действия производились во исполнение приказа командующего группой фашистских армий «Север» генерал-полковника Кюхлера об уничтожении ведущей бригады партизан в зоне его фронта. В начале сентября противник кое-где стал в деревнях, находящихся непосредственно против наших передовых постов. Над расположением бригады участились полеты «костылей» и «рам». С самолетов немцы бросали листовки. Мы их читали. Среди прочего там говорилось, что бригада окружена и против нее действует 6000

Александр Викторович Герман —
командир 3-й Ленинградской
партизанской бригады,
Герой Советского Союза

регулярных немецких войск, что мы на сей раз будем разбиты и, конечно, как всегда, для тех, кто хочет жить, эта листовка является пропуском для сдачи в плен.

Я не знаю, как реагировало на это обращение командование, но на нас, молодежь, оно практически никакого впечатления не произвело — только любопытство: «А что там пишут фрицы?» И численность войск 6000 никак и никого не волновала. Не казалось нам, что эти 6000 смогут нас разгромить, ведь они были собраны не в едином кулаке, а растянуты вокруг всей бригады. Вот если б, к примеру, 26 000, может быть, и призадумались бы, а так — без внимания — отмахнемся. Эти настроения были вполне в духе 3-й бригады, не раз уже доказывавшей свои бойцовские качества и с честью выходявшей из труднейших ситуаций. К тому же, и это не фраза, все твердо верили в гений своего комбрига.

Против расположения нашего полка особого сосредоточения немцев не ощущалось. Мы по-прежнему ежедневно посылали команды разведчиков и в ближние, и в дальние маршруты своего сектора. Все они благополучно возвращались. Несколько раз ездил в разведку в эти дни и я. Стрельба слышалась на участках других полков, но нельзя сказать, чтобы сильная. Издали казалось, что это не были настоящие бои, а скорей, перестрелка постов. Вечерами было видно, как взлетали осветительные ракеты и со стороны немцев летели трассы пуль. Немецкие пулеметчики на массивных «шкодах», играючи, как на барабанах, отбивали такт: ду, ду, ду ...ду, ду; ду, ду, ду ...ду, ду... Это было не просто, и мог далеко не каждый. Бригаде действительно противостояли опытные фронтовые части. Наши легонькие подразболтанные «дегтяри» отвечали им попроще и совсем другим голосом: тах, тах, тах... Казалось, немцы выжидали. Видимо, выжидало и наше командование. Если не ошибаюсь, с момента объявления немцами, что бригада окружена, мы спокойно простояли еще дня три-четыре и, я думаю, могли продолжать это делать еще дольше.

Днем 5 сентября мы узнали о предстоящей передислокации бригады. Отряды подготовились и ждали наступления темноты. Меня вызвали в штаб полка. Там было все наше начальство. «Осипов, ты со своей командой назначаешься связным и на время перехода поступаешь в распоряжение штаба бригады, будешь осуществлять связь и полком. Держи ухо остро, не подкачай», — так напутствовал меня заместитель комполка по разведке Снежков. Неохотно я покидал свой полк, своих ребят, но тем не менее минут через пятнадцать втроем мы уже трусили в расположение штаба бригады.

Командование приняло решение идти через д. Житница. Кажется, это было примерно в той стороне, откуда велся обстрел наших позиций, хотя, как говорили, непосредственно в деревне противника нет. Первым на прорыв должен был идти полк, которым командовал Д. Худяков, Худяков-полк, как было принято говорить в бригаде. Мой, четвертый, шел в этом бою вторым. Не берусь судить, почему командование бригады избрало именно

этот путь. Оно, разумеется, было осведомлено лучше, чем рядовые бойцы или младшие командиры. Но уже через пару часов я сказал бригадным разведчикам, с которыми ехал рядом: «И зачем пошли на Житницу и прямо в лоб, лучше бы уходить с нашей стороны, там по лощинам мы бы провели полки без единого выстрела».

Но, наверное, комбриг и его штаб рассматривали и этот вариант. Не исключено, что немцы только и хотели, чтобы мы ушли в «свободный» бок, и это была ловушка. А может быть, и здесь проявился характер Германа, неизменным правилом, девизом которого было не только ускользать, а громить и уничтожать противника: «Искать! Преследовать! Истреблять!» — иначе Герман не был бы Германом, а 3-я бригада не была бы грозой оккупантов.

Со штабными подразделениями мы медленно продвигались по заболоченной, поросшей редким кустарником низине, когда впереди вспыхнул бой — бой в Житнице, которую немцы заняли, видимо, сразу, как только бригада вышла в этом направлении. Может быть, здесь тоже была хитрость врага — показать, что деревня свободна, а самим скрытно занять позиции, недаром немцы успели подтянуть и правильно расставить, развернуть даже артиллерию. Началось сразу с настоящего шквала огня. Небо осветило зарево, деревня загорелась. Слышались разрывы не то снарядов, не то гранат, а пулеметная и автоматная трескотня слилась в единый гул. Худяков-полк пошел на приступ. После я узнал, что его бойцам было дано задание сразу подавить огневые точки противника, не давать им стрелять. А это значило — идти развернувшись, в полный рост и стрелять, стрелять без конца, не давая немцам поднять головы.

Однако немцы огрызались. Их пулеметы стояли в укрытиях и были не так уж уязвимы. Трассы пуль долетали и до нас — красные огоньки проскакивали рядом и чавкая взрывали болотистую почву. Все нервничали, переживая задержку движения. Мы несли неоправданные потери.

Полк Худякова с честью выполнил поставленную задачу. Немцев смяли и отшвырнули на край деревни, и все отряды полка вышли из окружения. А дальше, я думаю, сказались то, что подразделения подходили к месту боя не сразу компактным кулаком, а растянутой колонной, вступая в бой по очереди. И как ни старались командиры, все-таки каждый отряд, прежде чем броситься в атаку, на какое-то время останавливался, надо было сосредоточиться, настроиться на штурм, может быть, на смерть... Так случилось и с идущим следом 4-м полком. Как только на окраине горящей Житницы показались его бойцы, немцы ударили из пулеметов сбоку и отряды на некоторое время остановились. И так продолжалось несколько раз — очередная группа партизан подходила, врвалась в горящую деревню, а немцы хладнокровно били из пулеметов.

Теперь, спустя много лет, разумеется, легче анализировать. И кажется мне, что главной ошибкой было то, что так успешно прорывавшиеся отряды, сделав это, сразу уходили дальше, хотя

регулярных немецких войск, что мы на сей раз будем разбиты и, конечно, как всегда, для тех, кто хочет жить, эта листовка является пропуском для сдачи в плен.

Я не знаю, как реагировало на это обращение командование, но на нас, молодежь, оно практически никакого впечатления не произвело — только любопытство: «А что там пишут фрицы?» И численность войск 6000 никак и никого не волновала. Не казалось нам, что эти 6000 смогут нас разгромить, ведь они были собраны не в едином кулаке, а растянуты вокруг всей бригады. Вот если б, к примеру, 26 000, может быть, и призадумались бы, а так — без внимания — отмахнемся. Эти настроения были вполне в духе 3-й бригады, не раз уже доказывавшей свои бойцовские качества и с честью выходявшей из труднейших ситуаций. К тому же, и это не фраза, все твердо верили в гений своего комбрига.

Против расположения нашего полка особого сосредоточения немцев не ощущалось. Мы по-прежнему ежедневно посылали команды разведчиков и в ближние, и в дальние маршруты своего сектора. Все они благополучно возвращались. Несколько раз ездил в разведку в эти дни и я. Стрельба слышалась на участках других полков, но нельзя сказать, чтобы сильная. Издали казалось, что это не были настоящие бои, а скорей, перестрелка постов. Вечерами было видно, как взлетали осветительные ракеты и со стороны немцев летели трассы пуль. Немецкие пулеметчики на массивных «шкодах», играючи, как на барабане, отбивали такт: ду, ду, ду ...ду, ду; ду, ду, ду ...ду, ду... Это было не просто, и мог далеко не каждый. Бригаде действительно противостояли опытные фронтовые части. Наши легонькие подразболтанные «дегтяри» отвечали им попроще и совсем другим голосом: тах, тах, тах... Казалось, немцы выжидали. Видимо, выжидало и наше командование. Если не ошибаюсь, с момента объявления немцами, что бригада окружена, мы спокойно простояли еще дня три-четыре и, я думаю, могли продолжать это делать еще дольше.

Днем 5 сентября мы узнали о предстоящей передислокации бригады. Отряды подготовились и ждали наступления темноты. Меня вызвали в штаб полка. Там было все наше начальство. «Осипов, ты со своей командой назначаешься связным и на время перехода поступаешь в распоряжение штаба бригады, будешь осуществлять связь и полком. Держи ухо остро, не подкачай», — так напутствовал меня заместитель комполка по разведке Снежков. Неохотно я покидал свой полк, своих ребят, но тем не менее минут через пятнадцать втроем мы уже трусили в расположение штаба бригады.

Командование приняло решение идти через д. Житница. Кажется, это было примерно в той стороне, откуда велся обстрел наших позиций, хотя, как говорили, непосредственно в деревне противника нет. Первым на прорыв должен был идти полк, которым командовал Д. Худяков, Худяков-полк, как было принято говорить в бригаде. Мой, четвертый, шел в этом бою вторым. Не берусь судить, почему командование бригады избрало именно

этот путь. Оно, разумеется, было осведомлено лучше, чем рядовые бойцы или младшие командиры. Но уже через пару часов я сказал бригадным разведчикам, с которыми ехал рядом: «И зачем пошли на Житницу и прямо в лоб, лучше бы уходить с нашей стороны, там по лошинам мы бы провели полки без единого выстрела».

Но, наверное, комбриг и его штаб рассматривали и этот вариант. Не исключено, что немцы только и хотели, чтобы мы ушли в «свободный» бок, и это была ловушка. А может быть, и здесь проявился характер Германа, неизменным правилом, девизом которого было не только ускользать, а громить и уничтожать противника: «Искать! Преследовать! Истреблять!» — иначе Герман не был бы Германом, а 3-я бригада не была бы грозой оккупантов.

Со штабными подразделениями мы медленно продвигались по заболоченной, поросшей редким кустарником низине, когда впереди вспыхнул бой — бой в Житнице, которую немцы заняли, видимо, сразу, как только бригада вышла в этом направлении. Может быть, здесь тоже была хитрость врага — показать, что деревня свободна, а самим скрытно занять позиции, недаром немцы успели подтянуть и правильно расставить, развернуть даже артиллерию. Началось сразу с настоящего шквала огня. Небо осветило зарево, деревня загорелась. Слышались разрывы не то снарядов, не то гранат, а пулеметная и автоматная трескотня слилась в единый гул. Худяков-полк пошел на приступ. После я узнал, что его бойцам было дано задание сразу подавить огневые точки противника, не давать им стрелять. А это значило — идти развернувшись, в полный рост и стрелять, стрелять без конца, не давая немцам поднять головы.

Однако немцы огрызались. Их пулеметы стояли в укрытиях и были не так уж уязвимы. Трассы пуль долетали и до нас — красные огоньки проскакивали рядом и чавкая взрывали болотистую почву. Все нервничали, переживая задержку движения. Мы несли неоправданные потери.

Полк Худякова с честью выполнил поставленную задачу. Немцев смяли и отшвырнули на край деревни, и все отряды полка вышли из окружения. А дальше, я думаю, сказались то, что подразделения подходили к месту боя не сразу компактным кулаком, а растянутой колонной, вступая в бой по очереди. И как ни старались командиры, все-таки каждый отряд, прежде чем броситься в атаку, на какое-то время останавливался, надо было сосредоточиться, настроиться на штурм, может быть, на смерть... Так случилось и с идущим следом 4-м полком. Как только на окраине горящей Житницы показались его бойцы, немцы ударили из пулеметов сбоку и отряды на некоторое время остановились. И так продолжалось несколько раз — очередная группа партизан подходила, врвалась в горящую деревню, а немцы хладнокровно били из пулеметов.

Теперь, спустя много лет, разумеется, легче анализировать. И кажется мне, что главной ошибкой было то, что так успешно прорывавшиеся отряды, сделав это, сразу уходили дальше, хотя

бой еще не был окончен. Вот если бы передовому полку было поручено не только прорвать окружение врага, но, отеснив его в стороны, хотя бы на время удерживаться, то в свободный проход без особых потерь могли бы пройти все части бригады. Ведь немцы даже не пытались контратаковать. Хваленые эсэсовцы явно боялись 3-й бригады, понимая, что в ближнем бою с партизанскими автоматчиками их не ожидало ничего хорошего. А так они издали строчили из пулеметов, и пули пронизывали темноту и продолжали косить наступавших и выбивать бойцов, сконцентрировавшихся в ложине перед горящей деревней.

В ночных условиях на марше трудно руководить боем, невозможно держать в поле зрения все подразделения. Здесь каждый командир начинал действовать самостоятельно, по обстановке. Одни строго выполняли приказ и вели свои отряды, роты на деревню в бой, как это сделали полк прорыва и 4-й полк, а другие — в обход и отрывались от остальных подразделений. Может быть, они действовали более правильно. И когда к Житнице подошел штаб бригады, оказалось, что нет уже даже арьергардных частей, они, видимо, тоже в темноте ушли вперед. Куда-то делись и бригадные разведчики, и вообще при штабе оставались десятка два-три людей. И теперь штабные подразделения сами должны были пойти на штурм. И они пошли.

Мы выскочили на бугорок и очутились рядом с крайними домами деревни. Все они горели, и было жарко и светло. Возле первого дома стояло довольно крупное орудие, валялись зарядные ящики. Рядом с орудием лежали убитые немцы и еще больше — наших. Немцы были высокие, одетые в пятнистые камуфлированные костюмы из плащпалаток, в касках с сетками поверх. Пятнами было раскрашено и орудие. Оружия ни у кого не было, должно быть прорывающиеся здесь группы забирали его у убитых. В моем ППШ уже не было патронов, и я вынул пару дисков из подсумков убитого партизана. Еще я успел высунуть нос чуть подальше за дом, откуда можно было заглянуть вдоль деревни. Там недалеко посреди улицы стояла легковая автомашина, как мне показалось, наша советская перекрашенная «эмка», и около ее открытой дверцы копошился немец. Я дал по нему очередь, он быстро убрался за машину и там упал. Большого я сделать не успел, не смог даже еще раз выпустить очередь по машине. Сильный пулеметный огонь заставил меня сначала убраться за дом, а потом согнал всех, кто успел выскочить на бугорок, обратно вниз, под крутой берег не то прудика, не то плеса протекавшего рядом с деревней ручейка. На бугорке снова остались убитые.

Здесь, стоя по шиколотку в воде, я в первый раз за ночь увидел и услышал Германа. Он был в длинной растегнутой шинели или плаще, под которым виднелись безукоризненно выглаженная гимнастерка, ремни портупей и награды, в армейской фуражке с маузером в руке. Герман был взволнованный, но вежливый и корректный, он и в эти минуты оставался верным себе. Ровным, но настойчивым голосом он обращался к какому-то командиру на

«Вы», по имени и отчеству, и только повторял: «Командуйте... немедленно командуйте...» — видимо отчетливо понимая, что промедление смерти подобно. Человек, к которому так настойчиво обращался комбриг, был старше его и ниже ростом, я его не знал. Он, видимо, не имел тех внутренних сил, которые необходимы в экстремальных моментах. Наверное, этот человек растерялся. Он что-то пробовал наладить, но у него ничего не получалось, вряд ли это был боевой командир, скорее, какой-нибудь штабной работник.

Видимо, поняв это, Герман решил сам возглавить группу и, крикнув: «За мной, вперед», с маузером в поднятой руке опять устремился вверх по откосу. Я последовал за ним, тоже полагая, что в данной ситуации оставаться на месте нельзя. Опять мы, несколько человек, выскочили на бугорок, теперь немного правее, и опять, как только немцы это увидели, они сильнейшим пулеметным огнем уложили нас на землю. Теперь мы даже не успели добежать до домов и плюхнулись в картофельную ботву на огороде. Но надо было снова вставать, идти вперед и выходить из зоны огня. Я лежал в нескольких метрах справа от комбрига, смотрел на него и думал, что вот, как только он поднимется и начнет в своей длинной одежде перелезать загородку, перед которой мы с ним лежали, я вскочу и перемахну ее быстрее его. А дальше мы быстро побежим, уже не глядя, идут за нами остальные или нет. «На ходу буду бить из автомата по пулеметам», — еще подумал я.

И Герман начал подниматься. Он оглянулся назад, как бы оценивая, кто может пойти за ним, привстал на одно колено, поднял руку с маузером, кажется, хотел что-то крикнуть, но в то же мгновение как-то замер, а из головы его взметнулись зловещий фонтанчик, нет, скорее, даже как бы дымок выхлестнутых пулей мягких тканей. Я много видел смертей, но никогда, ни раньше, ни позднее, не наблюдал такого. Наверно, это стало возможным, потому что я находился очень близко от этого человека, со всем вниманием смотрел ему прямо в лицо и еще благодаря освещению на фоне ночной темноты.

Он упал лицом вниз и не шевелился. Было ясно, что комбриг убит. Это видели и другие. Я слышал, как кто-то метрах в десяти сзади крикнул и повторил еще: «Герман погиб!» Мелькнула мысль приблизиться и попытаться помочь, но, прикрываясь неровностями склона и валунами, к Герману уже подползал кто-то из штабных. Он добрался до комбрига, видимо, проверил, жив ли тот, потом быстро скатился назад, и больше вперед никто не пошел. Голоса сзади смолкли. Тело Германа оставили на бугре. И теперь впервые за все время боя мне стало страшно, я понял, что остался один, и пришло знакомое ощущение безысходности, какое появляется, когда уже не можешь активно противостоять врагу и тебя могут взять живым. Я представил, как подойдут долговязые и пятнистые эсэсовцы, я услышу их противные гортанные голоса и смех — и это будет конец.

И в этот момент рухнула горящая впереди постройка, поднялся фонтан искр, и он на несколько секунд закрыл видимость немецким пулеметчиком. Не раздумывая и не поднимаясь, я свернулся в комок и, кое-как толкаясь руками и ногами, кубарем скатился обратно под бугор и очутился в спасительной темноте. И почему-то только теперь подумал: «Идиоты, да что мы делаем, все лезем и лезем на эту деревню, ведь совсем рядом такая темная, поросшая кустами лощина, по которой можно спокойно обойти деревню!» Я бросился по этой лощине в обход и благополучно ушел из зоны огня. По дороге ко мне присоединились еще двое отставших, и уже на рассвете по широкому следу, оставленному проходившими колоннами, мы догнали своих. После я узнал, что некоторые подразделения так и прошли в обход деревни и не понесли особых потерь, хотя в целом наши потери были велики. Как говорили, более двухсот человек убитыми, и все оставлены на поле боя, кроме одного. Группа бригадных разведчиков, «монголов», еще раз побывала в Житнице. Они проникли к заветному месту, благо немцы не торопились убрать трупы партизан, взяли тело комбрига и увезли его в бригаду.

Я нашел свой полк. Там все еще дышало возбуждением боя. На многих бойцах белели повязки. Но, невзирая на утраты, люди уже снова жили боевой походной жизнью. Мои друзья-разведчики на лесной поляне объезжали немецких трофейных коней, отбитых уже утром у какой-то кавалерийской части. Лошади, все рыжие, высокие, с коротко подстриженными хвостами, никак не хотели слушаться русских команд. Через два-три дня они полностью выдохлись, не вынеся партизанских «курортных» условий, и мы их оставили жителям в деревнях. У другой немецкой части ребята отбили несколько велосипедов и теперь неумело, но с увлечением катались на них.

Кажется, первой же ночью мы принимали самолеты на посадку, пополнили свой боекомплект и погрузили раненых. Но часть мест в самолетах оставались свободными, и разведчики в подарок летчикам пытались привязать к крыльям «кукурузников» велосипеды. Наверное, где-то в другой части «аэродрома» в это время в самолет положили и тело Германа. Его увезли в Валдай и там похоронили. А несколько позднее мы узнали, что бригаде присвоено его имя.

Если вам случится побывать в Валдае, посетите могилу А. В. Германа в городском сквере, положите цветы. Этот человек заслужил, чтобы его не забывали.

Прощай, оружие. В марте 44-го наша бригада соединилась с частями наступавшей Красной Армии. В Гатчине — месте расформирования, проходя длинной вереницей, бойцы с радостью набросали гору оружия, высотой с дом, а мы, разведчики, сдали коней. Кончился самый яркий незабвенный период моей жизни, период, когда я чувствовал, что каждый день, каждый час приближаю Победу. Чувствовал себя победителем. Период, когда я

впервые сел на коня и навсегда полюбил этих наших младших братьев, с которыми столько было связано...

Теперь лошадей я вижу в основном в своих боевых, еще непрекращающихся снах и по телевизору, а волнение все то же, как тогда, особенно если показывают скачущих, возбужденных коней. Прошлое властно напоминает о себе, и рождаются те мощные и тонкие, такие неперасказуемые ощущения, что были в то трудное и славное время. Я вижу темные настороженные силуэты всадников, исчезающих в полыхающей дальними пожарами ночи, или выскочивший из лесу рассыпавшийся строй низкорослых лохматых лошадок и пригнувшихся к гривам полуголодных мальчишек, молча, со сжатыми зубами идущих в атаку на вражеские пулеметы. И пока не загремят выстрелы, не захрипят раненые кони и не упадут, обливаясь кровью, первые смельчаки, слышны лишь глухой рокот земли под копытами коней и резкий шваркающий шелест трав.

Больше я не воевал. По какому-то приказу кадровые партизаны от дальнейшей службы в армии освобождались. Их посылали восстанавливать разрушенное хозяйство на освобожденных от врага территориях, часто в те же места, где они воевали и где могли принести большую пользу. Кадровыми назывались только те, кто сам добровольно ушел в лес в 41—42-м годах, когда до Победы было еще так далеко. В третьей их насчитывалось, наверное, человек 200—300. Остальные, а их к тому времени в бригаде было уже более 4000, направлялись в армию и должны были продолжать войну. В номенклатуру «кадровых» попадал и я, но трудиться мне пришлось не в тех районах, где мы вели боевые действия, а несколько южнее.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Осипов Михаил Александрович — ведущий научный сотрудник Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии АН СССР, доктор геолого-минералогических наук. Родился 26 декабря 1924 г. в Москве, русский. В 1941 г. окончил 8 классов средней школы и вступил в комсомол. В начале Великой Отечественной войны в течение некоторого времени работал токарем на военном заводе. В 1942 г. добровольно по комсомольской путевке вступил в ряды Красной Армии. После спецподготовки в ночь со 2 на 3 июня 1942 г. в качестве радиста в составе диверсионно-разведывательной группы Главного разведуправления РККА был заброшен самолетом в тыл немецко-фашистских войск на оккупированную территорию Ленинградской (ныне Псковской) области. Воевал в составе группы, затем в партизанском отряде Полновского района и в 3-й Ленинградской им. А. В. Германа партизанской бригаде. Был радистом, разведчиком. Последняя должность — командир взвода разведки 4-го полка 3-й Ленинградской им. А. В. Германа бригады. Закончил военный путь 20 марта 1944 г. в связи с соединением с частями Советской Армии и расформированием бригады. После войны работал на заводе механиком, в школе рабочей молодежи завершил среднее образование. В 1956 г. окончил Всесоюзный заочный политехнический институт по специальности горный инженер-геолог. В 1952—1954 гг. работал в системе «Аэрогеология» (коллектором, геологом), в 1954—1956 гг. — в экспедиции треста «Оловоразведка» МЦМ СССР (начальником геологоразведочной партии), с 1956 г. по настоящее время — в Институте геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии АН СССР. В 1961 г. защитил

кандидатскую, а в 1974 г. докторскую диссертации. Член КПСС с 1954 г. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «Партизану Отечественной войны», «За оборону Ленинграда» и еще 10 другими.

А. И. Перельман, В. И. Рехарский

ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФРОНТОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Необходимость геологического обслуживания боевых операций в полной мере выявилась уже в первую мировую войну, когда в армиях России и других воюющих держав появились специалисты геологического профиля. В обслуживании фронтов принимали участие талантливые русские ученые — А. Е. Ферсман, Б. Б. Полюнов (впоследствии советские академики), Б. Л. Личков и др. На Западном и Юго-Западном фронтах А. Е. Ферсман и другие геологи составляли карты местных строительных материалов, изучали вопросы маскировки. Военно-геологическая работа проводилась и в Петрограде силами Комитета военно-технической помощи. «Мы занимались тогда поисками минеральных красок,— записал позднее Б. Б. Полюнов. — Я вспомнил о зеленой глине, которую местные жители употребляют в Петергофском уезде, окрашивая ею дома и предметы. Изучение этой зеленой глауконитовой глины показало, что, опрыскивая ею окопные сооружения, можно через несколько часов совершенно замаскировать их под цвет растительности. Эффект был очень яркий. И крупные ученые, которые посещали наши совещания по поводу краскомаскировочной работы, отнеслись к ней одобрительно. Бывали у нас в лаборатории и Вернадский, и Курнаков, и Чугаев»¹. В результате этих исследований был создан «зеленый завод глауконита», принадлежавший Петербургской Академии наук и Комитету военно-технической помощи. Так, уже в годы первой мировой войны зарождалась военная геология — прикладная наука, изучающая геологические, гидрогеологические и инженерно-геологические условия местности применительно к решению военных задач.

Великая Отечественная война поставила перед военной геологией новые задачи. Важное значение приобрели данные о проходимости местности для войск, которые составлялись с учетом условий рельефа, геологического строения, климата, гидрогеологии, характера почв и растительности. Эти сведения командованию давали геологи вместе с географами, которые также были в штате военно-геологических учреждений. Военные геологи занимались изучением инженерно-геологических и гидрогеологических условий фортификационного и дорожного строительства, водо-

¹ Архив АН СССР. Ф. 602. Оп. 1. Л. 74.

Александр Евгеньевич Ферсман
(1883—1945)

Борис Борисович Полюнов
(1877—1952)

снабжения и маскировки войск, поисками местных строительных и других материалов.

Эффективность военно-геологического обслуживания фронтов, естественно, зависела не только от организации этих работ, но и от теоретических основ военной геологии как особой прикладной науки. А. Е. Ферсман наметил следующие основные задачи военных геологов по обслуживанию фронтов Великой Отечественной войны:

«1. Использование геологических данных для фортификационных сооружений, постройки убежищ, дотов и дзотов, проходки траншей и окопов. В этих целях необходим учет данных геоморфологии местности, геологической структуры, мощности почвенного слоя и т. д. Особую роль играют твердость и трещиноватость пород.

2. Использование данных геологического строения местности для сооружения минных галерей и подземных складов. В этом случае необходимо знание как геологического строения, так и гидрогеологических условий местности.

3. Изучение вопросов гидрогеологии в целях учета водных условий в разные времена года для осушения и искусственного обводнения местности.

4. Изучение гидрогеологических условий местности, поверхностных вод, источников, неглубоких водных горизонтов для водоснабжения районов расположения крупных войсковых единиц.

5. Всесторонняя характеристика грунтов, почвы и подпочвы с точки зрения проходимости разных видов вооружения и тран-

спорта при разных метеорологических условиях. Эта проблема тесно связана с проходимостью в зависимости от крутизны склонов и водных рубежей, залесенности и других географических и геоморфологических факторов.

6. Изучение и использование местных материалов (поиски, разведка, организация добычи): а) строительных камней разного типа; б) дорожных материалов (песка, гравия, щебня, получение клинкера и т. д.); в) топливных материалов (угля, сланца, торфа и т. д.).

7. Изучение условий маскировки в связи с цветом грунтов и ландшафта. Использование и добыча местных маскировочных материалов (известняков, доломитов, земляных красок).

8. Применение старых подземных выработок и пещер для укрытия. Такое использование их получило широкое применение в тылу армий в последние годы»².

Рассматривая методы геологической работы на фронтах, ученый отдавал предпочтение использованию геологической карты и составлению специальных военно-геологических карт, описаний и инструкций, использованию данных аэросъемки, непосредственной работе геологов в воинских частях. Отметим, что опыт работы военных геологов на фронтах подтвердил правильность установок А. Е. Ферсмана.

Еще в то время, когда война шла на территории нашей страны, А. Е. Ферсман придавал большое значение геологической характеристике Германии и оккупированных ею стран. В 1943 г. он писал: «Истощение материальных ресурсов Германии ведет к истощению нервов и воли, к моральному разложению противника. Разложение растет, и чем более будет развиваться борьба на этом фронте, тем напряженнее будет состояние голодного и усталого германского тыла.

От правильного геолого-экономического анализа снабжения врага, от правильного понимания его наиболее уязвимых мест зависит успех борьбы»³. «Мы должны точно знать, какого сырья нет у врага или какого у него не хватает. Мы должны всеми силами бороться против расширения его возможностей снабжения и улучшения его сырьевого баланса»⁴.

Роль науки о ландшафтах в военном деле рассмотрел Б. Б. Полюнов. Он писал, что хотя тактика и оперативное искусство уже давно используют элементы учения о ландшафтах, однако конкретная обстановка театров военных действий неизмеримо разнообразней, чем это предусмотрено уставами в разделе об «особых условиях местности». Б. Б. Полюнов показал, что современные географические описания по элементам (климат, рельеф и т. д.) не дают представления о тех элементарных ландшафтах, из которых складывается местность. Напоминая, что почва — это

² Ферсман А. Е. Геология и война. М.: Изд-во АН СССР, 1943. С. 35—36.

³ Там же. С. 38.

⁴ Там же. С. 31.

функция ландшафта, ученый сделал вывод о необходимости использования почвенных карт для составления карт проходимости. «Следует только объединить некоторые контуры и изменить условные обозначения», — пояснял Б. Б. Польшов.

Игнорирование почв при изучении ландшафта, по его мнению, сводит работу к «конторскому инвентарю». «Развивая методы крупномасштабной почвенной съемки на основе положений докучаевского почвоведения и охватывая этими съемками широкие пространства не только культурных полей, но и сплошных территорий с их лесами, болотами, реками, пустошами и пр., — писал ученый, — мы получаем широкую возможность выявлять и изучать элементарные ландшафты, устанавливать их комплексы и одновременно расчленять крупные ландшафтные обособления (зоны, подзоны, провинции) на подчиненные порядки ландшафтов. Это есть конкретный путь развития учения о ландшафтах»⁵. Б. Б. Польшов подчеркнул, что военное искусство имеет дело с ландшафтом в целом, в связи с чем офицерам и генералам необходимо знать свойства ландшафта. Общий вывод был следующим: учение о ландшафтах находит и должно найти широкое применение в тактике и оперативном искусстве.

Б. Б. Польшов внес вклад и в организацию военно-геологических и военно-географических работ. Он консультировал работу кафедры военной географии Военной академии им. М. В. Фрунзе, установил тесные связи с военными геологами, среди которых были его ученики, в том числе А. И. Перельман. С большой благодарностью вспоминается поддержка Б. Б. Польшовым работ по внедрению науки о ландшафтах в военную геологию. Расскажем об одной работе, основанной на польшовских идеях. Весной 1944 г. в период распутицы проводилось крупное наступление Красной Армии. За многие месяцы до этого события в штабах во всех деталях разрабатывались будущие операции. Получили задание и военные геологи — надо было выделить участки в районе будущего наступления, где техника смогла бы передвигаться по грунтовым дорогам. Эта задача была решена сравнительно просто — была использована карта четвертичных отложений, с которой сняли контуры зандровых песков и моренных суглинков. В районах развития суглинков на дорогах была распутица, в песчаных районах — нет. Много аналогичных задач приходилось решать военным геологам в эти годы — то инженерно-геологических, то геоморфологических, то четвертичных, то гидрогеологических. Объединить все эти разрозненные знания и помогала наука о ландшафтах. После войны мы узнали, что военные геологи фашистской Германии не имели такой прочной теоретической базы.

И многие другие крупные ученые помогали развитию военной геологии, например основатель советской гидрогеологии академик Ф. П. Саваренский. Д. И. Щеголев, специалист в области

⁵ Польшов Б. Б. Роль географии почв и учения о ландшафтах в тактике и оперативном искусстве. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1944. С. 6.

рудничной гидрогеологии, в годы войны руководил научно-методическими работами по военной геологии в системе Комитета по делам геологии при СНК СССР. Гидрогеолог А. М. Овчинников был командирован в горные и пустынные районы Ирана для помощи находящимся там советским войскам в решении вопросов водоснабжения. При Отделении геолого-географических наук АН СССР в начале войны была создана Комиссия научной помощи Красной Армии. Ее председателем назначили А. Е. Ферсмана. Он привлек в комиссию многих сотрудников Института геологических наук и других академических институтов. Тесную связь А. Е. Ферсман установил с географом и почвоведом И. П. Герасимовым, ботаником Е. М. Лавренко, геоморфологом К. К. Марковым (позднее они стали академиками). 16 сентября 1941 г. А. Е. Ферсман писал В. И. Вернадскому в Боровое, что в Москве удалось организовать очень серьезные работы большого оборонного значения (по маскировке, где блестяще работал Кринов, аэросъемке, редким элементам, географии соседних стран, гидрогеологии и строительным материалам фронта). Целый маленький институт специальных работ: даже все палеонтологи включились в ряд острейших проблем. Комиссия занималась составлением карт проходимости, в котором участвовали преимущественно сотрудники географического, почвенного и ботанического институтов Академии наук СССР. Эти работы проводились совместно с военными геологами Комитета по делам геологии при СНК СССР.

В первый же год войны на фронтах стали действовать военно-геологические отряды Комитета по делам геологии при СНК СССР. Они подчинялись командованию инженерных войск, выполняли его задания. Военно-геологические отряды быстро завоевали авторитет в войсках, и в марте 1943 г. Государственный комитет обороны и Наркомат обороны приняли постановление числить гражданских геологов, находящихся на фронтах, «на положении состоящих в рядах Красной Армии».

Важнейшими задачами военно-геологических отрядов было обеспечение командования сведениями о рельефе, почвах, грунтах, поверхностных и подземных водах, в том числе об источниках водоснабжения, о местных стройматериалах. Во время наступательных операций важное значение имели мелкомасштабные специальные карты, по которым штабы могли оценивать условия проходимости местности.

Характер деятельности военно-геологических отрядов определялся как ситуацией на фронте (наступление, оборона), так и природными условиями территории. Остановимся на деятельности двух таких отрядов.

Карельский фронт был не только самым северным, но и самым длинным — он тянулся почти от Ленинграда через всю Карелию и Кольский полуостров. У военных инженеров фронт считался «некультурным», так как изобилие лесов, болот и озер, бездорожье создавали большие трудности для инженерного

обеспечения действий войск. Здесь помощь геологов была особенно необходима. Для решения военно-инженерных задач надо было знать мощность морен и других рыхлых отложений, их состав, свойства скальных пород, расположение длинных песчаных гряд — озов, качество озерных и болотных вод и т. д. Все эти данные оперативно давали командованию военные геологи. Особенно большое значение имели сведения по геоморфологии и четвертичной геологии, в связи с чем в военно-геологический отряд Карельского фронта был командирован известный геоморфолог К. К. Марков. Работу военных геологов на Карельском фронте высоко оценил начальник инженерных войск этого фронта Герой Советского Союза генерал-лейтенант А. Ф. Хренов⁶.

Самый южный, Кавказский, фронт обслуживал военно-геологический отряд, начальником которого был видный советский гидрогеолог Б. Д. Русанов. База отряда располагалась в Тбилиси, что позволило привлечь к военно-геологическому обслуживанию фронта квалифицированные кадры и расширить деятельность отряда. По существу, при штабе инженерных войск фронта был создан военно-геологический институт. Перед войной в Закавказье работала Кавказская экспедиция АН СССР, которую возглавил Д. И. Щербаков (впоследствии академик). Этот крупный геолог и географ оказал большое влияние на уровень и методику военно-геологических работ, выбор объектов.

Установился и контакт с геологическими управлениями и академическими учреждениями Грузии, Азербайджана, Армении, которые работали по единому плану, обеспечивая потребности фронта. Группы геологов, гидрогеологов, географов и почвоведов составили карты проходимости перевалов и дорог Кавказа. К этой работе были привлечены также проводники и охотники.

На Кавказском фронте проводились учет и краткое описание «самых разнообразных укрытий на территории Закавказья, к числу которых относились естественные подземные полости — пещеры, горные выработки и, наконец, ряд памятников старины, которые могли быть также использованы неприятелем во время воздушных десантов. Эта работа была связана с нанесением на карту всех интересных объектов исследования. К ее составлению были привлечены различные специалисты, в частности историки и археологи. Вероятно, впервые при этом были закартированы все памятники старины, разбитые на типы сооружений, характерных для разных эпох»⁷.

В победе, одержанной советским народом под руководством Коммунистической партии Советского Союза, видна та скромная, но необходимая работа, которую проводили геологи на фронтах Великой Отечественной войны. Они самоотверженно трудились

⁶ Хренов А. Ф. Мосты к победе. М.: Воениздат, 1982. 352 с.

⁷ Дмитриев Иванович Щербаков: Жизнь и деятельность. М.: Наука, 1969. С. 280.

Александр Ильич Перельман
(р. 1916)

Владимир Иосифович Рехарский
(р. 1923)

на своем участке — геологическом. И на этом участке борьбы с врагом победила советская военная геология — ее теория и система организации.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Перельман Александр Ильич родился в 1916 г. В годы войны был военным геологом треста Спецгео (Западное направление, Южный фронт, 1-й и 3-й Белорусские фронты, 2-й Украинский фронт). В ИГЕМ АН СССР работает с 1949 г., доктор геолого-минералогических наук с 1954 г., профессор с 1966 г., в настоящее время — ведущий научный сотрудник. За успешное выполнение заданий по военно-геологическому обеспечению инженерных войск Красной Армии в период Великой Отечественной войны был удостоен грамоты. Награжден орденом Отечественной войны II степени и 5 медалями.

Рехарский Владимир Иосифович родился в 1923 г. В годы Великой Отечественной войны был начальником разведки полка (1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты). В ИГЕМ АН СССР работает с 1952 г., доктор геолого-минералогических наук с 1969 г., профессор с 1977 г. С 1972 г. и по настоящее время — заместитель директора ИГЕМ АН СССР. Награжден двумя орденами Боевого Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды и 6 медалями.

Ю. М. Пушаровский

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

Всякий уважающий себя мемуарист раньше, чем писать о фронтовых делах, изучил бы имеющиеся у него пачки писем. Я не имею возможности сейчас этим заняться, хотя архив

© Ю. М. Пушаровский, 1990

военных времен у меня существует. Буду писать об эпизодах, больше запомнившихся.

Начал я военную службу, будучи очень мало к ней подготовленным. Мой университетский выпуск был уникальным в том смысле, что он не проходил военных лагерей. Поэтому к 1941 г. у нас не было ни военных навыков, ни знаний.

22 июня 1941 г., в день начала войны, я находился в Буковине, близ р. Прут, в нескольких километрах от границы. Там работала геологическая экспедиция треста «Спецгео», и я был прорабом в одной из партий. Мое счастье заключалось в том, что на этом участке немцы не пошли в наступление, иначе могло случиться все, что угод-

но. Хотя мы и были рядом с границей, но о войне узнали лишь в середине дня. Жил я вместе с главным геологом экспедиции Соболевым, и вдруг (помню, я в это время писал письмо домой) прибегает к нам почвовед и говорит, что началась война, и прямо формулирует, что надо бежать. Мне было тогда 24 года, я был очень энергичен и в общем безбоязнен и, услышав сообщение, не только не собирался никуда бежать, но в глубине души не поверил почвоведу. Считал это паникой. Вообще настрой мой был тогда крайне наивным. «Взвесив» в мае всю ситуацию, я пришел к заключению, что войны не будет и именно поэтому отправился в Буковину на студенческую производственную практику после 4-го курса. А безбоязненность моя определялась тем, что сил и энтузиазма было много, и убеждением, что воевать будем, если будем, на вражеской земле. Таков тогда был главный пропагандистский тезис.

Но вот на центральной площади из репродуктора я собственными ушами услышал речь В. М. Молотова о нападении фашистов. Какая же была у нас реакция? Однозначная: каждый должен оставаться и работать на своем посту. И только так...

Ночью мы проснулись от грохота. Это шли наши танки в сторону границы. Часов в 5 утра 23 июня мы с Соболевым пошли к границе все же спросить у военных, что нам делать. В царившей суматохе трудно было найти кого-нибудь из начальства, но один капитан, которого сопровождал автоматчик, нам сказал, чтобы мы уезжали незамедлительно. В экспедиции было несколько автомашин, и вскоре мы уже выехали в Черновцы, от которых были в нескольких десятках километров. Признаки

Юрий Михайлович Пушаровский
(р. 1916)

войны обнаружили сразу же: поломанные телеграфные столбы и порванные провода, воронки по обочинам дороги, дым впереди... На Черновцы уже был налет, и множество самолетов на аэродроме сгорело. Не останавливаясь в городе, поехали сразу в Хотин и там, ожидая команды из Москвы, жили дней семь в палатках.

В конце концов пришлось указание возвратиться в Москву. Тут я и смог увидеть (а сидел я в открытом кузове полуторки) и нескончаемые потоки транспорта в сторону от фронта, и дорожные пробки, и взрывы бомб, сброшенных с «юнкеров», летавших прямо над головами и делавших, что им заблагорассудится, и горящие поля пшеницы, и блуждающий скот, и кучи горячей колхозной техники. Каждый раз, когда «юнкеры» сбрасывали бомбы на дорогу, мы прятались в кюветы. В нашу машину бомба не попала.

Глядеть на сжигаемые сельхозмашины было очень больно, и в Виннице я пошел в обком партии сказать, что мы едем с запада, что немцев близко нет и что не надо уничтожать государственное добро. Не знал я тогда, что уже была провозглашена тактика выжженной земли.

Даже в Киеве была суматоха, а за Киевом пришлось видеть битком набитые поезда с пассажирами на крышах вагонов. Уезжали люди куда только можно.

20 июля мы, наконец, прибыли в Москву, и тут же попал я под первую ночную бомбардировку столицы. Моя семья жила тогда на Пятницкой, и во время ночных налетов нужно было прятаться в метро ст. Новокузнецкая. Всего три дня прошло после приезда, но за это время я успел проводить семью в эвакуацию, в г. Бузулук, и уйти в армию.

На военную службу я пошел сам, по призыву комсомола. Был я заместителем секретаря комитета ВЛКСМ МГУ и ведал оргвопросами. После возвращения из Буковины я тут же пошел в комитет, где и узнал о призыве. 24 июля короткоостриженный, с бритвой, мылом и томиком Блока я уже был в палаточном лагере в Кубинке, километрах в 60 к западу от Москвы, где находились летние лагеря Военно-политической академии им. В. И. Ленина. Я попал в Военно-политическое училище при этой академии.

Были здесь стрельба, муштра, рытье траншей и окопов, словом, напряженная армейская подготовка, со старшиной, который был сверхсрочником и любил поиздеваться над нашим братом, особенно над теми, кто похилее, и с комвзводом, воевавшим в Финляндии в 1940 г. и хорошим солдафоном. Здесь все происходило под девизом: «Трудно в учебе — легко в бою». Кстати, очень скоро я убедился, что никакого легкого боя не бывает, каждый таит смертельную опасность. Твердым и бескомпромиссным было требование: командиру и политработнику в бою быть всегда впереди и вести за собой бойцов. Лишь года через два такое требование было отменено, так как военных успехов оно в общем не приносило, но тогда выполнять его нужно было свято.

Немногим более чем через 1,5 месяца, 11 сентября, прямо с занятий на лоне природы, бегом, мы прибыли в лагерь. Нас построили и объявили, что учиться хватит, нужно идти воевать. В г. Валдае в каком-то штабе мне сказали, что я должен служить в должности и. о. политрука роты, и направили в 945-й стрелковый полк 362-й пехотной дивизии где-то недалеко от Валдая. Это был Северо-Западный фронт. Я был «и. о.», потому что после выпуска из училища коммунистам давали звание политрука, а комсомольцам — замполита (эквивалент старшины). Я был комсомольцем.

После построения, где нас спросили, есть ли у нас за голенищем ложка, и выступления какой-то осипшей девы в армейской шинели я оказался среди массы солдат, устраивающихся на ночлег в большом сарае с сеном. Свою 4-ю роту я еще не нашел. Вдруг ночью нас подняли и куда-то повели. Я шел, шел и подумал, что так можно и к немцам прийти, и двинулся в голову колонны. Так и есть, никто не знает, куда идем и где нужно задержаться. Остановились не без моей помощи, а когда рассвело, стали зачем-то чистить оружие. У меня была самозарядная винтовка (6 патронов в обойме). Ночь была очень холодная, и руки мои замерзли и плохо слушались. В результате некая гвоздевидная деталь из затвора, отжатая пружиной, куда-то улетела и ее никак нельзя было найти. Долго я мучился — шутка ли: политрук без оружия; пробовал найти подходящий гвоздь (это было кощунством), ничего не выходило. Но чудеса бывают. В тот момент, когда надо было идти дальше, потерянную деталь я вдруг случайно нашел. Кажется, никогда в жизни я так не радовался.

Когда отыскал я свою 4-ю роту, то оказалось, что в основном она состоит из бойцов запаса, прибывших из Горького, с учебными винтовками. Некоторым было лет 40, что мне казалось в те времена стариковским возрастом. Позицию батальон занял в лесу. Утром, по холодку, получали понемногу водки, которую я отдавал командиру роты (шахтер из Донбасса), так как водку, да и вино, тогда не пил. Противник был совсем рядом и время от времени постреливал. То одному, то другому что-нибудь да прострелит. У меня в роте не было пулемета, но потом я его раздобыл. Стрелять взялся какой-то боец, у которого пулемет неожиданно выстрелил и пробил коленную чашечку у комсорга полка. Вот так начиналась для меня война.

Мы стояли в лесу, за которым простиралось поле, а дальше была д. Кириловщина. Было приказано наступать на эту деревню, но приходилось это делать лежа, потому что поле густо обстреливалось из минометов. Да и вражеские пулеметы не умолкали. Спасали нас огромные валдайские валуны, которые усыпали поле. За ними можно было укрыться. Свист мин у меня до сих пор в ушах стоит. Деревню взять не удалось, и вечером мы отошли в свои окопы. Но вернулись не все. Два момента я хотел бы отметить в связи с этим. Во-первых, некоторые люди способны

предчувствовать свою гибель, что я наблюдал на одном из бойцов роты. Во-вторых, война — вещь жестокая: «Вперед!» — и никаких гвоздей.

24 сентября чуть свет мы пошли на встречу с противником в другой район. Недалеко от наших позиций и тоже в лесу. Часов в 10 утра была команда окопаться. Я находился на самой передней линии. Маленький окопчик, куда я поместился примерно на 1/3, я выкопал с трудом, потому что чувствовал себя плохо, вероятно была высокая температура. Соседний окопчик был метрах в трех от меня.

Вдруг взметнулась ракета, а затем другая. Это были, как я потом понял, немецкие ракеты. Послышалась где-то рядом стрельба. И вдруг я увидел перед собой немецкого солдата, который, приставив автомат к животу, поливая пулями то, что попало. Ударяясь о дерево, под которым я залег, пули рвались. Это были разрывные пули. Но не от пуль я пострадал, а от гранатных осколков. Они угодили в левую часть каски, которую я раздобыл раньше на поле боя. Пробив каску, осколки повредили голову, и я залился кровью. Затем произошло очередное чудо. Я встал во весь рост и пошел на перевязочный пункт. Как уцелел при этом, не могу даже предствить. Ведь немецкий солдат был не больше чем в 10 м от меня. Наверное, он сам перепугался или растерялся. Доставили меня в медпункт на носилках. Голову перевязали и отправили вместе с очень большим числом раненых, в том числе командиром батальона, в тыл, сначала в Рыбинск, а затем в Ярославль. Но осел я в Сарапуле — столице Удмуртии. Лечить меня пришлось детскому врачу-эстонцу. Однако он сумел извлечь из черепа несколько осколков. Больше трех месяцев пролежал я в госпитале, пока 2 января 1942 г. вновь не отправился на Северо-Западный фронт.

Проездом через Москву зашел, конечно, в университет, где мне, в связи с тем что я фронтовик, выдали диплом об окончании, хотя я проучился только 4 курса. Что я не доучился, не замечал никто, ни тогда, ни потом, а мне диплом после войны очень и очень пригодился. Да и на войне не мешал — снятая с него копия постоянно была со мной.

«Куда же Вас направить?» — размышлял полковник в штабе опять в Валдае. И решил, учитывая, что я чуть-чуть касался нефти, направить меня в 7-й район авиабазирования, в 3-ю комендатуру по обслуживанию боевой авиации, помогать военинженеру Попову по части горюче-смазочных материалов. С этого момента начался для меня совершенно другой, совсем незнакомый поначалу и оказавшийся интересным, по существу, этап военной биографии. С пехотой было покончено, началась авиация.

Раннее морозное утро зимой 1942 г. Обегаю стоянки самолетов по краю взлетного поля. Организую заправку маслом и бензином. Аэродром, в который превращено обычное поле, совсем недалеко от линии фронта. За горючим часто приходится ездить самому на армейский склад. Немцы видят дорогу с воздуха и бомбят.

Был случай разрыва бомбы на дороге совсем близко перед нашей бензоцистерной, но все обошлось.

Комендатура — это маленький форпост, где мы жили с начальником вдвоем, в землянке. Но потом меня повысили и произвели в начальника службы горюче-смазочных материалов батальона аэродромного обслуживания (686 БАО). К тому времени я уже освоил не только снабжение, но и применение горюче-смазочных материалов в авиации. Служил на совесть, как и все фронтовики: делал все, что мог. В 1943 г. получил медаль «За боевые заслуги». Очень радовался этой награде. Но однажды получил наказание: 10 суток «домашнего» ареста. В декабре 1942 г. меня отпустили на 19 суток в отпуск, к семье, которая жила в ту пору в Омске у моего дяди, Сергея Степановича Пушаровского. Трудности транспортные были очень велики, но все же за 8 суток я ухитрился добраться до Омска. Соответственно через 3 дня требовалось выезжать обратно. Но я на другой же день после приезда заболел и меня, побрив кругом, положили в тифозный госпиталь. А через несколько дней выяснилось, что я не болен тифом, хотя в качестве некоего феномена и был показан студентам 2-го Медицинского института, тоже эвакуированного в Омск. Окончательно я поправился после приема английской соли. За всю эту эпопею военной коменданта Омска продлил мою командировку на две недели.

Так вот, когда я вернулся в часть, которая пребывала все в том же месте, чтобы меня согреть, а ехать мне пришлось по морозу, жарко натопили железную печку. И конечно, когда мы ушли на ужин, начался пожар. Чтобы поставить избушку, мы разобрали баню в брошенной деревне, а чтобы внутри не было сплошной черноты, оклеили потолок и стены газетами и бумагой. Поэтому потолок и вспыхнул. Поскольку избушка стояла в центре моего бензосклада, пожар был очень опасен. Сбежавшимся по тревоге бойцами дом тут же был растащен и огонь ликвидирован. В это время я и прибыл после ужина на место происшествия. Самое забавное, что воду в ведре кто-то принял за спирт, который широко использовался в авиации, и утащил в безопасное место, надеясь, видимо, в будущем к нему приложиться. Незадолго до этого чрезвычайного происшествия Сталин издал приказ насчет строгостей к виновникам ЧП. Началось следствие. Я писал несколько объяснений. Прямо нужно сказать, что отнеслись ко мне очень и очень мягко: в штрафбат не отправили, а ограничились «домашним» арестом. А главный «истопник», старшина Алексеенко, получил те же 10 суток, но строгого ареста, которые он и отсидел на гауптвахте.

Однажды летом 1943 г. когда наш батальон стоял в районе д. Мерлюгино, из штаба фронта к нам прилетел инженер-майор инспектировать «мою епархию» — службу горюче-смазочных материалов. Это был ответственный участок, такой же, как боеприпасы, так как без того или другого боевой авиации делать нечего. После моего доклада инспектор осмотрел

«хозяйство» и я пригласил его в наше походное жилище. В нем стоял сбитый кое-как столик, а на столике лежала книга Ю. А. Жемчужникова, которая, кажется, называлась «Косая слоность». Из-за множества дел я эту книгу почти не читал, но с собой возил. Увидев книгу, мой инспектор чрезвычайно оживился. Дальше слово за слово, и тут оказалось, что майор по гражданской специальности геолог-нефтяник, кандидат геолого-минералогических наук и москвич. С тех пор он не один раз прилетал меня навестить — инспектировать, и мы стали добрыми друзьями на всю жизнь. Инспектором оказался нынешний академик Герой Социалистического Труда Юрий Александрович Косыгин.

Судьбе было угодно, чтобы спустя несколько лет, когда я оформлялся на работу в Геологический институт АН СССР, именно он, заменивший тогда заведующего отделом тектоники Н. С Шатского, бывшего в отпуске, завизировал мое заявление о зачислении.

Фронт на северо-западе стабилизировался очень рано, пожалуй в сентябре 1941 г. Так что ни в том, первом году войны, ни позже мне отступить не приходилось. Пожалуй, в этом смысле я являюсь редким исключением. До Сталинграда откатились наши армии, а я даже на 1 км за все годы войны не отступал.

Самолеты летали на задания и днем и ночью. Некоторые возвращались сильно побитыми. Приходилось иметь дело практически со всеми видами тогдашней авиации. В основном это были У-2 (По-2), «илы», «яки», «миги», Пе-2. Были и тяжелые бомбардировщики, а также американские «аэрокобры» и английские «харрикейны». Могу засвидетельствовать, что истребители союзников помогали, но погоды не делали. Главная нагрузка лежала на штурмовиках и отечественных истребителях. Будоражили гитлеровцев летавшие ночью У-2 со 100-килограммовыми бомбами.

На У-2 мне многократно приходилось летать по своим делам. Летчик Насипян вел машину обычно очень низко, чтобы уберечься от обстрела истребителями противника. Все же иногда нас замечали, и тут Насипяну приходилось пускаться на разные хитрости. Это ему удавалось, и с нами ни разу ничего не случилось.

Потеря самолетов в моем окружении было очень немного. Сейчас мне о них даже вспомнить трудно. Я всегда преклонялся перед столь отважной профессией, как военный летчик. Замечал я не раз, как пилот, только что вернувшийся с задания, в унтах и шлеме входил под шатер, где приезжие артисты давали концерт. Кино и концерты любили все и смотрели азартно. Только я не очень интересовался кино, как, впрочем, и теперь. Не знаю почему. А надо бы, чтобы я его любил: кино однажды спасло мне жизнь.

Это было в конце февраля 1944 г. Нашу 6-ю Воздушную армию перебрасывали на 4-й Украинский фронт. Эшелон сформировался в Крестцах, но почему-то не пошел, и надо было там переночевать. Поставили вдоль железной дороги большие

палатки, и их даже немножко обжили. Под вечер кто-то сообщил, что в соседней деревне, километрах в трех, будет кино «Леди Гамильтон». Пошли все, кроме старшины Алексеенко, который ходил в унтах, а тут путь был все-таки далеким. Перед концом фильма мы слышали взрывы. Это рвались боеприпасы на станции, причиной чему был очередной налет немцев. Быстро пошли к станции, чуя недоброе. И действительно, Алексеенко погиб. Искал я его ползком, так как время от времени взрывались боеприпасы, нашел, и минут 40 делали мы ему искусственное дыхание. Ничего не помогло. Утром на кладбище в Крестцах его похоронили. Бомба попала в край нашей палатки, что называется прямым попаданием.

В 1943 г. семья вернулась из эвакуации в Москву, и я был счастлив иногда ездить в московские командировки. Моим начальником был инженер-майор Нестеров — человек малокультурный, часто вздорный. Но меня он не притеснял, уважал и способствовал назначению в 1944 г. начальником ГСМ всего района авиабазирования. Интересным путем Нестеров со мной знакомился. Когда в начале 1942 г. я прибыл к нему за назначением и, отвечая на вопрос, сообщил, что имею высшее образование, он попросил меня написать заявление, что я и сделал. Но в армии заявления не пишут. Он просто хотел проверить мою грамотность и, убедившись в ней в меру своих возможностей, тут же мое заявление разорвал и выбросил.

Моим истинным другом на Северо-Западном фронте был кадровый инженер-капитан Борис Львович Рабинович. Именно он занимал должность начальника ГСМ 7-го района авиабазирования до меня, но потом у него произошла какая-то неприятность и его перевели на другую службу. Это был очень живой, остроумный, подвижный человек. Мы быстро нашли общий язык и, когда можно было, придумывали себе развлечения в виде игр в слова и т. п. Борис Львович многому меня научил по службе, ценил мою энергию и стеной встал, когда меня хотели снова направить в пехоту. Впрочем, в ту пору я еще не восстановился после тяжелого ранения.

«На войне как на войне», и мне не раз приходилось видеть воздушные бои. Дрались насмерть, с хитрейшими маневрами в воздухе, с захватывающими дух воздушными бросками, увертливостью. Все мы на земле были напряжены до крайности. Ждали победы нашего пилота, и ее приходилось видеть много раз. Фашистский самолет загорался, дымил, снижался и затем исчезал из поля зрения. Однажды я наблюдал, как был сбит бомбардировщик «юнкерс». Пилотам удалось самолет посадить, и три летчика попали к нам в плен. Рослые, крепчайшие детины без шлемов, в летной форме со свастикой медленно, враскачку шагали, куда им указывали, держась вызывающе и нагло. Это были еще не те обшарпанные, побитые гитлеровцы, десятки тысяч которых потом провели через всю Москву (я их тоже видел благодаря командировке).

В апреле 1943 г. в очередной раз случай спас меня от верной гибели. Человеку, особенно молодому, обычно свойственно быстро свыкаться с обстановкой. Мое ГСМовское подразделение и еще какая-то группа поселились в доме, стоявшем на самом краю деревни, за которой тут же простиралось поле-аэродром. Немцы летали и бомбили каждую ночь. Сначала мы спали не только в одежде, но и в сапогах и по тревоге укрывались в узких траншеях, вырытых в огороде. Потом стали снимать сапоги и по возможности разоблачаться. А затем некоторые, в том числе и я, вообще перестали вставать и бегать в траншеи. И вот однажды из-за распутицы я принужден был целую ночь провести на железнодорожной станции, где организовывал слив и транспортировку горючего. Трактор помогал вытаскивать из грязи истерзанные бензоцистерны. Конечно, бомбили и в эту ночь. Но утром, когда я явился на свою улицу, то увидел, что моего дома нет. Он превратился в развалину от прямого попадания бомбы. Из своего более чем скромного имущества я только знаки отличия оторвал от обгоревшей шинели.

Хоть и боевые были времена, но кое-что удавалось читать и сам я писал стихи. Они целы и записаны в особую тетрадку. Некоторые из них помню и теперь, т. е. почти 50 лет спустя. Стихи посылал домой в виде писем-треугольников.

Всякое бывало во фронтовой жизни. А однажды после ночевки у какого-то деда, приютившего меня на полу на тулупе, пришлось уйти с ведром бензина в поле, раздеться и всю одежду прополоскать в бензине. Столько на меня напоззло...

Итак, 2,5 года войны у меня связано с Северо-Западным фронтом. Если эти годы не были для меня ни отступательными, ни наступательными, то 1944 год был уже наступательным. Армия та же (6-я воздушная), а фронты — 4-й Украинский и 2-й Белорусский. Как и все, получил несколько благодарственных грамот от Верховного Главнокомандующего за взятие городов: Ковель, Сарны, Хелм, Демблин, Люблин и др. Дошел до Вислы. Был награжден орденом Красной Звезды и получил свое высшее военное звание — техник-лейтенант. Позже мне уже не присваивали званий, так как с января 1945 г. я проходил службу в Москве, а здесь действовали тыловые сроки аттестации. Впрочем, хотя я и малым было мое звание, но занимал я должности майорские и подполковничьи. Служебными повышениями я никогда не был обеспокоен, так как забота была одна — отдать всего себя делу победы. Тяги к кадровой военной службе я никогда не испытывал и твердил всем, что как геолог сразу же после войны займусь своим делом.

В 1944 г. было множество салютов победы, а один салют, если можно пошутить, был «специфическим». Он был трехзалповым из боевого оружия и устроен лично мною и моим окружением после получения письма от жены о рождении у нас сына Дмитрия. Я был очень счастлив, особенно потому, что родился сын.

Наступательные бои были чреваты опасностями. Расскажу только об одном случае. Когда вошли в Ковель, я отправился в район вокзала искать бензоемкости. Поиск был тщательным и дал результаты, но выходя я увидел дощечки с надписью, что район, по которому я ходил, минирован.

Потрясающе ужасным был немецкий концлагерь Майданек, близ Люблина. Мы были там, когда еще не все заключенные были вывезены. Кошмар — это наиболее точное слово для этого лагеря.

В ноябре 1944 г. меня командировали на 10 дней в Москву в штаб службы тыла ВВС. Все я сделал и вернулся в часть, но в декабре был получен приказ о переводе меня для дальнейшей службы в штаб ВВС, в топливный отдел. Это значит домой. Начальником отдела был тогда стратонавт полковник Филиппов, серьезно контуженный. Но служил я под непосредственным начальством инженер-майора В. И. Алипова, впоследствии генерал-майора, начальника института. Именно он и подготовил приказ о моем переводе в Москву. Человек умный, общительный, крайне доброжелательный, щедрый душой и при всем при том скромный, Владимир Иванович был всеобщим любимцем. Я счастлив, что встретил в жизни такого замечательного человека. Сейчас он в отставке. В Новый год мы обязательно перезваниваемся.

Отъезд мой из Люблина был своеобразным. Дня два была метель и самолеты не летали (военные самолеты, конечно). Потом объявили, что полетим, но билета у меня не было. Спасли меня погоны — они были авиационные. «Дуглас» сел на аэродроме в Москве, где теперь метро «Аэропорт». Из вещей у меня ничего не было, кроме гуся и топора, которых я прихватил из Польши. Сел я на трамвай и вскоре оказался дома. Радости не было конца.

Война продолжалась еще 4 месяца и 9 дней, но меня демобилизовали только в декабре 1945 г. С удовольствием вспоминаю, что был участником Парада Победы, состоявшегося на Красной площади 24 июня 1945 г. Наш сводный полк стоял около собора Василия Блаженного, и я многое видел: выезд маршала Г. К. Жукова из Спасских ворот на крупном коне, объезд частей, сопровождавшийся громовым «ура», и то, как под барабанный бой близ Мавзолея росла гора из фашистских знамен, добытых на войне.

Я мог продолжить службу в армии, пользуясь при этом не только уважением, но и материальными привилегиями, однако меня тянуло к научной работе, к геологии, которую я избрал делом своей жизни еще до войны. И я стал просить о демобилизации, а когда было можно, заходил в Геологический институт АН СССР¹. В итоге с января 1946 г. я уже больше не

¹ Я работал в нем еще в 1935—1937 гг., а в предвоенные студенческие годы дважды от этого института выезжал на геологическую практику. В нем я работаю и по сей день.

в армии — гражданский человек 29 лет, с семьей и с материальным обеспечением, вдвое худшим, чем во время пребывания на военной службе. Зато с оптимизмом, большим запасом жизненных сил и неиссякаемой энергией.

С этих пор жизнь пошла по мирным рельсам...

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Пушаровский Юрий Михайлович родился 31 декабря 1916 г. в г. Петрограде. Окончил геолого-почвенный факультет Московского государственного университета в 1941 г. Демобилизован в звании техника-лейтенанта в 1945 г. Член-корреспондент АН СССР с 1976 г., академик с 1984 г. Работает в Институте геологических наук (ныне Геологический институт АН СССР) с 1946 г. Награжден орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», а также 10 медалями СССР. Лауреат Государственной премии СССР.

В. П. Рахманов

ГОДЫ ВОЙНЫ

С 1920-х годов большая семья наша занимала квартиру в одном из московских двухэтажных деревянных домов в Николовском переулке, затерявшемся среди многочисленных Самотечных переулков.

22 июня 1941 г. Над Москвой солнечное утро. Все предвещает хороший день. Вместе со своими двоюродными братьями Владимиром Васильевым (р. 1922) и Олегом Ражиным (р. 1923) азартно играем на бильярде, смех, шутки... Несколько насторожила передача по радио. Важное сообщение. Так в нашу семью ворвалось короткое, страшное слово... Война, с которой не вернуться мои двоюродные братья.

Владимир (лейтенант), командир разведроты, погиб в марте 1943 г. на Калининском фронте. Олег (рядовой) — сапер, скончался от полученных ран в марте 1943 г. под Сталинградом.

В январе 1943 г. мне исполнилось 18 лет, настала и моя очередь службы в Красной Армии. Военному искусству обучался в г. Суздале, куда в то время было эвакуировано Винницкое военнопехотное училище. В конце августа 1943 г. я в числе других курсантов рядовым был отправлен на Воронежский фронт¹ под Курск и зачислен в 286-й зенитно-артиллерийский полк², в задачу которого входило прикрывать боевые порядки гвардейских бригад 6-го танкового корпуса 3-й гвардейской танковой армии (командующий П. С. Рыбалко).

¹ Воронежский фронт с 20 октября 1943 г. был преобразован в 1-й Украинский.

² За отличие в боях полк впоследствии, в 1944—1945 г., был награжден орденом Красной Звезды, ему присвоено звание Перемышльского.

Во второй половине сентября развернулись ожесточенные бои на левом берегу Днепра³ с целью его быстрейшего форсирования. 22 сентября первый налет на батарею (район сел Большой и Малый Каратул) пикирующих бомбардировщиков Ю-87. Все четыре орудия батареи вели прицельный огонь, но неудачно. Один из самолетов вошел в пике и точно сбросил бомбовый груз в центр батареи. Понесли первые потери в личном составе. Меня контузило от близко разорвавшейся бомбы. С постконтузионным синдромом (сильный звон и шум в левой части головы) живу и сейчас.

...Немецкие войска отступили на правый крутой берег Днепра, полк занял оборону напологом левом. Над нашими позициями на разных высотах барражируют немецкие самолеты-разведчики Me-109 и «рама» двухфюзеляжная.

Иногда по команде свыше, без особой корректировки, стреляем по противоположному берегу из своих 37-мм полуавтоматических пушек. Тотчас же начинается ответный обстрел наших позиций из тяжелых минометов, и, надо признать, довольно точно... Сидишь в щели ни жив ни мертв, слышишь нарастающий резонансный свист спускающихся из поднебесья мин... надеешься — авось пронесет. Очевидно, все так думали и надеялись, что прямого попадания не будет. А таковые случались. В один из вечеров — «ковровый налет» немецкой авиации. Наблюдаем приближение на большой высоте: в ровном строю вражеских самолетов — эскадрилья за эскадрилей — «хейнкелей» — 111, «юнкерсов» — 88. Наша истребительная авиация отсутствует, стрелять из малокалиберных орудий бесполезно — высоко. Танки, автомашины, вся прочая военная техника замаскированы в пойменной прибрежной полосе. Все всё видят и с тревогой следят за приближением неотвратимой смертельной опасности. Вижу и я в свете вечернего заходящего солнца сверкающие цепочки бомб, отделившиеся от самолетов... Нарастающий вой и свист. Земля дрожит, как при землетрясении. Удар следует за ударом; ближний разрыв; комья земли, ветви деревьев попадают и в щелевые укрытия. Соблюдая присущую им педантичность, немецкие летчики равномерно, в шахматном порядке, сбрасывали бомбы

Виталий Павлович Рахманов
(р. 1925).

Снимок сделан в мае 1945 г. в Вене

³ 4 сентября 1943 г. под Ахтырской на подступах к Днепру (в другой воинской части) погиб мой отец П. Н. Рахманов.

большого и малого калибров на прибрежную левую сторону Днепра. Дым, гарь, едкий запах тротила, стоны раненых. Стало темнеть, все как-то разом стихло. Из ближней воронки от разорвавшейся бомбы я вытащил раненого бойца, взвалил его на спину и понес на сборный пункт. Его руки были холодные, и весь он дрожал как в лихорадке.

На рассвете, как только взошло солнце, налетела целая туча пикирующих бомбардировщиков Ю-87 («гусей», так прозвали их бойцы), которые продолжали начатую вечернюю вакханалию. Ответный огонь из-за повреждения многих орудий, потерь личного состава, да и просто внезапности их появления организовать не сумели. Было жутко сидеть в земле (вчерашней воронке от бомбы или вырытом окопчике), чувствуя свою беспомощность в происходящем. Вечерний и утренний бомбовые удары противника перепахали весь лес, как после хорошего урагана. Немецкое командование, конечно, знало, что соединения 3-й гвардейской танковой армии начали сосредоточиваться в лесных массивах на левом берегу Днепра. Жаль, что наша авиация не смогла в этот период прикрыть нас. Солдаты горестно шутили: «Сначала немцы отбомбятся, затем наши "асы" прилетают посмотреть результаты этих бомбежек». А с наступлением темноты бывало удивительно тихо и на наших позициях, и во вражеском стане. На небе ночью звезды, где-то работает электрический движок — мирное время, да и только. Правда, к полуночи с нашей стороны раздавался в небе рокот мотора и невидимые «кукурузники» По-2 поочередно летели на бомбежку вражеских укреплений. Вот один из них перелетел через Днепр, повис над вражескими окопами, видны вспышки от разрывов бомб, слышны глухие удары. Снизу поднимаются нитевидные цепочки трассирующих пуль. Но вот снова слышен шум возвращающегося с боевого задания самолета. На сей раз все в порядке, опасность для летчика миновала.

Я уцелел, и если до этих страшных бомбежек и обстрелов был связистом, тянул телефонные провода от батареи к командному пункту полка и на берег Днепра, то теперь был переведен в оружейный расчет заряжающим. В начале октября в районе Григоровки наш полк ночью на понтонах переправился на правый берег Днепра. Так, для меня и моего напарника по орудию, наводчика Валентина Сергеева, также 1925 г. рождения (погиб в 1944 г.), началась месячная ожесточенная схватка с противником на букринском плацдарме под Киевом.

В памяти сохранились многочисленные смены огневых позиций на отвоеванном у немцев небольшом участке правобережья Днепра. К концу сентября площадь его составляла около 80 км². Каждая смена таких позиций совершалась обычно с наступлением темноты, требовала большого физического и нервного напряжения, так как приходилось выполнять большие объемы земляных работ: заново сооружать оружейные дворники с нишами для хранения снарядов, рыть укрытия в виде щелей для личного состава

и т. д. И все это под боком у неприятеля. И если вдруг на марше такие передислокации вражеской разведкой обнаруживались, то тотчас же колонна подвергалась массированному обстрелу. Особенно досаждали «скрипачи» — 6-ствольные минометы. Однажды при проезде сожженной деревни было слышно, как эти электрические установки «заиграли» где-то совсем рядом. Неужели заметили? Глаза искали мало-мальски пригодное укрытие: ямку, воронку, канавку, глубокую колею. А стая тяжелых мин с нарастающим воем уже спускалась на наши головы...

А днем, зарывшись, как кроты, в землю, выглядывали мы из своих норок-щелей, прислушиваясь к нарастающему гулу боя и ожидая команды: «К орудию! Огонь!» Звучала команда. Бегали командиры. И начинался огненный водоворот на взаимное уничтожение, в котором обе стороны несли потери. Такова была повседневная наша работа, без выходных дней. И я представляю себе, как изворачивался в то время батарейный старшина Лысков, в обязанности которого входило одеть, обусть, накормить и напоить 50 числящихся на довольствии бойцов. Когда порой и взять-то провиант было неоткуда. Подвоз затруднен. И ползли батарейцы на нейтральную полосу за картошкой. Да и водицы днепровской попить было не так-то просто. Река была под постоянным прицелом врага. Целый месяц наши войска «варились» в этом котле, пытаясь без особого успеха расширить завоеванный плацдарм, наступая в разных направлениях и отбивая яростные контратаки немецких дивизий.

Внезапно 25 октября был получен приказ о выводе частей 3-й танковой армии с букринского плацдарма на восточный берег Днепра. С наступлением сумерек, соблюдая строжайшую светомаскировку, войска двинулись к переправам. Конечной целью такого маневра была скрытная, главным образом ночная, передислокация подразделений танковой армии на лютежский плацдарм под Киев, ударом с которого 6 ноября 1943 г. была освобождена столица Украины. Днем позже, 7 ноября, Москва салютовала частям 6-го танкового корпуса, освободившим г. Фастов. Мои фронтовые пути-дороги продолжались в 1944 и 1945 гг. на территории Западной Украины, Польши, Германии и Чехословакии вплоть до окончательного разгрома немецко-фашистских армий в Берлине 2 мая и освобождения 9 мая 1945 г. столицы Чехословакии Праги.

Судьбе угодно было вернуть меня снова на земли курские, но уже в 1952 г. после окончания Московского геолого-разведочного института им. С. Орджоникидзе. По распределению я попал в Институт геологических наук АН СССР и был направлен в должности младшего научного сотрудника на горно-геологическую станцию АН СССР Курской магнитной аномалии. В 1962 г. в издательстве АН СССР вышла моя монография «Богатые железные руды коры выветривания Курской магнитной аномалии», прообраз защищенной в том же году диссертации на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук.

Рахманов Виталий Павлович родился 26 января 1925 г. в г. Москве в семье служащих. В 1942 г. окончил 10 классов средней школы № 188 Коминтерновского района. 1943—1945 гг. — курсант Винницкого военно-пехотного училища. Рядовой Советской Армии. Воронежский 1-й Украинский фронт. Был дважды ранен. 1946—1952 гг. — студент МГРИ им. С. Орджоникидзе. 1952—1957 гг. — младший научный сотрудник горно-геологической станции на Курской магнитной аномалии АН СССР, г. Губкин. 1957—1960 гг. — младший научный сотрудник сектора минерально-сырьевых ресурсов Совета по изучению производительных сил АН СССР. 1960—1975 гг. — старший научный сотрудник Лаборатории осадочных полезных ископаемых Министерства геологии СССР. Куратор Мингео СССР по марганцу с 1966 г. 1975—1977 гг. — главный геолог — руководитель контракта № 9320-045 в Марокко. 1977—1979 гг. — старший научный сотрудник Лаборатории осадочных полезных ископаемых АН СССР. 1979—1985 гг. — заведующий отделом Института литосферы АН СССР. С 1985 г. по настоящее время — заведующий лабораторией Института литосферы АН СССР. Член КПСС с 1948 г. Ветеран Великой Отечественной войны и труда. Автор более 100 печатных работ. Награжден орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, медалью «За отвагу» и 13 другими медалями СССР.

Е. М. Сергеев

ТАК БЫЛО В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

Вернувшись после ранения в Москву в ноябре 1943 г., я получил от родителей и жены подарок — две папки моих собственных писем. «Сберегли все до одного», — говорили довольные, улыбающиеся мама и Шура. Конечно, я поблагодарил их, а про себя подумал: «Зачем они эти письма берегли? Ведь я и так могу рассказать все, что было, день за днем; такое не забывается».

Оказывается я ошибался — забывается. В этом я убедился, разыскав через 30 лет две папки писем, завернутые в пожелтевшую, полустлевшую газетную бумагу, и начав читать свои фронтовые «треугольники». В них было мало подробностей, больше общих слов, и, несмотря на это, передо мной вдруг стали оживать события тридцатилетней давности в деталях, о которых мало кто мог знать. И мне захотелось написать о войне, такой, какую мне самому пришлось пережить. Написать для семьи, детей и внуков, друзей и товарищей.

Писал урывками, за счет своих отпусков. Когда рукопись была окончена, показал ее Петру Ивановичу Сироткину и Татьяне Сергеевне Смирновой. С обоими я воевал в трудное время наших оборонительных боев 1941—1942 гг., вначале на Харьковском направлении, а позднее на подступах к Сталинграду. После войны Петр Иванович окончил Академию им. К. Е. Ворошилова и был назначен на должность заместителя главного редактора «Военного журнала». Татьяна Сергеева была переводчиком 617-го стрелкового полка (сп), затем в этой же должности служила в Сталин-

граде в штабе 62-й армии у генерала Чуйкова. После победы Татьяна Сергеевна вернулась в МГУ, закончила филологический факультет и долгое время работала в ТАСС; ей было присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

Получилось, что с рукописью познакомились не только два однополчанина, но и два профессиональных журналиста. Оба сказали: «Надо печатать, получилось интересно». А Татьяна Сергеевна предложила опубликовать рукопись под названием «За строкой фронтового письма».

Под таким названием книга была издана Военным издательством в 1985 г. в серии «Военные мемуары». На нее вышли положительные рецензии, опубликованные в «Известиях», «Московских новостях», «Книжном издательстве». Получил я довольно много писем с положительной оценкой книги от читателей, знакомых и незнакомых, воевавших и невоевавших, людей разного возраста. Самыми дорогими для меня были отзывы моих однополчан. Под этим названием я понимаю всех, кто служил в 1941—1942 гг. не только в 617-м сп, но и в других частях и подразделениях 199-й стрелковой дивизии (сд), а также сотрудников штаба фронта, последовательно изменявшего свое название в 1942—1943 гг.: Юго-Восточный — Сталинградский — Южный — 4-й Украинский.

Книга «За строкой фронтового письма» по объему небольшая, всего 10 листов. Написанная рукопись в три раза больше. Такое значительное сокращение связано, по-видимому, и с установленным объемом подобных работ серии «Военные мемуары», и с некоторой «рыхлостью» самой рукописи. Но для меня как автора ясно, что все же часть неопубликованного материала следовало бы опубликовать, хотя бы потому, что мы живем во время, когда необратимо развиваются в нашей стране демократия и гласность. Много интересного дополнительного материала получил я в результате общения и переписки с однополчанами и читателями. Это тоже говорит о том, что работу над переизданием военных мемуаров следует продолжить.

Настоящую статью автор не рассматривает как тезисы второго издания своих мемуаров, так как в ней приводятся отдельные боевые эпизоды, которые дают возможность лучше понять, каким был начальный период войны.

Евгений Михайлович Сергеев
(р. 1914).
Снимок сделан в апреле 1943 г.

Конечно, я, как и другие советские люди, не знал, когда начнется война, но у меня были основания думать, несмотря на успокаивающие заявления Советского правительства, что она не за горами. Мне как секретарю парткома МГУ (я был избран на эту партийную должность в марте 1941 г.) было объявлено первым секретарем Краснопресненского РК ВКП(б) С. А. Ухолиным, что я назначен председателем комиссии по подготовке бомбо- и газоубежищ в МГУ на 2000 человек. Они должны были быть оборудованы до 1 июня 1941 г. При этом Ухолин строго предупредил меня, что это задание первостепенной важности, что за выполнение его я лично отвечаю и что все работы должны быть выполнены под видом текущего и капитального ремонта подвальных помещений. Лишних разговоров вокруг них не должно быть.

Мне не повезло: я простудился. Пришлось продолжать свою деятельность председателя комиссии и секретаря парткома МГУ в больном состоянии. В срок были закончены работы по строительству убежищ. Они были приняты госкомиссией и не вызвали никаких разговоров в университете.

Врач поликлиники МГУ Надежда Дмитриевна Шерер настаивала на поездке в Геленджик, где университет имел свой санаторий. Такая поездка стала возможной после того, как бюро МГК ВКП(б) обсудило вопрос о состоянии идеологической работы в МГУ в конце июня.

Около двух часов ночи 22 июня 1941 г. я с мамой и шестилетней дочкой Ниной сели под проливным дождем в поезд Москва—Новороссийск, отходивший от Казанского вокзала. Заснули поздно и проснулись поздно. Успели закусить, и тут же я случайно узнал от проходившего по вагону милиционера о выступлении по радио Молотова, сообщившего о нападении на Советский Союз фашистской Германии. К этому я был подготовлен. Мы немедленно стали собирать свои вещи, чтобы выйти из поезда в Воронеже и возвратиться в Москву.

Узнав об этом, пассажиры вагона заволновались, и в мой адрес посыпались нелестные реплики: «паникер», «провокаатор», «сажать таких надо, да, сажать» и т. п. Шумевшие быстро замолкли, когда в Воронеже сообщение о войне подтвердилось, а через несколько часов поезд Новороссийск—Москва вез нас обратно в столицу.

С 23 по 29 июня мне как секретарю парткома МГУ пришлось заниматься направлением коммунистов в Краснопресненский РК для дальнейшей службы в армии. Требовались рядовые, сержанты, младшие лейтенанты. Доложил, что я тоже младший лейтенант и прошу направить меня в армию, на фронт. Получил резкий отказ и указание немедленно оформить бронь. Вот этого я делать не стал.

«Выручил» меня Москворецкий райвоенкомат, прислав мне повестку по месту жительства с вызовом на 29 июня. На основании документов, выданных этим военкоматом, я снялся с партийного учета в Краснопресненском райкоме партии и передал обязан-

ности секретаря парткома МГУ своему заместителю по оргработе Ивану Павловичу Андрееву, который тоже вскоре был призван в армию и успешно провоевал всю войну.

Направление у меня было — г. Киев, в распоряжение штаба Киевского военного округа. С таким направлением ехали, наверное, большинство пассажиров поезда Москва—Киев. В штабе округа мы переоделись в военную форму, получили кавалерийские карабины образца 1938 г. и патроны к ним. Я попал в команду, направляющуюся в укрепленную на старой государственной границе — Белокозовичи. Команда прибыла на вокзал, и сразу стало ясно: никуда мы не поедем. Толпа народа. Поезда на запад не ходят.

Это было 3 июля 1941 г., после того, как, прослушав по радио необычную по форме и неожиданную по содержанию речь Сталина, мы в приподнятом настроении отправились на вокзал с желанием скорее вступить в бой с фашистами. Пришли — и вот такая неразбериха — по существу, толпа неуправляемых командиров. Затем всех направили в Ботанический сад, благо он находился недалеко от вокзала. Двое суток мы провели в нем, пока не появились представители штаба Киевского военного округа (КВО). Всех переписали, построили и пешком с вещами отправили под Бровары, в бывший лагерь курсов усовершенствования комсостава. Мы шли и чертыхались. Жарко, обливаемся потом, а рядом с нами идут пустые трамваи. У всех возник вопрос: «А почему надо идти пешком, после двух почти бессонных ночей в Ботаническом саду, а не ехать на трамваях, идущих в том же направлении?» На этот вопрос никто дать ответа не мог. Это было просто продолжение «вокзальной бестолковщины». И у всех появилось чувство, что кто-то, где-то делает не так, как надо.

На месте сбора нам объявили, что все мы, находящиеся в лагере, являемся резервом командного состава Юго-Западного направления. Сюда, к нам в резерв, должны приезжать представители различных армий за пополнением командного состава.

Судьба моя сложилась так, что 2 месяца я пробыл в резерве Юго-Западного направления. Командование резерва зачислило меня на штатную должность командира стрелкового взвода резерва; коммунисты избрали секретарем партбюро одного из батальонов. И все. Застрял. Уехал из университета, чтобы воевать с фашистами, а оказался в резерве. Даже написать письмо в университет неудобно.

В составе резерва совершили мы марш по проселочным дорогам от Киева до Прилуки — за 3 дня 150 км. Вещи везли, а все остальное — на себе. Но в этот раз никто не ворчал, хотя и не легко было проходить по 50 км в день с полной выкладкой.

В лесу, недалеко от Прилук, разбили палатки, в которых разместился резерв командного состава Юго-Западного направления. Сюда прибыла комиссия для переаттестации командного состава. Почти всех повышали в должности. Меня, младшего лейтенанта командира стрелкового взвода, аттестовали на долж-

ность старшего адъютанта (начальника штаба) батальона. Когда я прибыл на фронт, то понял, почему это произошло. Полками командовали капитаны, начальники штабов полков, и командиры батальонов зачастую были лейтенантами. Сказались уничтожение Сталиным высших военных кадров и потери командного состава в первые месяцы войны. Теперь мы отчетливо понимаем взаимосвязь этих двух явлений. Тогда думали только о втором.

К нам в резерв был назначен новый комиссар. Я рассказал ему о себе и попросил его содействия в отправке меня на фронт. Итог беседы был примерно следующим: «Согласен с Вами, что не стоило уезжать из Московского университета, чтобы находиться в резерве Юго-Западного направления. Но я думаю, что лучше всего направить Вас в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Сейчас там проходит прием. Получите высшее политическое образование, а потом будете воевать». — «Нет, товарищ комиссар, я Вас очень прошу, направьте меня на фронт». — «Ну, если Вы так настаиваете, я дам распоряжение отделу кадров отправить Вас на фронт с первой же партией». — «Большое спасибо». — «Желаю успехов». На этом мы расстались. Наконец-то моя просьба нашла понимание.

На следующий день приезжают две грузовые машины за командным составом. Собрал я свои вещи, распрощался с товарищами. Подошел к машине. Никто меня не вызывает. Пошел в отдел кадров: «Моя фамилия Сергеев. Вы получили приказание комиссара резерва об отправке меня на фронт с первой же партией?» — «Да, получили, но у них в заявке нет должности старшего адъютанта батальона». — «Направьте на какую-нибудь другую должность». — «Командир стрелковой роты подойдет?» — «Да. Подойдет. И даже еще лучше». — «Тогда идите, собирайте свои вещи. Скоро отправка. Поедете в распоряжение штаба 38-й армии». — «Спасибо. Вещи мои уже около машин». — «Желаем успеха. Все в порядке. Ваша фамилия внесена уже в список. До свиданья».

Штаб 38-й армии располагался в небольшом городке Кобеляки. Туда мы прибыли 9 сентября 1941 г. В штабе 38-й армии нас распределили по соединениям. Несколько человек были направлены в 199-ю стрелковую дивизию. Среди них оказался и я.

Позднее я узнал, что 199-я стрелковая дивизия славилась как одно из боевых соединений Красной Армии, которое разбило 68-ю пехотную дивизию врага. Это именно о ее боевых действиях в сводке Совинформбюро от 12 августа 1941 г. сообщалось, что в боях у железнодорожной станции Мироновка, на правом берегу Днепра, враг потерял 7500 солдат и офицеров убитыми и ранеными, 15 танков, десятки орудий, минометов, пулеметов, сотни винтовок и автоматов. В 1974 г. была издана Воениздатом книга «Киевский Краснознаменный», где бои у станции Мироновка охарактеризованы как «подвиг личного состава 199-й стрелковой дивизии комбрига Д. В. Аверина».

В 1988 г. я получил письмо Ульяны Семеновны Олефир, за-

ведущей колхозного музея (!) в с. Кобелячек Кременчугского района Полтавской области, с просьбой прислать книгу «За строкой фронтового письма». Оказалось, что они только узнали, что такая книга существует, а сами давно ведут «Поиск-199» — собирают все материалы о 199-й сд. В письме Ульяна Семеновна пишет, что в 1941 г. 199-я сд «вела кровопролитные оборонительные бои. Не так легко достался Кобелячек фашистам. После 5 сентября 1941 г. они открыли кладбище в 200 крестов». В письме сообщается, что в братской могиле захоронены неизвестные воины 199-й сд. В память о них колхозный музей и организовал «Поиск-199»

Книга была послана. Об этом бое я узнал впервые. Он был до моего прибытия в дивизию и, по-видимому, не являлся исключением. Но это еще одно из подтверждений боевых качеств дивизии, куда меня направляли.

В штабе 199-й сд задержали недолго. Уточнили место службы — 617-й стрелковый полк. Туда я пошел в сопровождении связного — пожилого, очень словоохотливого красноармейца в выгоревшей гимнастерке. Но тогда я плохо его слушал, думая о своем или прислушиваясь ко все более явственно доносившейся артиллерийской канонаде. «Пришли, товарищ младший лейтенант, — сказал связной, указывая на несколько домиков, — здесь штаб 617-го полка». Издали показалось, что домики стояли пустыми, вокруг них — ни души. Но когда мы подошли поближе, то увидели тщательно замаскированные автомашины, лошадей у коновязей, спующих в разных направлениях бойцов.

Встретил нас молодой красивый лейтенант, стоявший непринужденно, заложив пальцы рук за туго подпоясывавший гимнастерку ремень. Связной, как видно, здесь свой человек, обратился к нему не совсем по форме: «Товарищ начштаба, вот младшего лейтенанта привел, направлен к нам в полк». — «Товарищ лейтенант, младший лейтенант Сергеев прибыл в 617-й стрелковый полк для прохождения дальнейшей службы в должности командира стрелковой роты». — «Здравствуйте. Сироткин Петр Иванович». Обменялись рукопожатиями. Не знал я в ту минуту, что пожимал руку человеку, который станет одним из моих ближайших друзей.

Оказалось, что полком командует капитан Гриднев, который находился на командном пункте (КП) в с. Пригаровка, что сейчас полуторка повезет туда патроны и лучше всего поехать с ней. Увидев у меня карабин, Сироткин сказал: «Штука удобная в походе и окопе. Но для ближнего боя командиру необходим револьвер или пистолет. Только где бы их достать? Придется обезоружить одного из врачей». И через пять минут я получил отличный пистолет ТТ, с которым не расставался около двух лет. Чемодан я оставил в штабе полка и больше мы с ним не «встречались». Всегда обходился полевой сумкой, в крайнем случае вещмешком.

«Езжай быстро, — напутствовал Сироткин водителя. — Помни,

что дорога, особенно на бугре, пристреляна фашистами. Попадешь под минометный или артиллерийский обстрел — не вздумай останавливаться или поворачивать назад — пропадешь. Меняй только скорость. Ясно?»

Поехали. Вот и бугор, о котором шла речь. Машина то и дело подпрыгивала на ухабах, но водитель не снижал скорости. Еще несколько сот метров — и мы въехали в село. Остановились у дома, где находился командир полка. Вошел в дом и увидел моложавого, с симпатичным худощавым лицом человека, которого на гражданке никогда бы не принял за командира, занимающего такую высокую должность. Только добротная, хотя и выдавшая виды, коверкотовая гимнастерка да безупречная строевая выправка безошибочно выдавали в нем кадрового военного.

Капитан расспрашивал меня тактично, делая вид, что не замечает, как я невольно вздрагиваю от близких разрывов мин: фашисты вели беспорядочный, непрекращающийся минометный огонь по селу. «Это — беспокоящий огонь», — спокойно пояснил Гриднев, когда мина шлепнулась где-то рядом, словно речь шла о елочной хлопущке. После непродолжительной беседы командир полка сказал: «Вот что, товарищ младший лейтенант, роту я Вам дам. Но не сейчас. Несколько дней Вы будете при мне для отдельных поручений. Попривыкните, а к этому времени к нам маршевая рота подойдет. Ждем ее днями».

Сели ужинать. Вошел командир — танкист: «Хочу проститься, товарищ капитан. Перебрасывают нас на другой участок фронта». — «Очень ты меня огорчил, друг, — ответил Гриднев. — Совсем другая жизнь, когда знаешь, что у тебя за спиной "коробочки". Ну, сие от нас не зависит. Желаю одного: будь здоров!» Вот так просто, силой приказа и обстоятельств, сходились и расходились на войне люди.

На следующий день Гриднев приказал мне сопровождать его при обходе переднего края обороны полка. С нами пошел также его адъютант лейтенант Токмачев — высокий и поэтому немного сутулившийся молодой человек. Он неотступно следовал за капитаном, не снимая руки с висевшего на груди автомата ППШ — предмета всеобщей зависти, ибо такого надежного и удобного оружия в полку было еще очень мало.

Погода стояла солнечная, немцы прекратили обстрел Пригаровки, и как-то не верилось, что мы идем на передний край обороны. А когда дошли, то он, долгожданный, меня просто разочаровал. Вместо представляемых ходов сообщения, окопов в полный рост, дзотов и прочих фортификационных сооружений, о которых нам говорили на тактических занятиях в университете и в лагерях во время сборов, я увидел наспех открытые вдоль деревенской околицы мелкие, по пояс, окопчики. Перед ними проходила проселочная дорога, а за ней стеной стояла высокая перезревшая пшеница. Обзора практически не было. Только поднявшись из окопа на бруствер и став в полный рост, можно было разглядеть метрах в трехстах впереди два подбитых немецких танка, а за

ними — деревеньку, выходящую в нашу сторону садами. «Там немцы», — коротко бросил Гриднев.

Поколебавшись, я все же сказал Гридневу, что по пшеничному полю гитлеровцы могут скрыто подползти к нашей передовой и одним коротким броском оказаться в окопах. Внес я и предложение: воспользоваться тем, что ветер дует в сторону противника, поджечь пшеницу сразу вдоль всего занимаемого полком участка. «Верно, — согласился капитан. — Только отдать такой приказ смогу, лишь согласовав его со штабом дивизии: там должны знать причину пожара. Свяжусь со штабдивом немедленно, после того как осмотрим позицию противотанковой батареи».

Батарея располагалась метрах в двухстах от переднего края. Молоденький лейтенант-артиллерист четко отдал рапорт. Гриднев поздоровался с ним, как со старым знакомым. Стоим, разговариваем. Вдруг слышим со стороны противника минометный залп, зловещий шелест над головой. «Мины! — крикнул лейтенант. — Всем — в укрытия!» Нас спасли узкие и глубокие щели, в которых мы буквально лежали друг на друге.

Гитлеровцы точно засекали батарею. Несколько минут подряд вокруг нас рвались мины. Потом враг перенес огонь в глубину села, и тут же послышался треск автоматов. Было 12 часов 13 сентября 1941 г.

Выскочив первым из щели, Гриднев крикнул командиру батареи: «Отражать вражескую атаку! — и, обращаясь уже ко мне и адъютанту, добавил: Бегом на КП!» Добежав до своего командного пункта, Гриднев по телефону коротко доложил обстановку, выслушал указания и, положив трубку, объявил: «Приказано отходить в общем направлении на станцию Кобеляки, сдерживая всеми средствами продвижение врага и нанося ему максимальный урон».

Полк начал отход, когда враг вошел в Пригаровку. Я старался держаться рядом с капитаном. Остаток дня и всю ночь шли мы в направлении на железнодорожную станцию Кобеляки. Временами попадали под огонь немецких минометов. А к утру выяснилось, что части перемешались: в рядах нашего 617-го сп оказалось немало воинов из других частей. И наоборот, ряд подразделений 617-го сп находились неизвестно где. Только к обеду следующего дня подошли к станции Кобеляки. Станция горела. Мне было приказано с группой разведчиков выяснить, есть ли противник на станции. Вокзал находился под минометным обстрелом. Несмотря на это, начальник станции и несколько работников находились на ее территории. Подбежав к нам, он сообщил, что на станции есть склад с ценным оборудованием, за которое он несет персональную ответственность. «Что делать? Сжечь можно?» — «Можно. Сжигайте и уходите».

Узнав обстановку, Гриднев собрал свободный командный состав, каждому определил маршрут и поставил задачу — собирать встреченных бойцов, командиров, отдельные группы, формировать из них команды и сосредоточивать на сборном пункте

в колхозном саду севернее станции, куда подойдут и походные кухни. К пункту сбора я пришел во главе доброй сотни бойцов и младших командиров, «найденных» по дороге и сведенных в отряд. Здесь нас уже ждали кухни, и после сытного горячего обеда настроение у всех несколько поднялось.

В большом колхозном саду, раскинушемся в низине у сильно-заболоченной речушки, под укрытием фруктовых деревьев собралось до 600 человек. Капитан Гриднев не мешкая приступил к формированию подразделений и назначению командиров из числа тех, кого он лично знал и на кого мог положиться. В конце концов пять или шесть командиров, в том числе и я, остались без войска. «Вы — мой резерв, — объявил Гриднев. — Будете постоянно рядом».

Из пункта сбора станцию Кобеляки не было видно, ее заслоняла высота, на скате которой поспешно окапывались немцы. Они это делали так недалеко от нас, что можно было разглядеть мелькавшие лопаты.

В саду оказалось несколько обложенных дерном погребов, сейчас пустых, а предназначенных, вероятно, для хранения яблок. Около одного из них Гриднев приказал построить сформированные подразделения, поднялся на погреб, как на трибуну, и произнес речь, смысл которой сводился к тому, что командование приказало нам занять станцию Кобеляки, но враг оказался там раньше нас. Поэтому, чтобы выполнить приказ, необходимо решительной атакой выбить противника с его позиций.

Речь была хорошая. До сих пор я помню отдельные ее фразы. Их забыть невозможно: «Нельзя дальше пускать врага на Родину, он и так далеко зашел. Я поведу сейчас вас на штурм этой высоты. Если кто себя плохо чувствует, пусть выйдет из строя. Даю честное слово — ему ничего не грозит. Но те, кто пойдут со мной в атаку, не смеют повернуть назад. Я коммунист. Я смерти не боюсь». Это была последняя фраза из его речи.

Командир полка допустил ужасную ошибку — находясь в непосредственной близости от противника, он не выставил боевого охранения. Разведка фашистов подошла к нам вплотную, и откуда-то из гуши деревьев полетели в нашу сторону цветные ракеты, указывая, где окопались бойцы. И вслед за ними минометы открыли беглый огонь.

Гридневу ничего не оставалось делать, как скомандовать строю: «Рассыпаться! Отходить к поселку!» Приказав нам, командирам без подразделений, «лежать пока на месте», Гриднев бросился вслед за бойцами, превратившимися в бегущую толпу. За ним пригнувшись последовал Токмачев.

Старшим никого из нас Гриднев не назначил. Кто-то проявил инициативу и предложил приготовиться стрелять по врагу, который, скорее всего, должен появиться со стороны, откуда пускали ракеты. Я зарядил свой «киевский» карабин.

Мимо погребов, рядом с которыми развернулись события, проходила тропинка, скрывававшаяся метрах в 80—100 от нас

за пирамидальными тополями. Из-за них-то и вышла группа фашистских солдат. Восемь или десять гитлеровцев шли без видимой опаски, переговариваясь между собой. У идущего впереди были засучены рукава, на груди болтался автомат. Таких храбрых вояк мы привыкли видеть после войны в захваченной немецкой кинохронике. Его-то я и взял на мушку. Кто-то негромко скомондовал: «Огоны!» Недружно прогремели выстрелы. Для пистолетов, наганов было далековато. Из карабина, нацеленного в грудь фашиста, промахнуться на таком расстоянии было трудно. Тот, что с автоматом, словно споткнувшись, рухнул на землю. Остальные солдаты залегли и начали наугад строчить из автоматов в нашу сторону. Пришлось нам сначала отползти за погреб, а потом перебежками добираться до поселка. В нем, однако, не оказалось ни души.

Покинув поселок, мы уже почти в полной темноте вышли к железной дороге и у переезда заметили большую группу людей. Оказались наши — из 617-го полка. Тут я прямо-таки столкнулся с Токмачевым. Спросил его, где командир полка? «Убит капитан Гриднев», — с тоской в голосе ответил лейтенант и рассказал такие подробности.

Когда капитан вбежал в деревню, чтобы собрать бойцов, враги дали очередной залп из минометов. Услышав свист мин, Гриднев свернул за угол хаты, а Токмачев, находившийся от него метрах в десяти, упал на землю. Он видел, как одна мина разорвалась перед капитаном, а другая ударила в стену хаты, которая рухнула и накрыла уже распростертого на земле командира полка.

На душе было тяжело. Не успел я как следует познакомиться с первым своим фронтовым командиром, а его уже не стало. Всего три дня я находился рядом с капитаном Гридневым, но проникся к нему чувством уважения за храбрость и благодарность за внимание ко мне, еще не обстрелянному.

Вечером поздно приехал к нашей группе конник и передал устное приказание: «Занять за железной дорогой отрытые на высоте окопы, а в случае необходимости отходить вдоль столбов телефонной линии на село Новые Санжары». В темноте нашли мы эти пустые окопы и в них заночевали. Утром обстановка прояснилась. Окопы на бугре были отрыты полною профилем и рассчитаны примерно на полк. А нас было человек 150—170 при одном станковом пулемете, расположенном на правом фланге. Никто командование на себя этой группой не брал. Младшие лейтенанты поглядывали на лейтенантов, а те друг на друга. Командиров более высокого звания не было.

Все решило появление двух вражеских колонн, обходивших нашу высоту по дорогам с двух сторон. Пешие солдаты в серо-зеленых мундирах, конные повозки и даже крытые грузовые автомобили медленно приближались к нам. Двигались без всякого охранения, как у себя дома. Левая колонна была еще далеко,

но правая приблизилась на расстояние верного выстрела, а команду на открытие огня никто не подает.

Вдруг с левого фланга из окопа выскакивает чернявый скуластый лейтенант, бежит вдоль окопов на правый фланг и при этом виртуозно ругается: «Это что же за война... Немцы идут... а мы молчим». И потом, обращаясь ко всем: «Слушай мою команду! По правой колонне противника — огонь!»

Позже я узнал; что командование остатками 617-го полка принял на себя лейтенант Кочетков. И тогда тишину разорвала длинная пулеметная трель — это заговорил «максим». Тут же нестройно загрели винтовочные выстрелы, застрочил короткими очередями ручной пулемет ДП — «дегтярев пехотный». Голова вражеской колонны, уже почти поровнявшаяся с занимаемой нами высотой, остановилась, а потом в рядах врага началась паника: застигнутые врасплох солдаты и офицеры бросились врассыпную, падали убитые и раненые. Фашисты несли изрядные потери, с нашей высоты простреливалась вся прилегающая местность. Как ни странно, но левая колонна, не обращая внимания на завязавшуюся перестрелку, продолжала движение по своему маршруту, удаляясь от нас все больше и больше.

Появилось спокойствие. Как на стрельбище, старался брать фигурки на мушку и плавно нажимать на спусковой крючок. Но вот офицеры фашистов навели порядок. Автомобили и повозки свернули с дороги и помчались подалее от места боя. Пехота залегла и стала отвечать винтовочным и автоматным огнем. Завязалась перестрелка. Заглянул в подсумок, а там уже не осталось и половины патронов. Похоже, не один я начал экономить боеприпасы: выстрелы из окопов слышались все реже. Умолк и «максим». А вот рассыпавшиеся по полю вражеские солдаты вели сильный огонь.

За нашими спинами, с той стороны, куда нам приказано было отходить, раздались приглушенные расстоянием знакомые уже хлопки минометных выстрелов. Серия мин разорвалась перед самыми брустверами окопов. Значит, враг нас обошел еще раньше, чем мы заняли позицию. То-то так беспечно двигались навстречу на нас колонны противника, знали, что где-то здесь уже прошли его передовые части.

После третьего залпа, услышав шелест мин, мы попадали на дно окопа. Мины взорвались, несколько попало в окопы. Раздались стоны. Понесли раненых. Остались лежать убитые. Положение создалось критическое. И тут Кочетков распорядился: «Выполнять приказ комдива, вдоль телефонных столбов отходить на Новые Санжары».

В Новых Санжарах располагался штаб 38-й армии. Об этом мы узнали от задержавшего нас и сопроводившего до небольшой площади военного патруля. На ней выстраивались три группы бойцов и командиров, нашего и 584-го стрелкового полков, а также только что прибывшей маршевой роты, той самой роты, которую ждал Гріднев, чтобы передать ее под мое командование.

Подъехал верхом батальонный комиссар с орденом Боевого Красного Знамени, рука на перевязи. Сразу же стало известно, что это комиссар нашего 617-го сп Бондаренко; был на финском фронте в 1940 г. За бои был награжден орденом. Легко ранен в руку. Несколько дней пробыл в медсанбате и вот выехал искать свой полк. Случайно натолкнулся на нас в Новых Санжарах. Слез с лошади, подошел, стал разговаривать с командирами, солдатами, которых знал.

Политрук с автоматом ППШ из штаба армии приказал рядовому составу построиться по два. В двух шагах впереди стоял командный состав. Перед 617-м стрелковым полком лейтенанты и младшие лейтенанты, всего шесть человек. Быстрым шагом к нам подходили двое в кожаных пальто. Кто-то знающий тихоноcko сказал: «Член военного совета армии бригадный комиссар Попель и начальник особого отдела». Подошли. У Н. К. Попеля звезды на рукавах и ромбы в петлицах.

Тяжело подробно останавливаться на том, как Н. К. Попель сформировал из трех отдельно стоявших групп новый 617-й сп. Остатки его были объявлены 1-м батальоном, остатки 584-го сп — 2-м, а маршевая рота — 3-м. Командиром вновь созданного 617-го сп был назначен пожилой капитан Ештокин, бывший до этого помощником командира по тылу. Командиром 1-го батальона — Кочетков Михаил Александрович. А из пяти стоявших рядом с ним младших лейтенантов почему-то выбран был я на должность начальника штаба 1-го батальона. Так, по стечению обстоятельств примерно сутки я пробыл тем самым «адъютантом старшим батальона», на которого был аттестован в резерве под Прилуками. Всего в батальоне было 128 человек, которых разделили на две роты. Примерно такой же численности были и другие два батальона.

Полку была поставлена новая задача — переправиться через р. Ворсклу (мост был), подняться на ее высокий берег и перекрыть подступы к Новым Санжарам с запада на дороге примерно в 2—3 км. Мы должны были дать возможность штабу 38-й армии, потерявшему связь со своими войсками и не знающему обстановки на фронте (и тогда и сейчас иначе я думать не мог и не могу), успеть передислоцироваться в другое место, не попасть в руки немцам.

Наш рубеж обороны представлял собой пшеничное поле, частично заскородованное — часть пшеницы была в копенках и значительная часть ее еще была не сжата. Одновременно вместе с нами на поле появились и фашисты. Начался ближний бой. Он подробно описан у меня в книге. До сих пор удивляюсь, как я остался жив и даже сумел застрелить немецкого ефрейтора, снять с него автомат «шмайссер» и взять документы. Продержались мы до вечера, когда наши самолеты на наших глазах уже бомбили Новые Санжары, куда давно вошли танки и другие фашистские войска.

В самих Новых Санжарах сражались войны 34-й кавалерий-

но правая приблизилась на расстояние верного выстрела, а команду на открытие огня никто не подает.

Вдруг с левого фланга из окопа выскакивает чернявый скуластый лейтенант, бежит вдоль окопов на правый фланг и при этом виртуозно ругается: «Это что же за война... Немцы идут... а мы молчим». И потом, обращаясь ко всем: «Слушай мою команду! По правой колонне противника — огонь!»

Позже я узнал, что командование остатками 617-го полка принял на себя лейтенант Кочетков. И тогда тишину разорвала длинная пулеметная трель — это заговорил «максим». Тут же нестройно загрели винтовочные выстрелы, застрочил короткими очередями ручной пулемет ДП — «дегтярев пехотный». Голова вражеской колонны, уже почти поровнявшаяся с занимаемой нами высотой, остановилась, а потом в рядах врага началась паника: застигнутые врасплох солдаты и офицеры бросились врассыпную, падали убитые и раненые. Фашисты несли изрядные потери, с нашей высоты простреливалась вся прилегающая местность. Как ни странно, но левая колонна, не обращая внимания на завязавшуюся перестрелку, продолжала движение по своему маршруту, удаляясь от нас все больше и больше.

Появилось спокойствие. Как на стрельбище, старался брать фигурки на мушку и плавно нажимать на спусковой крючок. Но вот офицеры фашистов навели порядок. Автомобили и повозки свернули с дороги и помчались подальше от места боя. Пехота залегла и стала отвечать винтовочным и автоматным огнем. Завязалась перестрелка. Заглянул в подсумок, а там уже не осталось и половины патронов. Похоже, не один я начал экономить боеприпасы: выстрелы из окопов слышались все реже. Умолк и «максим». А вот рассыпавшиеся по полю вражеские солдаты вели сильный огонь.

За нашими спинами, с той стороны, куда нам приказано было отходить, раздались приглушенные расстоянием знакомые уже хлопки минометных выстрелов. Серия мин разорвалась перед самыми брустверами окопов. Значит, враг нас обошел еще раньше, чем мы заняли позицию. То-то так беспечно двигались нарвавшиеся на нас колонны противника, знали, что где-то здесь уже прошли его передовые части.

После третьего залпа, услышав шелест мин, мы попадали на дно окопа. Мины взорвались, несколько попало в окопы. Раздались стоны. Понесли раненых. Остались лежать убитые. Положение создалось критическое. И тут Кочетков распорядился: «Выполнять приказ комдива, вдоль телефонных столбов отходить на Новые Санжары».

В Новых Санжарах располагался штаб 38-й армии. Об этом мы узнали от задержавшего нас и сопроводившего до небольшой площади военного патруля. На ней выстраивались три группы бойцов и командиров, нашего и 584-го стрелкового полков, а также только что прибывшей маршевой роты, той самой роты, которую ждал Гриднев, чтобы передать ее под мое командование.

Подъехал верхом батальонный комиссар с орденом Боевого Красного Знамени, рука на перевязи. Сразу же стало известно, что это комиссар нашего 617-го сп Бондаренко; был на финском фронте в 1940 г. За бои был награжден орденом. Легко ранен в руку. Несколько дней пробыл в медсанбате и вот выехал искать свой полк. Случайно натолкнулся на нас в Новых Санжарах. Слез с лошади, подошел, стал разговаривать с командирами, солдатами, которых знал.

Политрук с автоматом ППШ из штаба армии приказал рядовому составу построиться по два. В двух шагах впереди стоял командный состав. Перед 617-м стрелковым полком лейтенанты и младшие лейтенанты, всего шесть человек. Быстрым шагом к нам подходили двое в кожаных пальто. Кто-то знающий тихоноcko сказал: «Член военного совета армии бригадный комиссар Попель и начальник особого отдела». Подошли. У Н. К. Попеля звезды на рукавах и ромбы в петлицах.

Тяжело подробно останавливаться на том, как Н. К. Попель сформировал из трех отдельно стоявших групп новый 617-й сп. Остатки его были объявлены 1-м батальоном, остатки 584-го сп — 2-м, а маршевая рота — 3-м. Командиром вновь созданного 617-го сп был назначен пожилой капитан Ештокин, бывший до этого помощником командира по тылу. Командиром 1-го батальона — Кочетков Михаил Александрович. А из пяти стоявших рядом с ним младших лейтенантов почему-то выбран был я на должность начальника штаба 1-го батальона. Так, по стечению обстоятельств примерно сутки я пробыл тем самым «адъютантом старшим батальона», на которого был аттестован в резерве под Прилуками. Всего в батальоне было 128 человек, которых разделили на две роты. Примерно такой же численности были и другие два батальона.

Полку была поставлена новая задача — переправиться через р. Ворсклу (мост был), подняться на ее высокий берег и перекрыть подступы к Новым Санжарам с запада на дороге примерно в 2—3 км. Мы должны были дать возможность штабу 38-й армии, потерявшему связь со своими войсками и не знающему обстановки на фронте (и тогда и сейчас иначе я думать не мог и не могу), успеть передислоцироваться в другое место, не попасть в руки немцам.

Наш рубеж обороны представлял собой пшеничное поле, частично заскородованное — часть пшеницы была в копенках и значительная часть ее еще была не сжата. Одновременно вместе с нами на поле появились и фашисты. Начался ближний бой. Он подробно описан у меня в книге. До сих пор удивляюсь, как я остался жив и даже сумел застрелить немецкого ефрейтора, снять с него автомат «шмайссер» и взять документы. Продержались мы до вечера, когда наши самолеты на наших глазах уже бомбили Новые Санжары, куда давно вошли танки и другие фашистские войска.

В самих Новых Санжарах сражались войны 34-й кавалерий-

но правая приблизилась на расстояние верного выстрела, а команду на открытие огня никто не подает.

Вдруг с левого фланга из окопа выскакивает чернявый скуластый лейтенант, бежит вдоль окопов на правый фланг и при этом виртуозно ругается: «Это что же за война... Немцы идут... а мы молчим». И потом, обращаясь ко всем: «Слушай мою команду! По правой колонне противника — огонь!»

Позже я узнал, что командование остатками 617-го полка принял на себя лейтенант Кочетков. И тогда тишину разорвала длинная пулеметная трель — это заговорил «максим». Тут же нестройно загрели винтовочные выстрелы, застрочил короткими очередями ручной пулемет ДП — «дегтярев пехотный». Голова вражеской колонны, уже почти поровнявшаяся с занимаемой нами высотой, остановилась, а потом в рядах врага началась паника: застигнутые врасплох солдаты и офицеры бросились врассыпную, падали убитые и раненые. Фашисты несли изрядные потери, с нашей высоты простреливалась вся прилегающая местность. Как ни странно, но левая колонна, не обращая внимания на завязавшуюся перестрелку, продолжала движение по своему маршруту, удаляясь от нас все больше и больше.

Появилось спокойствие. Как на стрельбище, старался брать фигурки на мушку и плавно нажимать на спусковой крючок. Но вот офицеры фашистов навели порядок. Автомобили и повозки свернули с дороги и помчались подальше от места боя. Пехота залегла и стала отвечать винтовочным и автоматным огнем. Завязалась перестрелка. Заглянул в подсумок, а там уже не осталось и половины патронов. Похоже, не один я начал экономить боеприпасы: выстрелы из окопов слышались все реже. Умолк и «максим». А вот рассыпавшиеся по полю вражеские солдаты вели сильный огонь.

За нашими спинами, с той стороны, куда нам приказано было отходить, раздались приглушенные расстоянием знакомые уже хлопки минометных выстрелов. Серия мин разорвалась перед самыми брустверами окопов. Значит, враг нас обошел еще раньше, чем мы заняли позицию. То-то так беспечно двигались нарвавшиеся на нас колонны противника, знали, что где-то здесь уже прошли его передовые части.

После третьего залпа, услышав шелест мин, мы попадали на дно окопа. Мины взорвались, несколько попало в окопы. Раздались стоны. Понесли раненых. Остались лежать убитые. Положение создалось критическое. И тут Кочетков распорядился: «Выполнять приказ комдива, вдоль телефонных столбов отходить на Новые Санжары».

В Новых Санжарах располагался штаб 38-й армии. Об этом мы узнали от задержавшего нас и сопроводившего до небольшой площади военного патруля. На ней выстраивались три группы бойцов и командиров, нашего и 584-го стрелкового полков, а также полкочко что прибывшей маршевой роты, той самой роты, которую ждал Гриднев, чтобы передать ее под мое командование.

Подъехал верхом батальонный комиссар с орденом Боевого Красного Знамени, рука на перевязи. Сразу же стало известно, что это комиссар нашего 617-го сп Бондаренко; был на финском фронте в 1940 г. За бои был награжден орденом. Легко ранен в руку. Несколько дней пробыл в медсанбате и вот выехал искать свой полк. Случайно натолкнулся на нас в Новых Санжарах. Слез с лошади, подошел, стал разговаривать с командирами, солдатами, которых знал.

Политрук с автоматом ППШ из штаба армии приказал рядовому составу построиться по два. В двух шагах впереди стоял командный состав. Перед 617-м стрелковым полком лейтенанты и младшие лейтенанты, всего шесть человек. Быстрым шагом к нам подходили двое в кожаных пальто. Кто-то знающий тихоноcko сказал: «Член военного совета армии бригадный комиссар Попель и начальник особого отдела». Подошли. У Н. К. Попеля звезды на рукавах и ромбы в петлицах.

Тяжело подробно останавливаться на том, как Н. К. Попель сформировал из трех отдельно стоявших групп новый 617-й сп. Остатки его были объявлены 1-м батальоном, остатки 584-го сп — 2-м, а маршевая рота — 3-м. Командиром вновь созданного 617-го сп был назначен пожилой капитан Ештокин, бывший до этого помощником командира по тылу. Командиром 1-го батальона — Кочетков Михаил Александрович. А из пяти стоявших рядом с ним младших лейтенантов почему-то выбран был я на должность начальника штаба 1-го батальона. Так, по стечению обстоятельств примерно сутки я пробыл тем самым «адъютантом старшим батальона», на которого был аттестован в резерве под Прилуками. Всего в батальоне было 128 человек, которых разделили на две роты. Примерно такой же численности были и другие батальона.

Полку была поставлена новая задача — переправиться через р. Ворсклу (мост был), подняться на ее высокий берег и перекрыть подступы к Новым Санжарам с запада на дороге примерно в 2—3 км. Мы должны были дать возможность штабу 38-й армии, потерявшему связь со своими войсками и не знающему обстановки на фронте (и тогда и сейчас иначе я думать не мог и не могу), успеть передислоцироваться в другое место, не попасть в руки немцам.

Наш рубеж обороны представлял собой пшеничное поле, частично заскородованное — часть пшеницы была в копенках и значительная часть ее еще была не сжата. Одновременно вместе с нами на поле появились и фашисты. Начался ближний бой. Он подробно описан у меня в книге. До сих пор удивляюсь, как я остался жив и даже сумел застрелить немецкого ефрейтора, снять с него автомат «шмайссер» и взять документы. Продержались мы до вечера, когда наши самолеты на наших глазах уже бомбили Новые Санжары, куда давно вошли танки и другие фашистские войска.

В самих Новых Санжарах сражались воины 34-й кавалерий-

ской дивизии П. И. Козлова. Вот его воспоминания: «Во второй половине дня (16 сентября. — Е. С.) в поселок ворвались танки и автомашины... Укрывшись в канавах и за стенами домов, кавалеристы отбивались гранатами, бросали под танки бутылки с бензином, стреляли по щелям танков, по автомашинам. Люди стояли на смерть, отходили лишь в последние минуты по приказу, без паники, с боем. С наступлением темноты кавалеристы оставили Новые Санжары...»¹

Много общего с нами. Мы тоже сражались на смерть, тоже спустились со своих бугров к Ворскле после получения приказа от командира полка и тоже, когда уже темнело. На своих ногах шли 46 человек, раненых несли 12. 128 воинов вступили в бой, вышли из него 46. Кочетков так оценил положение: «Много потеряли, но и фашистов положили немало». Наверное, так, потому что то тут, то там мелькали «шмайссеры», которыми были вооружены немецкие автоматчики.

Бывшая медицинская сестра медсанбата 199-й сд, а ныне секретарь совета ветеранов 199-й сд (первого созыва) Александра Николаевна Алексеева в письме от 25.11.1985 г. из г. Белая Церковь написала мне в ответ на полученную книгу: «Эта книга напомнила мне все дороги прошедшие, а они так знакомы, так как наш МСБ везде был в этих местах. Когда я читала, многое еще не забыто, все новые и новые картины вставали перед глазами, а они такие тяжелые и порой страшные...» Хорошо сказано: картины бывали «тяжелые и порой страшные».

На командном пункте командира полка оставался только «маяк» — старшина, передавший приказ командира полка выходить на дорогу Новые Санжары—Полтава. Кочетков, рассмотрев карту при свете спички, резюмировал: «Чтобы попасть на эту дорогу, надо либо через Новые Санжары прорываться, что нереально, либо опять подняться наверх и обходить их, минуя позицию, которую только что оставили. В обоих случаях — фашистам в лапы». Я вмешался: «Командир, пойдем через Новые Санжары, но только вдоль реки, а, может быть, где и по реке, к ней ведь только огороды выходят, ни одного дома близко нет. Если мост не охраняется, пройдем под ним, а там и дорога на Полтаву недалеко». — «А ты откуда знаешь, местный, что ли?» — «Да нет — отдыхал здесь в двадцать восьмом году. Это родители словно бы угадали, что мне тут воевать придется». — «А! Ну, тогда давай, показывай дорогу».

Вот ведь как бывает в жизни. Кто-то рассказал моим родителям, что отпуск можно очень хорошо провести на Украине, в селе Новые Санжары. Местные жители охотно сдают комнаты, много дешевых фруктов и других продуктов, рядом р. Ворскла. Все это родителям понравилось, и летом 1928 г. мы поездом доехали до станции Кобеляки, а затем на подводе до Новых Санжар. Скучно мне там было ужасно, рыба не ловилась. Ворскла

¹ В сражениях за победу. М.: Наука, 1975. С. 47.

по сравнению с Окой, на которой до этого мне пришлось побывать дважды и которую я в 13 лет научился вместе с местными мальчишками переплывать туда и обратно, казалась мне не рекой, а «речушкой». Единственное, что меня обрадовало, это то, что в оврагах противоположного высокого берега можно было найти ржавую шрапнель, полуразрушенную рукоятку от сабли и другие предметы, свидетельствовавшие о том, что здесь проходила одна из битв Полтавского сражения Петра со шведами. Я воображал, как это происходило, фантазировал, и это меня немного развлекало. Страшно жалею, что весь собранный мною «мусор» родители отказались везти в Москву и он был выброшен. Никто тогда, в 1928 г., не мог даже подумать, что мне самому придется воевать в этих же местах в 1941 г.

Память меня не подвела. Огородами без помех добрались до моста. Чтобы не подниматься на насыпь, тихо прошли под ним по колено в воде. Наконец, вышли на полтавскую дорогу, но тут возникло неожиданное препятствие — путь преградил глубокий с отвесными стенками противотанковый ров. Без каких-нибудь подручных средств его не преодолеть, тем более раненым. Помог случай. Послали красноармейцев вдоль рва. Один из них вернулся и доложил, что рассмотрел в темноте перекинутые через ров широкие доски. По ним и переправились.

Так мы ушли из Новых Санжар, но в памяти они остались на всю жизнь. Поэтому, когда я прочитал в 1986 г. в «Правде» статью, в которой одобрялась инициативная работа райкома партии Новых Санжар, то решил написать письмо секретарю райкома и выслать ему один из последних экземпляров своей книги. Ответил мне первый секретарь РК КПСС М. Бернацкий. В частности, он написал: «Мы получили Вашу книгу в канун 43-й годовщины освобождения Полтавской области от немецко-фашистских захватчиков. Редакция районной газеты опубликовала отрывок в своем юбилейном 7000-м номере, который Вам высылаю». В конце письма содержалось приглашение посетить Новые Санжары. Но, к сожалению, теперь это невозможно.

А тогда, в 41-м спешили удалиться подальше от немцев по дороге на Полтаву. Пройдя несколько километров, мы были остановлены боевым охранением кавалерийской части. Убедившись в том, что мы действительно те, за кого себя выдаем, командир боевого охранения, старший лейтенант по званию, сказал: «Займете наши позиции и будете их оборонять. А наша часть переходит на другой рубеж». — «Так ведь нас, не считая раненых, меньше полусотни человек». — «Ничего, ваши уже частично там, вот их вы и пополните. Таков приказ командира дивизии».

Старший лейтенант отдал распоряжение о выдаче нам сухого пайка, успокоил, что окопы уже открыты и копать ничего не придется. Принял у нас раненых для отправки в тыл, выделил сопровождающего, и мы попрощались.

Утром 17 сентября раздались крики: «Танки! Танки!» 18—20 танков развернутым строем не спеша накатывались прямо

на наши окопы. Было нас порядка 150 человек, а главное, практически не было у нас средств для борьбы с этими ползущими стальными коробками. Сдали нервы, и мы стали стрелять обычными пулями в надежде, что одна из них залетит в смотровую щель. Плохое было чувство, чувство полной беспомощности.

К тому времени я не раз уже слышал слово «танкобязнь», производимое с ироническим оттенком. Но ирония уместна лишь в тех случаях, когда у людей есть хоть какие-нибудь средства для борьбы с танками, а они, забыв об этих средствах, не вступают с ними в борьбу. Думаю, что если бы у нас тогда были противотанковые ружья, бутылки с горючей смесью КС или хотя бы с бензином, противотанковые гранаты или хотя бы связки ручных РГД, мы бы не оставили рубеж, несмотря на то что оборудован он был слабо — одни лишь неглубокие ячейки. И признаюсь, я вздохнул с облегчением, когда услышал команду: «Прекратите огонь, отходить на полтавскую дорогу. Сбор — у следующего оборонительного рубежа».

Но стоило нам выскочить из окопов, как танки прибавили скорость, а от них по чистому полю не уйдешь. И тут раздались два мощных взрыва, потом еще один. Это сработали противотанковые мины, поставленные здесь нашими саперами. Я увидел, как танки, будто по команде, остановились перед рубежом, который только что мы занимали. Некоторые даже попятились назад. Три задумались. Это и дало нам возможность оторваться от них. Но, увы, ненадолго. Опять взрвали моторы, несколько танков двинулись в сторону, обходя минное поле. Пришлось нам снова ускорить шаг и даже переходить на бег.

Рядом со мной отходили три красноармейца. Они — гуськом, друг за другом, я — правее, около среднего. И тут произошло то, о чем никогда не смогу забыть. Мимо меня пронеслось что-то похожее на огненную струю и пронзило насквозь бежавшего рядом бойца. От прямого попадания бронебойного снаряда он мгновенно превратился в бесформенный комок. Наше счастье, что у немецких танков были, по-видимому, израсходованы другие боеприпасы, да и горючего, наверное, было немного.

Наконец, достигли очередного оборонительного рубежа. Окопы полного профиля перекрывали дорогу на Полтаву. В окопах оказались бойцы, на глаз — человек 40. Спросил, из какой они части. Несколько человек назвали номер нашего полка, остальные — каких-то незнакомых частей. Тут же выяснилось, что среди них нет ни одного командира. Пришлось брать руководство на себя: «Внимание! Слушать мою команду. Вы — все бойцы 617-го стрелкового полка. Я — ваш командир».

Подошел младший политрук, доложил, что он пропагандист из нашей части. «Слушай, — говорю ему, — поскольку я принял командование, оставайся со мной, будем вместе воевать». — «Чем же мы будем командовать — ведь не полк же здесь, в самом деле. Хорошо, если взвод наберется». — «Ну, назовем пока отрядом, а там видно будет».

Так из младшего лейтенанта, исполнявшего, по существу, функции простого бойца, я впервые превратился в командира взвода, а в тех условиях, может быть, и роты. Впервые пришло настоящее чувство ответственности за людей, которым я заявил, что я их командир.

День 17 сентября оказался не менее тяжелым, чем предыдущий. Помимо того что я рассказал, могу добавить, что 2—3 часа мы удерживали этот рубеж от фашистов и на это время, пусть небольшое, задержали продвижение немцев на Полтаву.

Потом фашистские танки и пехота появились у нас в тылу. Создалась угроза окружения, и нам срочно пришлось отходить на восток, пока еще в эту сторону путь был свободен. В районе Великий Тростянец мы вышли навстречу новому полку, перед которым была поставлена задача остановить продвижение фашистов.

Командир части — капитан в лихо заломленной набок кубанке, выслушав меня, сказал вначале, что готов включить отряд в полк и даже назначить участок обороны. Потом, однако, добавил, что нас не сможет кормить, так как дополнительными фондами не располагает. Это резко меняло положение. Посмотрев на изможденные лица бойцов отряда, давно не получавших горячей пищи, я сказал капитану, что оставляю с подчиненными младшего политрука, а сам пойду искать свой полк: надо ставить на довольствие людей. «Смотри,— напутствовал он меня,— как бы не приняли тебя за дезертира».

Я и сам это понимал, но другого выхода не видел. Взял с собой двоих красноармейцев и отправился на поиски. Южнее Полтавы переправились по пешеходному мостику через Ворсклу. Предъявляли документы, расспрашивали, не знают ли, где находится штаб 199-й стрелковой дивизии. И нашли-таки! Трудно передать, какую радость я испытал, направляясь по указанию одного из командиров к начальнику штаба дивизии.

В небольшой комнате меня встретил коренастый, плотный полковник. Представился ему, доложил о том, чему был свидетелем в последние дни. И в ответ — совершенно неожиданное: «Значит, вы были в окружении? Вот в особом отделе и дадите объяснение». — «Товарищ полковник, не были мы в окружении. В последнем бою враг обошел нас с тыла, вот и пришлось оставить рубеж. Все бойцы выведены из боя без потерь, находятся сейчас на переднем крае с другим полком, но их не ставят на довольствие. Что-то надо делать. Для этого я к вам и пришел». — «В этом и разберется особый отдел». — «В чем должен разбираться особый отдел?» — раздался голос, и в комнату вошел худощавый комбриг. Я знал, что дивизией командует комбриг Аверин. Никогда его раньше не видел, но сразу же подумал, что это он и есть.

Стараясь не волноваться, я доложил обо всех событиях, начиная с боя у станции Кобеляки. Комбриг слушал меня внимательно, пристально смотрел в глаза. Когда я закончил рассказ, он обратился к полковнику: «Ты что же думаешь, ему немцы и свой автомат вручили, чтобы выделялся среди наших? Что-то я такого

не припомню. Словом, отставить особый отдел! А вы, товарищ младший лейтенант, покажите на карте, где сейчас ваша группа. Так, понятно. А вот здесь,— отчеркнул он ногтем село Никольское,— штаб вашего полка. Теперь в нем новый командир — майор Карапетян. Явитесь к нему и доложите, что к вечеру прибывает группа бойцов во главе с младшим политруком. Начальник штаба, пошлите две автомашины для доставки этих людей в 617-й полк.

Как я был благодарен комбригу Аверину! Какой груз он снял с моих плеч! На его доброжелательное: «Можете идти!» — ответил: «Есть!» Козырнул, вышел из дома и зашагал с легким сердцем в Никольское.

Второй раз я встретился с комбригом Авериним через несколько дней, когда наша дивизия и ряд других войск выходили из окружения, попав в него восточнее Полтавы. Для меня это было особенно тяжело, так как за четыре дня до этого я был контужен разорвавшейся миной при разведке одного железнодорожного разъезда. Контузия была легкая, выразившаяся в потере слуха и общей слабости. Через несколько дней слух восстановился, но звон в ухе (травматический неврит) остался на всю жизнь. Первые слова, которые я услышал: «Мы в окружении». Тут же забрал свое оружие и вещи и ушел из медсанбата в свой полк.

В ночь на 26 сентября стали выходить из окружения. Головным был наш полк. Впереди колонны полка шел командир дивизии со своими штабными командирами. Странное и тяжелое было чувство. Лунная ночь. Все хорошо видно. По сторонам от дороги украинские мазанки. Некоторые из них оказались повреждены, а иные и разрушены. На покрытых побелкой стенах тех, что располагались вблизи от дороги, отчетливо виднелись намалеванные красной и черной красками стрелы, номера, знаки, надписи на немецком языке. Разведка и боевое охранение сбились с дороги. Это привело к тому, что наша колона вошла прямо в расположение гитлеровцев.

Их часовой расположился на скирде соломы и, по всей вероятности, спал. Когда же он проснулся, то мы были от него так близко, что хорошо видели, как он ползет без оружия по скирде на четвереньках, и услышали его истошные вопли.

Чуть ли не в упор ударил крупнокалиберный пулемет, но цветастые трассирующие пули от первой очереди пролетели над головой. Похоже, что фашистов мы застали врасплох. Но вот уже застучали автоматы, раздались винтовочные выстрелы. Некоторые из шедших впереди попадали, кое-кто бросился назад. И тут прозвучал уверенный голос комбрига Аверина: «Стойте! Позади — смерть! Товарищи, только вперед! Бейте фашистов! За мной!» Бойцы бросились вперед, стреляя на ходу. Прокатилось дружное «ура». Вот это командир!

Оборона у немцев была прорвана, и войска оказались на территории, занятой противником. Начались новые бои уже небольшими группами с танками, автоматчиками и другими воинскими подразделениями немцев. Все это подробно у меня описано в кни-

ге. Только вечером 27 сентября небольшая группа, которой мне довелось командовать при выходе из окружения, достигла районного центра Максимовка, где собирался 617-й сп.

В боях при выходе из окружения наш полк понес большие потери. Не вышли из окружения комиссар Бондаренко и никто из помощников начальника штаба полка, а их, если не ошибаюсь, полагается четыре. По представлению Сироткина, новый командир полка майор Карапетян назначил меня первым помощником начальника штаба 617-го сп. А еще и месяца не прошло, как я прибыл в полк. Дело не в моих личных качествах, выбор был невелик — погибло много командиров.

В тот же вечер наш полк наскоро пополнили, придали ему двухорудийную батарею 76-мм пушек, посадили всех на машины и отправили в район северо-восточнее Полтавы, где на протяжении 18 км фронт был открыт. Примерно 300 бойцов, да еще по дороге к нам влилось 30 эвакуированных милиционеров. Вот и все наши силы на 18 км. Штаб расположился в с. Милорадово.

В первых числах октября начались бои. Силы были несопоставимы в пользу фашистов. Но мы «огрызались». Прекрасным командиром оказался командир двухпушечной батареи Мищенко. Храбрость в нем сочеталась с расчетливостью и большим умением. Позднее он был награжден орденом Ленина.

Против нас наступала 29-я механизированная дивизия (мд) немцев с танками, мотоциклетными подразделениями и артиллерией. Тактика наша была такая. С утра мы ждали наступления фашистов. Выдвигали вперед пушки, за ночь отрывали окопы, сосредоточивали в них большинство огневых средств и старались нанести как можно больше урона противнику. Так было в селах Милорадово, Великая Рублевка, Колонтаево. А когда появлялись танки (а противотанковых средств борьбы у нас по-прежнему не было, две 76-мм пушки Мищенко — короткоствольные «горняшки»), мы отскакивали до следующего оборонительного рубежа на автомашинах и лошадях. И сразу же принимались рыть окопы, ходы сообщения, «вгрызаться» в землю, зная заранее, что и этот очередной рубеж мы вскоре должны будем оставить. Впрочем, с. Колонтаево мы удерживали несколько дней. Сюда прибыл вновь укомплектованный 617-й сп. Все подразделения, полагающиеся стрелковому полку, были налицо. Помимо стрелковых рот, пулеметные роты, минометные и артиллерийские батареи. Все было, не было только материальной части. Независимо от того, как называлось подразделение, все бойцы и многие командиры были вооружены только винтовками, и даже не всегда исправными. Трудно этому поверить, но это так было.

Поэтому, когда враг вновь перешел к активным наступательным действиям, 617-й сп вновь вынужден был отступать, неся еще большие потери, чем до полученного пополнения. Против нас действовали 239-я и 294-я немецкие пехотные дивизии, поддерживаемые значительным количеством танков. Под их натиском полк с боями отошел на Краснокутск и далее на Богодухов.

По-видимому, из Богодухова я отправил родителям солдатский треугольник, датированный 9 октября. Письмо было лаконичным. «Мои дорогие! С 13 сентября не выхожу из боев, но жив и здоров. Писать мне пока некуда. Как только появится устойчивый адрес, сообщу. Напишите Шуре, что соскучился по ней и дочурке. Целую всех крепко. Женя».

С Богодуховым у меня связано много разных воспоминаний. Это и различные боевые эпизоды, которые частично описаны в книге, это и встреча с командиром кавалерийского корпуса генералом П. А. Беловым, это и начало фронтовой дружбы со своим начальником штаба полка Петром Ивановичем Сироткиным.

Война накатила на Богодухов внезапно, и большинство притихших жителей находились в своих домах. Неожиданно Сироткин предложил: «Составь мне компанию. Слышал, что в соседнем доме есть пианино. Очень хочется поиграть. Пошли вместе». Так я узнал, что Петр Иванович успел до службы в армии закончить музыкальное училище и играл на ряде музыкальных инструментов, в том числе и на пианино.

На деликатный стук в дверь откликнулись две маленькие седенькие старушки, обе в накинутых на плечи пуховых платках. Узнав о цели нашего прихода, пригласили в большую комнату со старинной мебелью и огромными фикусами у окон. Сироткин сел за инструмент, сосредоточившись, словно выступал с концертом перед большой аудиторией, заиграл что-то из классики, а потом перешел на импровизацию. Мы, все трое, слушали его как зачарованные. А сам Сироткин буквально преобразился: расправились нахмуренные обычно брови, широко открылись и заблестели оказавшиеся карими глаза.

Импровизированный концерт продолжался около часа, после чего исполнитель поднялся с круглого стульчика, посетовал, что устали нетренированные пальцы. На прощание гостеприимные, взволнованные неожиданным концертом старушки трогательно благодарили Сироткина за доставленную им радость, просили заходить в любой день и в любое время. Пообещали обязательно прийти завтра, не зная еще, что завтра Богодухов нам придется оставить.

На следующий день утром мы увидели у себя в штабе гостя — старшего лейтенанта, присланного от соседа слева. Старший лейтенант доложил Карапетяну, что их полк успешно продвигается на запад вдоль железной дороги, убеждал майора поднять в атаку и нашу часть. Карапетян спокойно ответил: «Имею приказ старшего начальника оборонять западную окраину Богодухова. Прикажут наступать — будем наступать, но своей властью оставить рубеж не могу». Старший лейтенант уехал, явно раздосадованный. Очень скоро там, где, по его словам, находился штаб соседнего полка, и на нашем переднем крае послышалась перестрелка, вскоре она поднялась у нас в тылу, в самом центре города.

Майор приказал командиру взвода конных разведчиков лейтенанту А. Л. Скрыннику выяснить, в чем дело, а старшему врачу

полка — вывезти раненых на восточную окраину Богодухова. Стрельба в городе постепенно затихла. Воцарилась тишина и на переднем крае. Впечатление такое, что вспыхнувшую перепалку погасил шумевший за окном дождь. Но что же случилось на самом деле?

Ясность внес в штаб лейтенант Скрынник — мокрый, грязный, без головного убора: «Товарищ майор, в Богодухове немцы! Мы прямо в них врзались. Они в мокрых плащ-палатках, так что не сразу разберешь, кто такие. Я понял, с кем имею дело, только тогда, когда моего коня за узду схватили да «Хенде хох!» заорали. Хорошо, забор был рядом — успел прямо из седла перемахнуть через него. Не иначе, как вошли они в город со стороны железной дороги».

Карапетьян, уже надевая фуражку, посмотрел на нас осуждающе, будто мы во всем виноваты: «Вот видите, какое наступление получилось у соседа? Хотел бы знать, кто его надоумил, что для успеха есть хоть малейшие шансы, когда у врага многократный перевес. Ну ладно, теперь вот что: Сироткин, предупредите комбатов об обстановке и передайте, что мы идем к ним. Штабное имущество отправить вслед за нами!»

В январе 1986 г. я получил от Александра Лаврентьевича Скрынника письмо из г. Каменка Черкасской обл., в котором он уточняет, что командовал взводом конных разведчиков временно, будучи артиллеристом, так как тогда 617-й сп своих пушек не имел. В ноябре 1941 г. полк получил пушки и Александр Лаврентьевич перешел на должность заместителя командира батареи нашего полка. В письме — фотография уже пожилого гвардии подполковника с многочисленными орденами, медалями и почетными знаками. Нелегко они достались их владельцу. А. Л. Скрынник прошел всю войну, трижды был ранен и в 1950 г. вынужден был покинуть армию по состоянию здоровья. Но после этого окончил заочно институт и продолжает работать в народном хозяйстве, помогает райвоенкому воспитывать допризывников. Его жизнь и деятельность характерны для моих однополчан, прошедших тяжелые бои 1941—1942 гг. и доживших до победы.

Но вернемся к событиям в Богодухове в октябре 1941 г. 16 октября была предпринята попытка выбить фашистов из города. Несмотря на то что в наступлении участвовал кавалерийский корпус Белова, вернуть Богодухов не удалось. При этом потери в нашем полку были значительные. В тот же день в 21.00 по распоряжению штаба 38-й армии наш полк передал свой оборонительный рубеж на восточной окраине Богодухова подошедшему полку войск НКВД и погрузился на присланные автомашины, которые должны были доставить нас на западную окраину Харькова. В распоряжении указывалось, что полк переходит в резерв штаба 38-й армии.

Тридцать три дня и тридцать три ночи полк находился в боях, в них таяли поступавшие пополнения. Поэтому присланные за нами автомашины шли далеко не загруженными. Следующей

ночью мы прошли через обреченный на сдачу Харьков. Во изменение первого распоряжения остановились на отдых уже восточнее Харькова в районном центре Печенеги.

Сюда приехал член военного совета 38-й армии, бригадный комиссар В. М. Лайок. Он приказал командиру полка майору Карапетяну построить отдельно командиров и бойцов, принимавших личное участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Таких оказалось всего около 200 человек. Член военного совета поблагодарил личный состав полка за мужество, проявленное при выполнении боевых задач, и предложил командованию представить отличившихся бойцов и командиров к наградам.

Командованию 38-й армии стало ясно, что никаким армейским резервом полк являться не может и его воссоединили со 199-й сд, штаб которой находился к западу от г. Купянска в с. Старовровка. На западной окраине села разместились штаб 617-го сп, а его подразделения — в прилегающих деревнях. Здесь мы встречали 24-ю годовщину Великого Октября. Здесь же и узнали, что в дивизию прибыл новый ее командир полковник В. В. Давыдов-Лучицкий.

Итак, после Октябрьского праздника комбриг Д. В. Аверин покинул 199-ю сд и был направлен в Оренбургскую область, где сформировал 196-ю сд. Под его командованием эта дивизия вела бои с немецко-фашистскими войсками на подступах к Сталинграду. 196-я сд вместе с другими нашими войсками оказалась в окружении западнее Калача-на-Дону. И вновь, как в 1941 г. под Полтавой, комбриг Д. В. Аверин взял командование окруженными войсками на себя. На этот раз получилось не так удачно, как в 1941 г. Коммунист, служивший в 19 лет кавалеристом-разведчиком в составе 1-й Конной армии Буденного, комбриг Д. В. Аверин погиб смертью храбрых 7 августа 1942 г. Тело отважного командира покоится близ хутора Плесистов Волгоградской области. Эти и многие другие подробности о жизни Дмитрия Васильевича мне стали известны от его дочери Августины Дмитриевны, которая много сделала для увековечивания его памяти и обнародования истории 199-й сд. Я еще раз низко кланяюсь покойному комбригу за все, что он сделал, отстаивая назависимость своей Родины.

Полковник Всеволод Владимирович Давыдов-Лучицкий был не только достойным преемником комбрига Аверина, но и сам по себе ярким, героическим командиром, участником боев в Испании, отмеченным за них орденами. Но дело не только в этих биографических подробностях. Таким он показал себя на войне за то недолгое время, когда ему пришлось командовать 199-й сд. В моем представлении это бесстрашный командир, который требовал такого же поведения и от своих подчиненных.

7 ноября 1941 г., в день 24-й годовщины Великого Октября, командир, комиссар и начальник штаба полка уехали в подразделения, чтоб поздравить их личные составы с праздником, а в штабе для текущей работы остался я один. Распахнулась дверь, и вошли

двое военных в белых полушубках и шапках-ушанках. Знаков различия на воротниках полушубков, естественно, не было, но по всему угадывалось начальство, поэтому я встал из-за стола, представился и спросил, кто они. Рослый человек с открытым, волевым лицом, сильно окая, ответил: «Я ваш новый командир дивизии, полковник Давыдов».

Я доложил командиру дивизии о численном составе и вооружении полка. Выслушав, он приказал передать майору Карапетяну, чтобы тот немедленно явился в штаб дивизии. Попрошался и ушел. Вот это была первая, пока еще ничего не говорящая, встреча с новым командиром дивизии.

К тому времени на нашем участке фронта обстановка изменилась: немецко-фашистские войска, выйдя на рубеж р. Северский Донец и захватив плацдарм к востоку от нее в районе Коробочкино, Волчий Яр, приостановили наступление. По данным разведки и рассказам гражданских лиц, выходивших с оккупированной врагом территории, фашисты переоборудовали большие здания под казармы, создавали оборонительные рубежи и, похоже, собирались отсиживаться за ними до весны. Разрыв между расположением противника и нашим составлял тогда несколько десятков километров. Большая территория оказалась ничейной.

Вечером 7 ноября после возвращения майора Карапетяна от командира дивизии ясно стало, что полковник Давыдов будет делать все возможное, чтобы не дать спокойно «отсиживаться» противнику. По-видимому, и сам командир дивизии на этот счет получил соответствующие распоряжения. Но его приказ нас озадачил. Полк (в то время численностью строевых подразделений увеличился ориентировочно до 400 человек) должен был вместе с приданной ему артиллерийской и минометной батареями в течение 8 и 9 ноября совершить марш из Староверовки на райцентр Шевченко и далее на с. Коробочкино, овладев которым, выйти на р. Северский Донец в районе Чугуева, форсировать реку, захватить и удерживать плацдарм на ее западном берегу.

Никаких соседей ни справа, ни слева не предполагалось. Отсутствовали данные о противостоящих нам силах врага, характере его обороны. Но сами мы располагали сведениями о том, что в Коробочкино стоит крупная немецкая часть, что в центре села помещается штаб этой части, а в прилегающих деревнях расквартированы его подразделения.

Приказ был, мягко говоря, трудновыполнимым. И не только потому, что наши силы и силы немецких фашистов опять были несопоставимы, но еще и потому, что за два дня надо было преодолеть как минимум 70—80 км по осенним размокшим черноземным дорогам, когда сапоги еле выдираешь из грязи. Но приказ есть приказ, и его надо выполнять. Узнав ближе полковника Давыдова, думаю, что, отдавая такой приказ, он исходил из своих личных возможностей. Думаю, что он был уверен, что все это надо и можно сделать.

8 ноября полк с приданными подразделениями выступил на Шевченково. В 2—3 км впереди двигалась пешая полковая разведка.

Тут, наверное, нужно внести ясность в одно обстоятельство. Дело в том, что второй помощник начальника штаба по разведке (ПНШ-2) лейтенант И. С. Березовский был тяжело контужен еще до моего прибытия в полк. Он очень просил не отправлять его в тыловую госпиталь, а так как относились к нему в полку уважительно, ему пошли навстречу: Березовский продолжал числиться в должности ПНШ-2, но на самом деле находился то в полковой медсанчасти, то в каких-то других лечебных подразделениях. Поэтому на меня были возложены еще и обязанности ПНШ-2. Честно говоря, мне казалась более живой и увлекательной организация разведки, чем, скажем, составление ежедневных боевых донесений и тем более написание боевого пути полка.

Поэтому довольно много времени я проводил у разведчиков, и, оказывается, они считали меня за своего прямого начальника. Это я узнал только в 1986 г. из письма Сергея Ивановича Абросимова, который в 1941—1942 гг. был солдатом-разведчиком и воевал «под моим командованием». Далее в письме он меня называет ПНШ-2. Не могу не сказать, что С. И. Абросимов закончил войну в Австрии, в звании гвардии лейтенанта, был дважды ранен и контужен; после войны работал он в г. Коркино-2 машинистом электровоза, а с 1976 г. на пенсии.

Вот и тогда, 8 ноября С. И. Абросимов был в группе разведчиков, обнаруживших западнее Шевченково первых немецких солдат. Их было немного, пять человек. Они пригнали женщин на картофельное поле, чтобы те копали для гитлеровцев картошку. Бойцы разведки скрытно, по оврагу, подошли к охране на близкое расстояние и открыли огонь. Трое были убиты, двое подняли руки. Услышав выстрелы, Сироткин и я верхом поскакали вперед и вскоре были на месте происшествия. Перед нами стояли два перепуганных немца без шинелей в своих куцых мундирчиках мышиного цвета.

В детстве, по настоянию мамы, я изучал два года немецкий язык со старушкой-учительницей. Моя учительница не хотела зря получать деньги и требовала от меня учить слова, грамматику и вообще делала все, чтобы я освоил язык. А я ныл дома, что все ребята как ребята играют во дворе, а мне вот надо учить еще немецкий, помимо школьных уроков. Это надоело маме, и она сказала: «Хорошо, не хочешь изучать немецкий, не будем зря деньги платить, у нас их немного. Но только, когда вырастешь, меня не ругай».

Я вырос и часто вспоминал эти мамины слова. Ругал только самого себя. Тогда, в ноябре 41-го у нас в полку еще не было переводчика. Татьяна Сергеевна Смирнова, которая упоминалась раньше, приехала к нам позднее. Пришлось мне вспомнить немецкий язык. И оказалось, что я могу объясниться с пленными. Они понимали меня, и я их тоже, когда они говорили медленно

и «простыми» словами. Выяснилось самое главное, что в с. Коробочкино и прилегающих деревнях находится 297-я пехотная дивизия немцев. Она перешла к обороне и собирается зимовать на этом рубеже. А их послали убирать картофель с помощью местных жителей, так как немецкая разведка поблизости русских войск не обнаружила. Освобожденные разведчиками женщины-колхозницы подтвердили эти показания и сообщили еще много ценных сведений, особенно о том, как можно скрытно подойти к тому или иному населенному пункту.

• Меня заинтересовало, почему немцы не мерзнут в своих мундирчиках на пронзительном ноябрьском ветру. Мы были одеты в шинели, телогрейки, и то было холодно. Не надеясь на свои знания немецкого языка, я стал расстегивать у ближайшего пленного курточку. Тот страшно испугался, решив, что его хотят расстрелять. У нас и в мыслях этого не было. А бледный солдат бормотал: «Я не немец, я австриец, я рабочий, социал-демократ, у меня пятеро детей». Под курточкой оказались четыре шерстяные женские кофты, грязная рубашка и везде полно вшей. Я обратился к солдатам: «Смотрите, ребята, от кого мы отступаем все на восток и на восток. Вот она вшивая немецкая грабармия».

Солдаты хмуро смотрели и молчали. Думаю, что эта наглядная агитация быстро разнеслась по полку. Этому случаю я большого значения не придал и не возражал, когда редактор исключил этот эпизод из рукописи. Но вот совсем недавно я прочитал рассказ Евгения Воробьева «Каждая пядь земли» в книге «Маршал Жуков: Каким мы его помним» (М.: Политиздат, 1988. С. 169, 170). Он вспоминает фразу Г. К. Жукова, сказанную в октябре 1941 г.: «Вшивая армия — факт знаменательный. Запишите его в журнал боевых действий: историкам пригодится». И в соответствии с этим в журнале боевых действий 9-й гвардейской стрелковой дивизии появилась такая запись. В ней говорилось, что пленный оберфельдфебель 10-й танковой дивизии (тд) «имеет массу вшей». А я вот не понял тогда, да и позднее, что «вшивая армия — факт знаменательный». Просто было противно и самому стыдно, что отдаем свою землю и, главное, советских людей не каким-то могучим арийцам, а вшивым грабителям. Этим двум повезло — война для них кончилась в ноябре 1941 г.

Тем временем поднянулась к нам и колонна. Командир полка, ознакомившись с полученными разведкой данными, принял решение выбить фашистов из селений, расположенных на пути к Коробочкино. Сопrotивление врага, встретившего нас лишь ружейным огнем, оказалось незначительным, он явно прошляпил подход полка. Жаль, конечно, что некоторым из оккупантов удалось на повозках или бегом удирать от возмездия, но сам факт панического бегства врага вызвал и у бойцов, и у командиров приподнятое настроение.

Заночевали мы в небольшом поселке Булацеловка. Дом, где остановилось командование полка, находился на берегу большого пруда, по другую сторону которого темнел густой лес.

Поздно вечером я выслал группу разведчиков во главе с сержантом с задачей подойти вдоль железной дороги как можно ближе к Коробочкино, определить характер и расположение позиций, а по возможности и численность вражеского гарнизона. Несмотря на сложность задания, оно было выполнено успешно: противника разведчики обнаружили в нескольких километрах от нас, в районе железнодорожного разъезда Бурлуцкий. Бойцы так близко подошли к его расположению, что разглядели в темноте четыре замаскированных танка. Поскольку враг теперь наверняка знал о нашем продвижении, а у него здесь была целая дивизия, то с большой степенью вероятности утром можно было ожидать контратаки.

Так оно и вышло. На рассвете при поддержке танков гитлеровцы двинулись на Булацеловку. Бой длился несколько часов. Мы видели, как падали вражеские солдаты, бежавшие по полю в обход поселка прямо на позиции наших артиллеристов и минометчиков. Но и наши подразделения под массированным вражеским огнем несли большие потери. После четырех часов боя стало ясно, что гитлеровцы нас обходят и вот-вот отрежут пути к отступлению. Только тогда командир полка приказал отходить.

К тому времени обстановка сложилась так, что штаб полка мог отходить только по тонкому льду пруда, к тому же простреливавшемуся пулеметным и минометным огнем. Но другого выхода не было. Прошли мы по пружинившему под ногами льду уже больше половины пруда, когда Сироткин открыл свою планшетку, проверил ее содержимое и как-то неестественно спокойно сказал: «А я забыл карту». Повернул и пошел обратно, именно пошел: бежать по тонкому льду нельзя было, к тому же повсюду зияли воронки от мин. Я двинулся вслед за ним.

Подшли к дому, где недавно размещался штаб, успели заметить, что напуганные недавней близкой перестрелкой хозяева выглядывали из погреба. К дому была приставлена лестница, на которой сидели белые, все до одной, куры. Когда мы поравнялись с лестницей, издали раздалась пулеметная очередь, куры с кудахтаньем разлетелись в разные стороны, а одна, на глазах перекрашиваясь в красный цвет, забилась на земле. Возьми пулеметчик чуть пониже — и вместо курицы лежал бы один из нас, а может быть, и оба...

Сироткин выскочил из дома со словами: «На столе лежала», и мы снова бросились к пруду. Перешли через пруд, который на этот раз не обстреливался, пересекли лесок на склоне оврага и вышли на большое поле. Далеко, очень далеко маячили фигурки отходивших бойцов. Значительно ближе к нам был противник. Всего метрах в 300—400 к югу от нас в том же направлении двигалась колонна фашистов. Несколько раз обстреляли нас из миномета — заставили полежать в грязи. Но, видно, не захотели выделять группу захвата, которой пришлось бы пересекать бездорожное, набухшее от дождей черноземное поле. Мы сами себе

скомандовали: «Шире шаг!» — и расстояние между нами и немцами стало увеличиваться.

Шли вдвоем. Шли и разговаривали. Стали рассказывать друг другу о своих семьях, о себе. Как-то незаметно перешли на «ты»: «Петя», «Женя» вместо «товарищ лейтенант», «товарищ младший лейтенант». Вот так наша дружба с Петром Ивановичем Сироткиным, зародившаяся в Богодухове, оформилась окончательно, на всю жизнь.

Впереди показалось с. Василенково. Как только мы подошли к его окраине, начался артналет немцев на этот населенный пункт. Били по квадратам. Опять пришлось залечь в канаву. А когда артналет закончился, Сироткин говорит: «Ну, вот немцы нам и подтвердили, что мы пришли к себе в полк. Наверняка его остаток в этом селе. Фашистам стало это известно, они и устроили артналет. Дали салют в честь нашего воссоединения с полком».

Прошли метров 200. Школа. Вошли. И первый, кого мы встретили, был командир полка Карапетян: «А вот начштаба со своим ПНШ. С картой?» — «С картой, товарищ майор, с картой. На столе лежала», — подтвердил Сироткин.

Устроились мы на квартиру вместе с Сироткиным в одном доме. И с этого времени всегда и жили вместе, и старались поесть вместе, и продолжали учиться воевать вместе. А жизнь на фронте подвергается опасности не только в бою, можно погибнуть и во время затишья. Расскажу о двух предметных уроках, которые мы получили.

Однажды выбил наш полк гитлеровцев из небольшого поселка, расположенного западнее Шевченково, в непосредственной близости от железной дороги Купянск — Чугуев. Разместили в одном из домов штаб полка, но так как там постоянно толпились люди, то ночевать мы устроились в стоявшей несколько на отшибе небольшой хатке, привлекая тем, что ее хозяйева отвели нам довольно широкую, да еще и застеленную чистым бельем кровать. Около дверей поставили часового, с удовольствием разделись и нырнули под одеяло. Засыпали мы тогда мгновенно, стоило только голове коснуться подушки или предмета, ее заменявшего.

Где-то среди ночи нас разбудила перестрелка, и тут же бухнул чуть ли не под самыми окнами одиночный выстрел. Быстро оделись, выскочили на улицу. Первое, что увидели, был лежавший шагах в пятнадцати от хатки немецкий солдат с зажатой в руке гранатой на длинной рукоятке.

Произошло же вот что. У полотна железной дороги, проходившей в нескольких десятках метров от окраины поселка, выставляли на ночь один из постов боевого охранения. Сержант — командир отделения комендантского взвода — провел туда трех бойцов. На подходе к посту остановился, прислушался. Что-то показалось ему подозрительным, и он, приказав бойцам оставаться на месте и быть начеку, направился к часовому, выставленному у нашей хатки, чтобы и его предупредить о необходимости усилить осмотрительность. Не успел к нему подойти, как услышал в стороне,

где оставил своих бойцов, оклик: «Стой, кто идет?» — и сразу же автоматные очереди, винтовочные выстрелы, а несколькими секундами позже — приближавшийся топот ног бегущего человека.

Сержант, опытный фронтовик, тут же упал на землю, приготовился к стрельбе из винтовки. И вовремя: из темноты на него буквально выскочил здоровенный гитлеровец с автоматом на груди и поднятой для броска ручной гранатой. Выстрел почти в упор сразил фашиста наповал.

Обо всем этом и рассказал нам сержант, вернувшийся вскоре после того, как выяснил, что же произошло на посту. Мы как раз закончили осмотр убитого и были удивлены, что на его мундире отсутствовали какие-либо знаки различия, а главное, не нашли в карманах ни одной бумаги, ни одного документа. «Там, — заметил сержант, указав в сторону железной дороги, — красноармейцы еще одного такого же шлепнули. У него тоже — ни погон, ни документов. Не иначе как диверсионная группа».

Вполне возможно, что так и было. Когда завязалась перестрелка, один из диверсантов, считая, что его в темноте не заметят, побежал к нашей, отдельно стоящей хатке, чтобы бросить в окно гранату и уничтожить спящих в ней командиров. Если бы не бдительность сержанта, наша жизнь с Петром Ивановичем на этом и кончилась бы, без всякого боя.

На войне нужна выдержка. Сдадут нервы — и может случиться непоправимое. Был такой случай. Приехали мы с Сироткиным в д. Базалеевку, расположенную на берегу Северского Донца. Там держал оборону один из батальонов нашего полка, которым командовал старший лейтенант Поляков. Это была горячая точка. В 3—4 км в населенном пункте Анновка-Лебяжье, тоже находящемся на берегу Северского Донца, проходил передний край обороны немцев. Оборона у них была серьезная — несколько рядов колючей проволоки с различными сюрпризами, перед проволокой и между ее рядами противопехотные минные поля, огневые точки с постоянно дежурившими пулеметчиками.

Наша оборона была значительно слабее. К западу от Базалеевки было поле, заминированное противопехотными и противотанковыми минами. На окраине деревни были выставлены часовые в белых масккостюмах, которые сливались со снегом и белыми мазанками. За полем в сторону немцев вдоль Северского Донца тянулись песчаные дюны, поросшие сосной, где находилось боевое охранение батальона.

Цель приезда начальника штаба полка и его помощника была проверить, как несет службу боевое охранение батальона. Приехали мы к Полякову неожиданно, около 11 часов вечера. Решили, что пойдем в боевое охранение вчетвером: Сироткин, Поляков, я и командир взвода пеших разведчиков, хорошо знавший проход через минное поле.

Командир взвода не стал надевать на себя масккостюма. На вопрос Сироткина: «Почему?» — ответил: «А у меня полушубок

белый». Петр Иванович критически осмотрел его и бросил: «Белый-то он белый, да грязный очень». Но этим и ограничился.

Выйдя из деревни, пошли в таком порядке: командир взвода, Сироткин, я, комбат. Ночь лунная, ясная. Не доходя до минного поля, увидели, как со стороны Северского Донца поднимается группа, человек 10—12, тоже в белых масках, идут уверенно и как бы отрезают нас от Базалеевки. У каждого мелькнула мысль: «Немецкая разведка». Сироткин опустился на одно колено, мы трое легли в снег. Сироткин тихо: «Без моей команды не стрелять». Идущие тоже нас увидели и тоже залегли. От основной группы отделилось три человека и стали перебежками нас «окружать» справа и слева. Их вооружение нам видно: автоматы и винтовки.

У Петра Ивановича был автомат ППШ, у комвзвода винтовка СВТ, у комбата и у меня пистолеты. Кроме того, выезжая на передовую, я всегда клал в карман две гранаты Ф-1. Сироткин предупредил меня: «Смотри, сам подорвешься». Но я продолжал их таскать, и они и на этот раз тоже были со мной. Достал, положил на снег и решил их бросить, как только откроется стрельба: одну в центральную группу, другую в «левую» тройку, которая была ко мне поближе.

Раздался удивительно спокойный голос Сироткина: «Стой. Кто идет? Пропуск». Молчание. Потом правильно произносится пропуск. Сироткин называет отзыв. Поднимается с колена, идет к центральной группе. Мы за ним. Все вместе собираемся. Поляков узнает своих бойцов во главе со старшим сержантом, которые, отдежури в боевом охранении, возвращаются в Базалеевку. Комбат в резких выражениях стал высказывать своим подчиненным все, что он в этот момент о них думал: «Как вы смели нарушить приказ? Вы что, не знаете, что в боевое охранение и обратно можно проходить только по тропе, по которой мы шли. Еще минута — и мы перестреляли бы друг друга. За это судить надо».

Старший сержант из боевого охранения оправдывался: «Товарищ старший лейтенант, тропу на минном поле снегом перемело. Мы испугались, что можем подорваться, и спустились к Северскому Донцу, чтобы обойти минное поле, а здесь уже без опаски поднимались. Вы нас увидели, а мы только одного человека заметили. Вот его — комвзвода разведчиков — и решили обязательно живым взять». Сироткин засмеялся: «А я-то вас хотел похвалить за храбрые действия, оказывается, не за что хвалить. Одного в грязном полушубке увидели, а троих рядом с ним не заметили. Ну и ротозей».

Не знаю, чем закончился бы наш разговор, как вдруг в райцентре Печенеги, на другом берегу Северского Донца, у фашистов началась ружейно-пулеметная стрельба, рвались гранаты. Было ровно 24.00. Петр Иванович скомандовал: «Все бегом в Базалеевку, по своим местам. Это наш сосед пытается захватить Печенеги. А нас не поставили в известность. Надо срочно доложить командиру полка». Мы бросились в штаб батальона. Доложили майору Карапетяну. Он связался с командиром дивизии и перезвонил нам

в батальон. Приказал: «Удерживать свои рубежи, ни в коем случае в бой не вступать». Ясно, что в штабе дивизии боялись, что если мы ослабим оборону Базалеевки, немцы тут же сумеют овладеть ею. Операция по захвату Печенег закончилась неудачно.

Я потом часто вспоминал рассказанный эпизод, и мне становилось страшно. Страшнее, чем было в бою. Только выдержка Сироткина нас спасла от большой неприятности. Первый же выстрел с любой стороны мог привести к непоправимой беде. Плохо, если бы нас убили собственные бойцы, но было бы еще более ужасно, если бы мы остались живы и сами застрелили бы своих собственных солдат. Военный трибунал справедливо приговорил бы нас к расстрелу. И еще можно было сделать один вывод: на войне «мелочей» не было и не могло быть. Ну, подумаешь, «грязный полубок». Ну, подумаешь, обошли минное поле, вместо того чтобы идти по тропе через него. Эти «мелочи» могли привести к неминуемой трагедии.

Хочу вернуться по времени назад, к нашему приходу с Петром Ивановичем Сироткиным в Василенково. В школе, где мы встретили майора Карапетяна, разместился штаб 617-го сп. Именно сюда прибыл посыльный с приказанием от комдива 199-й сд немедленно явиться командиру и комиссару полка на КП дивизии. Карапетян приказал мне взять карту с обстановкой и ехать вместе с ними. Поехали верхом. Посыльный показывал нам дорогу на КП. Он располагался в домике железнодорожного обходчика, находившегося в 3—4 км от райцентра Шевченко, который захватила 297-я немецкая пехотная дивизия.

По-видимому, немецкой разведке это было известно, потому что и сам домик, и прилегающая к нему территория все время находилась под артиллерийским обстрелом, и только по случайной случайности не было прямого попадания. Несмотря на это, полковник Давыдов вел себя совершенно спокойно, делая вид, что ничего необычного не происходит. Поздоровавшись, он задал вопрос: «Сколько штыков в вашем 617-м?» — «Примерно 100», — ответил Карапетян. «Ну и хорошо. Поднимайте полк и двигайтесь на Петровку, — Давыдов указал на карте поселок в 3—4 км к северу от Шевченко. — Поведет вас вот этот товарищ. Ему можно полностью доверять».

Только тут мы заметили сидевшего в темном углу мужчину средних лет в гражданской одежде. «Он хорошо знает Шевченко, покажет, где лучше ворваться в него с севера. Гитлеровцев там немного, но отдельные заставы постарайтесь пройти незаметно. Полк разделите на две группы, — продолжал полковник. — Первую возглавите вы, майор, вторую — комиссар полка. Задача первой группы: скрытно подойти к штабу вражеской дивизии и уничтожить его; второй группы — атаковать батарею тяжелых орудий и вывести все их из строя. Завершить задание до 5 часов утра».

Про себя я подумал, ну, теперь уж отвоевались. Может быть, мы и войдем в Шевченко. Но еще до подхода к штабу дивизии

или к батарее нас, конечно, самих уничтожат. Приказ, с моей точки зрения, был невыполним. И несмотря на это, никакого чувства протеста или возмущения не возникало. Не знаю почему, но у меня была уверенность, что если бы Давыдов мог, имел бы право, это сделать, он не колеблясь попытался бы сам выполнить то, что задумал.

Ночью в километре от Шевченково нас догнал верховой посыльный и передал Карапетяну пакет. Тот вскрыл его и при свете фонарика прочитал: «Свой приказ о действиях в Шевченково отменяю. Полку принять участие в общем наступлении на Шевченково в 5 часов по сигналу: три красные ракеты. Задача — наступать правее железной дороги, овладеть элеватором. Комдив 199-й Давыдов».

В 5 часов утра подразделения полка при поддержке артиллерии пошли в атаку. Вскоре, почти не встретив сопротивления, они вышли к элеватору, где отбивалась попавшая в окружение группа вражеских автоматчиков. Все они были уничтожены. В нашем полку в этом бою больших потерь не было, получили ранения лишь несколько человек.

В третий и последний раз я встретился с полковником В. В. Давыдовым 31 января 1942 г., когда получал первый в своей жизни орден — орден Красной Звезды. Вручали нам, бойцам и командирам 617-го сп, ордена и медали в штабе дивизии. Для этого сюда специально приехал член военного совета 38-й армии, бригадный комиссар В. М. Лайок.

Бригадный комиссар В. М. Лайок выступал спокойно, говорил проникновенно, искренне, для каждого награжденного находил теплые слова. Мне он сказал примерно следующее: «Поздравляю с высокой наградой. Особенно рад, что вручаю орден не младшему, как сказано в приказе, а уже старшему лейтенанту. Желаю дальнейших боевых успехов».

Запомнилось короткое выступление полковника Давыдова, который подчеркнул, что мы теперь не просто бойцы, командиры и политработники Красной Армии, но еще и орденосцы. А орден, медаль на груди обязывают быть примером для всех, кто воюет в рядах Красной Армии против гитлеровского фашизма.

Награждение отметили, конечно, в полку. По этому поводу был устроен небольшой концерт самодеятельности. Оказалось, что Сироткин прекрасно играл не только на пианино, но и на баяне. Под его аккомпанемент, лихо приплясывая, пела звонким голосом частушки одна из наших радисток — Марина Фаустова.

После войны я очень долго ничего не знал о ее судьбе, и вдруг весной 1979 г. услышал по телефону веселый голос: «Евгений Михайлович, здравствуйте! Это я, радистка 617-го полка, помните, вы меня еще Чижиком звали?» И сразу же из глубины памяти всплыл образ невысокой, светловолосой, никогда не унывающей девушки, которую я когда-то действительно называл Чижиком. Это она вместе со своей фронтовой подругой переводчицей Татьяной Сергеевной Смирновой под вражеским обстрелом вплавь пере-

правлялась через р. Оскол. Таким же способом Марине Георгиевне пришлось форсировать и Дон. Во время Сталинградской битвы она была ранена. И вот теперь узнал, что Марина вышла замуж за бывшего командира артиллерийской батареи Александра Филипповича Воронова.

В середине февраля 1942 г. меня вызвали в штаб дивизии и приказали немедленно выехать в штаб 38-й армии. Приехал в отдел кадров штаба армии и сразу получил нахлобучку: «Где вы пропадали? Эшелон отходит через 2 часа. Вы направляетесь в Воронеж, в учебный центр Юго-Западного фронта. Будете там учиться на начальника штаба полка». Получил документы, написал коротенькую записку Сироткину и передал ее ординарцу. Доехали мы с ним до железнодорожной станции г. Купянска, разыскали эшелон, идущий на Воронеж, а в нем теплушку для комсостава.

Вернулся я к себе в дивизию 29 мая, но, к сожалению, не в свой родной полк, а для службы в самом штабе дивизии в должности помощника начальника оперативного отделения.

Полковника В. В. Давыдова я уже на застал в живых, он погиб 8 марта 1942 г. Комдив приехал в наш полк, ознакомился с обстановкой, после чего решил пройти на наблюдательный пункт (НП), который располагался на ветряной мельнице, стоявшей на бугре неподалеку от пос. Василенково. В светлое время суток добираться туда было слишком рискованно, ибо идти надо было по ровному, простреливаемому противником полю. Да и сама мельница не раз подвергалась артиллерийским налетам. Однако этим доводам командира полка Давыдов не придал особого значения и от своего замысла не отказался.

Вместе с полковником, естественно, пошли командир и комиссар полка, адъютанты, связисты. Образовалась группа людей, которая не могла не привлечь внимания противника. Когда они уже находились около мельницы, немцы дали залп из минометов. Услышав свист мин, все бросились на землю. Все, кроме Давыдова, который, как бы раздумывая, стоит ли кланяться вражеским минам, медленно опустился на одно колено, оперся о землю рукой. Мины взорвались. Все остались невредимы, и только один осколок попал прямо в сердце комдива. Похоронили полковника В. В. Давыдова в г. Купянске. А недавно на месте его гибели благодарные советские люди воздвигли обелиск.

Статью автор назвал «Так было в начале войны». В ней рассказана лишь небольшая часть событий, которые пришлось пережить и мне, и моим однополчанам. Но, думается, читатель поймет, какая тяжесть легла на плечи тех, кто защищал свою Родину в 1941 г. Это и отсутствие должного вооружения у Красной Армии, и большое численное превосходство фашистов над нами, и растерянность некоторых командиров (я имею в виду командование 38-й армии в 1941 г.) и отсутствие должного боевого опыта у многих командиров от полков до взводов. Отсюда большие и бесславные потери в начале войны. Отсутствовал даже соответствующий учет этих потерь. Формулировка «пропал без вести» стала привыч-

ной, и никто ответственность за нее не нес. А сколько горя она приносила семьям, ее получавшим. Тяжелым грузом она лежит на сердцах у многих. Когда была опубликована книга «За строкой фронтового письма», ко мне стали поступать письма, начинавшиеся примерно так: «Мой отец пропал без вести в 1941 г., он воевал примерно в тех местах, где были и Вы. Пожалуйста, если знали его или у Вас есть какие-то соображения, как он мог пропасть без вести, напишите». Я считал своим долгом ответить на каждое письмо, но, увы, лишь пытался успокоить его автора общими словами.

Величие советского народа состоит в том, что он под руководством Коммунистической партии и Верховного Главнокомандования сумел уже к началу боев 1942 г. изменить соотношение между боеспособностью немецкой и своей армий. Красная Армия все больше и больше получала современного вооружения (пушки, автоматы, противотанковые ружья и др.). Мы с радостью наблюдали, как новые наши истребители ЛА-5 сбивают немецкие «мессершмитты». Появились и новые командующие фронтами и армиями. Возрос боевой опыт всех командиров, поднялась их теоретическая подготовка. Можно смело утверждать, что через год после начала войны, к июню 1942 г., Красная Армия стала другой. Известно, что летом 1942 г. немцы смогли наступать только на юге нашей страны, стремясь захватить Кавказ и Сталинград.

В июне—июле 1942 г. мне пришлось опять пережить горечь отступления. Но оно было другим по сравнению с 1941 г. Не было или, точнее сказать, было очень мало каких-то подразделений, групп, блуждающих, не зная, где немцы, где свои, что надо делать, почти не было панических слухов, хотя фашисты делали многое для того, чтобы они появились. Как правило, от рубежа на другой рубеж обороны отходили по приказу вышестоящего командира и часто без соприкосновения с противником. Немцы намереваются зайти в тыл оборонительного рубежа. Их танки выполнили поставленную задачу, «окружили». А оказывается, что окружили пустую территорию, а оборонительный рубеж, где действительно находятся наши войска, расположен уже восточнее.

Танковые клинья фашистов при активной поддержке авиации разрезали наши армии, дивизии и даже полки. И несмотря на это, отдельные части, подразделения упорно пробивались на юго-восток к Дону. Естественно, что все опасались боев в окружении, но не было перед ним такого страха, как в 1941 г. Колонны немцев наступали, придерживаясь больших дорог, расстояние между которыми обычно было несколько десятков километров. Встречались такие наши подразделения, которые двигались в «промежутках» между немцами и в ночное время серьезно их беспокоили.

Я имею право обо всем этом писать потому, что прошел с боями из-под Чугуева до станицы Нижнечирская на Дону. До железнодорожной станции Чертково 199-я сд отходила организованно. В арьергарде находился 617-й сп, командиром которого стал П. И. Сироткин. В районе Черткова танки противника нанесли удар по дивизии с севера и востока. Дальнейший отход стал возмо-

жен только отдельными полками и отрядами. Я, например, был в составе отряда, который возглавил наш дивизионный инженер, подполковник, фамилию которого я, к сожалению, сейчас не помню.

Было у нас несколько десятков бойцов и три автомашины, обеспеченные горючим. Наш отряд был одним из тех, кто двигался между немецкими колоннами. Иногда возникала очень острая обстановка, но в конце концов мы приехали на Нижнечирскую переправу с пленными и документами убитых фашистов.

Полки и подразделения 199-й сд переправлялись через Дон в самых разных местах от Калача до Новочеркаска. Командование и часть штаба дивизии находились севернее Сталинграда в г. Фролово. Здесь и был получен приказ о расформировании дивизии. Собрать ее оказалось сложнее, чем сформировать новую. И в то же время бойцы и командиры были срочно необходимы для пополнения частей 62-й армии, которая за Доном вела бои с противником.

Меня направили в разведотдел штаба 1-й танковой армии, который через несколько дней был переименован в штаб Юго-Восточного фронта. По мере развития военных действий название его менялось на Сталинградский, затем на Южный и последнее — 4-й Украинский. Горжусь, что мне пришлось принимать участие в сражении за Сталинград, по окончании которого командование сочло возможным отметить меня орденом Отечественной войны II степени. Все это более или менее подробно описано в опубликованной книге.

28 июня 1943 г. я был тяжело ранен, оказался в госпитале в Баку. И лишь в конце октября 1943 г. вернулся в Москву инвалидом II группы. Московский университет принял бывшего солдата. Еще до войны у меня были выполнены экспериментальные исследования по кандидатской диссертации. Ходить на костылях было трудно. И мои товарищи по кафедре регулярно привозили мне из библиотеки необходимую литературу. Особенно мне хочется поблагодарить за это Марию Николаевну Кагнер. Она и другие мои коллеги помогли мне после войны сразу же включиться в научную работу. В 1944 г. я уже защитил кандидатскую диссертацию.

В этом рассказе в силу ограниченности его объема и этапа рассматриваемой моей жизни я, к сожалению, не мог назвать многих моих друзей, с которыми я был тесно связан до войны, во время войны и после ее окончания и которые ушли уже из жизни. В первую очередь я хочу назвать Владимира Ивановича Пеутина, Степана Сидоровича Андреевко, Марка Николаевича Заславского, Григория Абрамовича Зильбера, Петра Ивановича Сироткина, Виктора Васильевича Титова. Это благодаря дружбе с ними я, как мне кажется, и воевал нормально, и добился некоторых успехов в работе в послевоенное время.

Много ушло из жизни и однополчан. Но ежегодно я получаю много писем от людей, которые интересуются Великой Отечественной.

Сергеев Евгений Михайлович родился 23 марта 1914 г. в г. Москве. В 1940 г. окончил МГУ. С 1953 г.— профессор, заведующий кафедрой грунтоведения и инженерной геологии (с 1954 г.), проректор МГУ (1964—1978 гг.), ректор Академии народного хозяйства Совета Министров СССР (1981—1986 гг.), член-корреспондент АН СССР (с 1966 г.), академик (с 1979 г.). Награжден орденами Ленина (1967, 1984 гг.), Октябрьской Революции (1974 г.), Отечественной войны I (1985 г.) и II (1943 г.) степени, Красной Звезды (1941 г.), Трудового Красного Знамени (1961, 1977, 1980 гг.) и медалями СССР, двумя Государственными премиями СССР и Ленинской премией.

*К. П. Сидоренко*¹

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ СИДОРЕНКО

А. В. Сидоренко родился 19 октября 1917 г. в с. Новониколаевка Старобельского уезда Харьковской губернии (ныне Меловский район Ворошиловградской области) в семье сельского фельдшера.

В 1931 г. семья Сидоренко переезжает в г. Воронеж, где через год А. В. Сидоренко поступает на рабфак Воронежского государственного университета, а в 1934 г.— на геологический факультет этого университета. Еще в студенческие годы он опубликовал первые минералогические статьи об арагоните из Алушты и о продуктах выветривания анапайта из Железного Рога на Таманском полуострове. После окончания 4-го курса А. В. Сидоренко получил предложение совмещать учебу с работой ассистентом на кафедре минералогии. Через год после получения диплома с отличием он поступил в аспирантуру к профессору С. П. Попову, ученику В. И. Вернадского.

Успешно начатая работа над кандидатской диссертацией была прервана войной. В воскресенье 22 июня 1941 г. А. В. Сидоренко был в университете, где оформлял документы по защите диссертации своего друга М. С. Точилина, прошедшей накануне. В полдень в гулких пустынных помещениях бывшего кадетского корпуса, где размещался геологический факультет, его нашла жена К. П. Сидоренко и рассказала о том, что началась война. Уже через полчаса они были в фотоателье, битком набитом народом. Никто не знал, что будет впереди. Утром 23 июня А. В. Сидоренко с вещами ушел в военкомат, а через несколько дней ненадолго появился дома уже в военной форме. Их часть формировалась в пригороде Воронежа в пос. Масловка. В тот же день они сфотографировались еще раз всей семьей. На следующий день лейтенант А. В. Сидоренко и его отец военврач Василий Иванович Сидоренко ушли на фронт.

После непродолжительной учебы в составе 8-й резервной армии А. В. Сидоренко становится командиром взвода разведки 23-го

¹ Калерия Петровна Сидоренко — вдова Александра Васильевича Сидоренко.

Александр Васильевич Сидоренко
(1917—1982)

артиллерийского полка, а затем командиром отдельной штабной батареи 1-й Гвардейской армии, участвовавшей в обороне Сталинграда.

В 1942 г. на Сталинградском фронте А. В. Сидоренко вступает в ряды КПСС. За проявленную храбрость в боях с немецкими захватчиками А. В. Сидоренко был представлен к ордену Красной Звезды, но получил его только в 1951 г., так как в декабре 1942 г. в боях за Сталинград был тяжело ранен и контужен. Через несколько недель его семья получила похоронку, которая, к счастью, оказалась ошибочной. А. В. Сидоренко в это время был в госпитале, откуда затем его выписали инвалидом II группы с пе-

ребитым локтевым суставом правой руки и тяжелой контузией. О возвращении в действующую армию на фронт не могло быть и речи, и его направляют на преподавательскую работу в г. Энгельс, где в то время располагалось 1-е Ленинградское орденов Ленина и Красного Знамени артиллерийское училище. Однако эта работа была ему не по душе, и при очередном врачебном осмотре А. В. Сидоренко подал рапорт о демобилизации.

Необходимо сказать, что к этому времени А. В. Сидоренко связался с бывшим деканом геологического факультета ВГУ профессором Г. П. Горшковым, работавшим в эвакуации директором Геологического института Туркменского филиала АН СССР. По его приглашению А. В. Сидоренко уехал в Ашхабад, где работал до 1950 г. сначала старшим научным сотрудником, а затем заведующим отделом полезных ископаемых этого института.

Его научная деятельность в этот период была неразрывно связана с нуждами промышленности. Изучая гидротермальные месторождения барита, виверита, ртути, полиметаллов, он сумел набросать стройную картину последовательности гидротермальных выделений, установить связь месторождений и их отдельных фаз с геологическими структурами. Его работа позволила дать прогноз дальнейших поисков ценного минерального сырья, а также по-новому пересмотреть вопрос о перспективах Западного Копетдага.

Эти исследования завершились в марте 1945 г. защитой кандидатской диссертации, которую инвалид Великой Отечественной войны написал левой рукой. А 5 мая 1945 г. ему вручили медаль «За оборону Сталинграда».

В 1945 г. А. В. Сидоренко приступил к изучению минералогии и геохимии пустынь. В это же время он преподает в Ашхабадском педагогическом институте, а также работает консультантом Туркменского геологического управления, где организует и проводит ряд важнейших экспедиций по спецтематике.

В 1950 г. А. В. Сидоренко назначается заместителем председателя президиума Кольского филиала АН СССР, а с 1952 г. — председателем президиума этого филиала. В 1952 г. он успешно защитил докторскую диссертацию, а в 1953 г. избирается членом-корреспондентом АН СССР.

С 1953 до 1961 г. научные интересы А. В. Сидоренко связаны с изучением геологической истории Кольского полуострова, с исследованием древних кор выветривания и литологии докембрийских метаморфических толщ. Как председатель президиума Кольского филиала АН СССР, А. В. Сидоренко много делает для освоения природных ресурсов Севера и комплексного использования природного сырья. Наряду с научной работой он большое внимание уделяет строительству научного городка в Апатитах. В Кольском филиале АН СССР под его руководством за короткий срок создано несколько научно-исследовательских институтов. Кольский филиал превратился в крупный научный центр Академии наук СССР.

В 1962 г. А. В. Сидоренко назначается министром геологии и охраны недр СССР. Период работы А. В. Сидоренко руководителем геологической службы характеризуется существенным укреплением минерально-сырьевой базы страны. За это время усилиями геологических коллективов открыт, разведан и подготовлен к освоению ряд новых нефтегазовых и рудных районов.

А. В. Сидоренко уделяет много внимания решению научно-организационных вопросов, укреплению лабораторно-производственной базы институтов, развитию новых перспективных направлений исследований в системе Министерства геологии СССР, широкому внедрению достижений науки в производство геологоразведочных работ.

Усилены связи с АН СССР; начиная с 1972 г. проводятся совместные работы Министерства геологии СССР и АН СССР по десяти важнейшим научно-техническим проблемам, решен ряд организационных вопросов, направленных на ускорение научно-технического прогресса в геологии. В частности, было начато сверхглубокое бурение на Кольском полуострове.

Наряду с большой организаторской работой А. В. Сидоренко много внимания уделяет изучению геологии докембрийских формаций. В 1966 г. научные и научно-организаторские заслуги А. В. Сидоренко отмечены избранием его в действительные члены АН СССР. В 1975 г. Общее собрание Академии наук СССР избирает А. В. Сидоренко вице-президентом и председателем секции наук о Земле президиума АН СССР. Большую научно-организационную работу А. В. Сидоренко продолжает совмещать с интенсивными научными исследованиями, направленными на решение фундамен-

тальных проблем геологии. В 1976 г. А. В. Сидоренко избирается президентом Всесоюзного минералогического общества.

А. В. Сидоренко — один из известнейших за рубежом советских геологов, почетный член академий наук Венгрии, ЧССР, Финляндии, Краковской горно-металлургической академии и Французского минералогического общества и т. д.

Александр Васильевич Сидоренко трагически погиб 23 марта 1982 г. в автомобильной катастрофе.

А. В. Сидоренко был награжден тремя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени и Красной Звезды, а также 19 медалями.

А. Т. Суслов

В ДИВИЗИИ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ

В грозные дни июня 1941 г. ВКП(б) поставила перед партийными организациями задачу: создать в кратчайшие сроки московские формирования народного ополчения.

Битва за Москву началась для нас уже с июля месяца. Наша 12-я Москворецкая дивизия народного ополчения недолго экипировалась под Малоярославцем, затем действовала в составе Западного фронта в районе Ельни, Рославля...

Мы не были простачками. Военное дело нам было знакомо и по работе в стрелковых кружках ОСОВИАХИМ, и по стажировке в воинских частях по окончании высшей допризывной подготовки. Требовалось уметь воевать.

Для того чтобы победить, нужно было прежде всего избавиться от мирного восприятия жизни, преодолеть некий психологический барьер, не позволяющий быстро, почти автоматически, не задумываясь и не дожидаясь свинцового дождя автомата, выстрелить и уничтожить фашиста, как быстро бы он ни появлялся.

Хорошо оснащенная, тренированная в процессе легких побед при порабощении почти всей Европы армия убийц, вторгшаяся в нашу страну, во многом имела преимущества.

В эти суровые дни начала войны, в тяжелой для Родины военной обстановке требовалось воевать и учиться воевать. Нужно было, чтобы Л. А. Кулик, известный исследователь метеоритов, стал старшиной саперной роты, чтобы Э. Фришанфельд, кандидат наук, исследователь вилюйских соленосных отложений, стал командиром отделения и парторгом роты. Также необходимо было и мне, аспиранту Института геологических наук АН СССР, невоеннообязанному, взяться за оружие и стать помкомвзвода, научным сотрудником И. М. Шумилу, В. К. Здравомыслову, Ф. В. Андрееву и многим, многим москвичам взяться за автоматы и грудью преградить продвижение врага.

Нагло и самоуверенно держались первые плененные нами немцы образца 1941 г. Но они получили уже первые уроки под Ельней и Смоленском и с нескрываемым ужасом рассказывали, как наша артиллерия и первые, редкие тогда еще «катюши» перемешивают этих ожидающих легкую победу солдат с землей. Они уже познали стойкость солдат и силу советских пушек и начинали понимать, какая монолитная сила — армия и народ — стояла перед ними. Уроки были предметными.

В ожесточенных боях с 10 июля по 8 августа войсками Западного фронта немцы были разгромлены под Ельней, был ликвидирован так называемый ельнинский выступ. Было оставлено продвижение немецких войск под Смоленском, и затем с 21 по 31 июля они были отброшены на 60 км.

К началу августа был сломлен наступательный прорыв немецких войск и группа армии «Центр» на всем западном направлении перешла к обороне. До конца сентября фронт стабилизировался. Сильно поредевшие наши части с приданными им танками, орудиями и также поредевшими другими кадровыми подразделениями были направлены в глубокий тыл для реформирования.

К концу сентября немцы при огромном преобладании танков, самолетов и живой силы прорвали фронт и рванулись к Москве. У горящего, занятого немцами г. Спас-Деменска, который мы обстреливали из орудий и обогнули в ночном марше, мы приняли бой с мотомеханическим заслоном немцев. Немногие из нас пробились сквозь этот заслон. Был ранен и, попав в плен, погиб Л. А. Кулик, погибли И. М. Шумилов, В. К. Здравомыслов, Ф. В. Андреев и многие, многие другие. Они честно выполнили свой воинский долг и внесли свою лепту в дело грядущей победы. Пробившиеся продолжали двигаться на восток по проселочным лесным дорогам Смоленщины, выбивая немцев из мелких узловых пунктов. Это был тяжелый марш. Линию фронта мы перешли лишь между Можайском и Дороховым.

В процессе проверки и формирования новых маршевых рот и батальонов специалисты Академии наук СССР были отозваны для работы в Комиссии по мобилизации ресурсов на нужды обороны.

Аркадий Тимофеевич Суслов
(1907—1979)

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Суслов Аркадий Тимофеевич (1907—1979) в системе Академии наук СССР начал работать в 1935 г. В 1939 г. поступил в аспирантуру Института геологических наук АН СССР. В 1941 г. ушел добровольцем в народное ополчение. По возвращении в институт в 1946 г. защитил кандидатскую диссертацию и работал научным сотрудником. С 1949 по 1950 г. был ученым секретарем ИГН АН СССР. В 1950 г. А. Т. Суслову совместно с членом-корреспондентом АН СССР А. Г. Бетехтиным была присуждена премия президиума АН СССР. В 1956 г. на два года Суслов А. Т. был командирован для работы в качестве советника по геологии металлических месторождений в Институт геологии АН Китая. По возвращении и до выхода на пенсию в 1976 г. А. Т. Суслов работал старшим научным сотрудником Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии. Награжден медалью СССР.

В. В. Тихомиров

НА ЛЕНИНГРАДСКОМ ФРОНТЕ

Предвоенные годы. Осенью 1932 г. я поступил на геологическое отделение Азербайджанского индустриального института в г. Баку, где в этот период подобралась плеяда очень сильных преподавателей, умевших привить интерес к широкому комплексу геологических дисциплин. Среди них были профессора М. В. Абрамович, В. В. Богачев, А. З. Визирзаде, М. Ф. Мирчинк, И. А. Преображенский, С. М. Романов, доценты А. И. Шишкина-Богачева, К. А. Ализаде (ныне действительный член Академии наук Азербайджана) и др. Наряду со специальными предметами в те годы высоко было поставлено преподавание военного дела, точнее, высшая вневойсковая подготовка, когда студенты в течение трех зимних периодов изучали артиллерийскую специальность. В 1933 и 1934 гг. на протяжении летних месяцев мы проходили практику в артиллерийских частях, во время которой вполне прилично освоили конное дело, а также стрельбу из 76-мм горных орудий и 120-мм гаубиц. Умение владеть лошадьми нам очень пригодилось в период полевых геологических исследований, которые у нас начались с лета 1933 г. и проводились систематически сразу же после окончания боевой военной подготовки. Отпуском мы никогда не пользовались и с поля возвращались, как правило, в середине октября, т. е. с большим опозданием к началу занятий, но это не мешало нашему обучению.

Окончил я институт в июне 1938 г., успешно защитив диплом, посвященный геологии меловых отложений Малого Кавказа. Двумя годами раньше я сдал государственный экзамен по военному делу и получил звание среднего командира по специальности «конно-горная артиллерия». После окончания института я был направлен в Азербайджанское геологическое управление на должность инженера-геолога.

В мае 1939 г. я узнал, что командиры запаса, имеющие высшее образование, могут переучиваться на летную специальность, и подал заявление в райвоенкомат. Медицинское освидетельствование было очень строгим, и сперва меня забраковали из-за диагноза «невроз сердца». Но я приложил много энергии, чтобы доказать свою пригодность, ссылаясь на то, что годом ранее я совершил восхождение на Казбек (5070 м выше уровня моря) и имею соответствующее удостоверение и значок альпиниста. Тогда меня послали в Бакинский военный авиационный центр для испытания в барокамере, в которой вместе со мной находился врач, проверявший мою реакцию на высоту. В процессе этого испытания врачу сделалось дурно, а для меня все окончилось благополучно, и я был включен в группу командиров запаса, направленную в г. Армавир. Там в течение двух месяцев мы проходили штурманскую подготовку и бомбометание, летая на тяжелых 4-моторных самолетах ТБ-3 конструкции А. Н. Туполева и на легкомоторном У-2 конструкции Н. Н. Поликарпова.

Этот учебный биплан широко применялся в аэроклубах, получивших большое распространение в предвоенные годы. Во время войны он был преобразован в ночной бомбардировщик и выполнял функции разведчика, осуществляя также задание по связи между войсками и с партизанами, транспортировке с передовой в тыл раненых и многие другие задачи военного характера. Об этом самолете будет мною рассказано и дальше, но пока я добавлю лишь то, что одной из его исключительно полезных особенностей являлась возможность производить посадку и взлет с совершенно неприспособленного для этой цели поля, в связи с чем самолет стали полунасмешливо, но любовно именовать «кукурузником», а к концу, особенно в официальной прессе, его с почтением называли по имени конструктора — По-2. За время обучения и последующих испытаний мне в личное дело записали 20 летных часов и присвоили звание младшего лейтенанта по специальности летчик-наблюдатель, т. е. летнаб, что соответствовало штурману начальной квалификации.

Летом 1941 г. я был назначен начальником геологосъемочной партии и отправился в Конагкендский район, расположенный в северо-восточной части Азербайджана, для картирования в двухсот-

Владимир Владимирович Тихомиров
(р. 1915).

Снимок сделан в октябре 1943 г.
в с. Рыбцаккое под Ленинградом

тысячном масштабе этой высокогорной, сильнопересеченной части Главного Кавказского хребта. В селение Конагкенд мы приехали на грузовой автомашине утром 21 июня и расположились в заранее снятом доме. А на следующий день, в воскресенье, в 6 часов утра мы группой из трех человек выехали верхом в первый маршрут. Весь день мы ехали в пределах почти полного бездорожья, ориентируясь по карте в незнакомой местности, не встречая по пути ни селений, ни даже отдельных людей. Около 8 часов вечера, совершив большой круговой маршрут, мы возвратились в Конагкенд и были поражены неожиданным шумом и большой толпой, собравшейся на базарной площади. Тут впервые мы узнали о начале войны.

Первые месяцы войны. Сотрудники геологической партии, возглавлявшейся мной, в ту же ночь занялись составлением описи казенного имущества, с тем чтобы сдать его на хранение в райисполком, а я на рассвете 23 июня выехал верхом на ближайшую железнодорожную станцию Хачмас, чтобы возвратиться в Баку. На железной дороге уже возникли первые военные осложнения — билеты на станции не продавались и большинство поездов не останавливались, а пассажиров не выпускали на перрон. Поэтому я обошел станцию, а когда проходил очередной поезд, а шел он на относительно небольшой скорости, я на ходу ухватился за прицепной крюк и уселся на буфер платформы, расположенной в хвосте поезда. Эта платформа была по краям заставлена шпалами и мешками с песком, огораживавшими зенитные пулеметы, у которых расположились солдаты. Все эти необычные для мирного времени детали свидетельствовали о том, что уже на 2-е сутки после начала войны были приняты первые серьезные меры предосторожности против возможного воздушного налета. Поезд шел довольно быстро и почти без остановок, так что примерно за 3 часа я этим способом добрался до Баку и прямо с вокзала отправился в военкомат, который окружала большая толпа военнообязанных, как и я, считавших, что они должны немедленно явиться для отправки на фронт. Но оказалось, что это не так. Мобилизация уже началась, но шла она без паники и в определенном порядке. Я ходил в военкомат на протяжении нескольких дней подряд, пока мне не сказали, что я должен ожидать специального распоряжения.

Через некоторое время выяснилось, что, согласно приказу Верховного Главнокомандующего, военнообязанных запаса ВВС (Военно-Воздушных Сил) следовало пока не призывать до пополнения материальной части нашей авиации. Это прежде всего было вызвано тем, что в первые несколько суток войны противник разбомбил большинство аэродромов, на которых располагались наши передовые авиационные части, так что фактически большое количество самолетов оказались уничтоженными или поврежденными, даже не успев принять участие в первых боях.

В первые месяцы по возвращении в Баку я активно участвовал в ночных дежурствах на крыше здания Азгеолуправления и в сооружении довольно примитивных укреплений вокруг города.

К сентябрю выяснилось, что на Баку, несмотря на важное стратегическое значение окружавших его нефтяных промыслов и работающих нефтеперегонных заводов, враг налетать не рискует, очевидно, имея в виду хорошо организованную противовоздушную оборону. Поэтому дежурства на крышах отменили и объем работ по сооружению укреплений вокруг города сильно сократился. Благодаря этому я получил возможность вновь перейти к геологическим изысканиям, проводившимся в относительной близости от Баку, с тем чтобы можно было явиться в военкомат по первому вызову. Сначала мне были поручены поиски и разведка формовочных материалов для обеспечения большого металлургического завода, который был целиком переключен на выпуск фронтовой продукции. Этот завод до войны получал привозной формовочный материал издалека: кварцевый песок из Подмосковья (Люберцы), глину из Донбасса. Но с начала войны оказалось, что подобные дальние перевозки явно нерациональны, и их тут же прекратили. В течение трех недель мне удалось найти поблизости от Баку месторождения глины и кварцевого песка. После проведенных испытаний завод оценил их как высококачественный формовочный материал и стал разрабатывать эти месторождения своими силами.

Постепенно моих сослуживцев по Азгеолуправлению призывали в армию, и всякий раз я вновь обращался в военкомат, но безрезультатно, поскольку всегда встречал один и тот же ответ со ссылкой на приказ о сохранении летного состава. Стали призывать и девушек, которых направляли в зенитную артиллерию и в аэро-статные заграждения. Мы из Азгеолуправления их торжественно провожали, а я все время чувствовал себя особенно неудобно, тем более что как секретарь парторганизации Азгеолуправления, которым я был с марта 1941 г., я выступал с теплыми напутственными речами и особенно ярко представлял себе, как это неприлично выглядит, что здоровый молодой мужчина провожает в армию девушек, а сам остается в тылу. Я вновь и вновь стал обращаться во все более высокие инстанции: городской и республиканский военкоматы и в соответствующие партийные комитеты, но долго все оставалось по-старому.

В начале 1942 г. меня направили на рекогносцировочный обзор ртутных месторождений Южного Дагестана. В тот период это полезное ископаемое было крайне необходимым, так как в каждом патроне, артиллерийском снаряде и mine обязательно имелся взрыватель, в котором находилась капелюшка гремучей ртути, без чего снаряд не взрывался. А военная судьба сложилась в то время таким образом, что главные ртутные месторождения мира оказались в руках противника и среди них не только знаменитая испанская залежь, но и советское Никитовское месторождение. Ни в Америке, ни в Англии, ни в СССР больше почти не было других залежей ртути. И тогда вспомнили о старинных кавказских разработках, и я посетил районы селений Хпек и Хив в Дагестане. Там уже шла кустарная, очень примитивная разработка, причем на ней были заняты почти одни только женщины. В довольно длин-

ных, глубоких и крайне примитивных штольнях они ломали и кирками отбивали куски песчаника, содержавшего мелкие включения киновари и самородной ртути. Куски песчаника наваливали в деревянные ящики и впрягшись в веревочные постромки тащили их по длинной штольне к выходу. Снаружи располагалось старинное устройство типа большой железной реторты, в которую насыпались обломки ртутьсодержащего песчаника. Реторта закрывалась и подогревалась в огне костра. Изогнутый в «хобот» конец реторты был отведен вниз и опущен в чан с холодной водой, который служил сосудом, где пары ртути превращались в жидкий металл, переливавшийся затем в бутылку. Два раза в сутки удавалось добыть таким способом по пол-литра чистой металлической ртути, и специально выделенный всадник отвозил такую бутылку за 90 км к ближайшей железнодорожной станции, где передавал ее военному представителю, отправлявшему этот крайне необходимый тогда военный груз по соответствующему назначению.

Во время этого путешествия я познакомился с профессором Дмитрием Ивановичем Щербаковым, впоследствии известным академиком, приезжавшим на Кавказ с той же целью, что и я. Я срочно вернулся в Баку и составил отчет, на основании которого в ближайшие месяцы Азгеолуправлением была направлена специальная партия на ртуть.

Вскоре мне сообщили, что, учитывая мои неоднократные заявления и рапорты, поступило распоряжение направить меня на политработу в авиацию. Начинался новый этап моей жизни, и теперь, оглядываясь назад, можно подвести некоторый итог того, что было мною сделано в первый период войны. За работу, выполненную в течение 11 месяцев, истекших от начала войны до ухода в армию, я впоследствии был удостоен медалями «За оборону Кавказа» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», которые были мне вручены уже после окончания войны.

Подготовка к отправке на фронт. В конце мая 1942 г. я в составе небольшой группы выехал через Сталинград в Саратов, где меня зачислили слушателем в эвакуированное туда Смоленское военно-политическое авиационное училище. Так началась, наконец, моя военная служба. Но это еще было далеко не фронт, куда я стремился, боясь, что опоздаю к концу войны. Путь на фронт оказался еще более длинным, чем я того ожидал.

В Саратове располагалось несколько различных военных училищ: кроме того, в которое зачислили меня, были танковое, саперное и стрелковое. Обращали на себя внимание крупные, здоровые ребята в военной форме, отличавшиеся тем, что имели длинные, нестриженные волосы и большие лохматые бороды. Это были курсанты, подготавливавшиеся к отправке за линию фронта для партизанской деятельности.

В августе в училище отобрали слушателей, имевших высшее образование, и в том числе меня, для того чтобы отправить эту группу еще дальше на восток в башкирский городок Белебень, где тогда находилась Военно-политическая академия им. В. И. Ленина. Там я был зачислен на воздушный факультет, при котором

функционировали курсы РПАД (работников политотделов авиадивизий).

Только в конце октября 1942 г., когда я сдал экзамены по окончании курсов, выпускников РПАД послали в Москву, где разместили в помещении, расположенном на Донской улице, недалеко от крематория. Там ныне находится Университет дружбы народов им. П. Лумумбы, а тогда был резерв старшего политсостава РККА. Здание было хорошо радиофицировано, и в течение всех суток периодически раздавалась команда с вызовом в штаб того или иного резервиста за назначением в ту или иную фронтную часть. Первые дни все обитатели каждой комнаты (примерно по 12—18 человек) при включении репродуктора вскакивали и внимательно вслушивались в перечислявшиеся фамилии, но затем, постепенно привыкнув к напрасному ожиданию, поняли, что вызов будет неожиданным, а требующегося офицера всегда быстро найдут. Жизнь в резерве текла однообразно. Подъем был в 7 часов утра, и сразу же мы выходили на физзарядку, заключающуюся в основном в пробежке от здания резерва до Даниловского рынка и обратно, т. е. протяженностью немногим более 1 км. Эта зарядка проводилась без гимнастеров и рубашек, несмотря на то, что уже с начала ноября лежал снег и температура по ночам опускалась до -20°C . Однако никто не простудился.

В резерве наряду с кадровыми военнослужащими находилось много лиц, призванных из запаса или выписавшихся из госпиталя после легкого ранения. Эти три группы заметно отличались одна от другой, особенно по обмундированию. Кадровики были заметны своей выправкой и хорошо подогнанными по фигуре гимнастёрками, а также подчас хромовыми сапогами; вышедшие из госпиталя обычно носили на груди маленькие красные полоски, свидетельствовавшие о ранении, и имели валенки, сохранившиеся у них с фронта, а лица, недавно призванные из запаса, к числу которых относился и я, первые недели пребывания в резерве носили летние хлопчатобумажные костюмы, пилотку, солдатские ботинки с обмотками и новую, но часто не подогнанную по росту солдатскую шинель. Надо сознаться, что вид у меня не был достаточно бравым. Однако к середине декабря мне выдали шапку-ушанку, яловые сапоги и даже перешили шинель, так что облик стал вполне офицерским.

Периодически нас посылали для проведения бесед в госпиталях, и однажды мне пришлось побывать в палате, где лежали тяжело раненные девушки, у некоторых из них были ампутированы руки или ноги. Это производило крайне тяжелое впечатление и до сих пор не стерлось из моей памяти.

В конце декабря 1942 г. во время киносеанса, который проводился в клубном зале каждый вечер, вдруг я услышал свою фамилию и, тут же явившись в штаб, получил назначение, предусматривавшее выезд немедленно на Ленинградский фронт.

По пути в Ленинград. Короткий зимний день переходил в тусклые сумерки, когда я подошел к перрону Ярославского вокзала,

чтобы сесть в поезд, направлявшийся окольными путями в сторону Ленинграда. Октябрьская железная дорога в то время бездействовала, так как на весьма значительном отрезке к северу от Калинина и почти до пригородов Ленинграда она была перерезана войсками противника и находилась по другую сторону фронта. Поэтому добираться в город на Неве приходилось с востока, в объезд Волховского фронта, через район пос. Кобона, расположенного на берегу юго-восточной части Ладожского озера, откуда начинался знаменитый ледовый путь, известный и ныне под названием Дорога жизни, через озеро в Ленинград.

Выехал я из Москвы не то 29, не то 30 декабря 1942 г. После проверки документов я вошел в вагон, где уже было почти темно, но народу оказалось по тем временам еще сравнительно немного, и в первом же отсеке я заметил совершенно свободную третью полку, служившую обычно для вещей, а в тот период являвшуюся вполне подходящим местом, где хотя и нельзя было сидеть, но можно было довольно удобно устроиться лежа, а главное, там было теплее, чем на других полках, причем на нее не мог уже больше претендовать никто другой. Это свободное место я не раздумывая занял и тут же взобрался наверх. Через короткое время полностью стемнело, и в вагон уже не проникал никакой свет, тем более что стекла из большинства окон оказались выбитыми и вместо них была прибита фанера. Только некоторые случайно уцелевшие стекла были крест-накрест оклеены широкими полосами синей бумаги, что в какой-то мере предохраняло и от взрывной волны, и от проникновения наружу света из вагона.

Вагон продолжал наполняться пассажирами, среди которых преобладали военные, но изредка входили и гражданские люди; как правило, на них было несколько слоев различных теплых, но обычно изрядно заношенных вещей. Определить, что это за люди, было совершенно невозможно, и я подумал, что это какие-то командированные.

Зашла проводница и зажгла фонари, вмонтированные над дверью каждого из отсеков вагона. В этих примитивных осветительных устройствах уже давно не было электрических лампочек, а стояла маленькая коптилка, служившая когда-то, по-видимому, основанием керосиновой лампы, но была она без всякого стекла. И все же в вагоне стало светлее, уютнее и как бы теплее. Появилась возможность рассмотреть пассажиров. В это время, весело разговаривая, в вагон вошли два 18—19-летних парня, одетых в чистое, совершенно новое обмундирование с «кубиками» на защитных петлицах шинели. Сразу можно было определить, что это младшие лейтенанты, только что выпущенные из военного училища, отправляющиеся по назначению. Один из них сказал: «Пойду поищу свободное место» — и двинулся в глубь вагона, а второй осмотрел все занятые полки первого отсека и вдруг с решительным видом обратился к человеку, лежавшему на второй полке непосредственно под местом, где устроился я: «А ну-ка, давай слезай и не занимай места, спать будешь у мамки на печке, а я еду на фронт!» Лежавший, ничего не говоря, слез, взял свой малень-

кий вещевого мешок, меховую шапку, которые были у него под головой, и тулупчик, которым он укрывался, а бравый лейтенант тут же занял освободившуюся полку. Согнанный с места был мальчик лет 13, одетый в стеганый ватный костюм защитного цвета, которые обычно носят люди, работающие на открытом воздухе. На нижней полке уже сидели четыре человека. Непосредственно у окна — какой-то давно небритый солдат, ехавший, как видно, из госпиталя домой на долечивание, рядом с ним — грузноватый бородатый мужчина в поношенной крестьянской одежде и в военных, по-видимому немецких, ботинках, далее на той же скамье сидели еще двое военных с петлицами, но без знаков различия. Противоположная сторона этого полкупе не имела полок, так как она была стеной небольшого закрывающегося помещения, предназначенного для мирное время для проводников. Узкий проход между глухой стенкой с левой стороны и занятыми пассажирами полками, располагавшимися справа, был лишь частично заполнен. У окна с маленьким столиком, перед которым сидел первый из упомянутых солдат, на полу в его ногах лежал небольшой вещмешок, с неясным содержанием, а рядом, там же на полу, прижавшись к глухой стенке, сидела бедно одетая худенькая девушка лет 17—18. Остальное место на полу было пока свободно, и мальчик, только что освободивший вторую полку, сел в ногах бородатого мужчины и через короткое время задремал.

Вскоре вагон наполнился до отказа и все проходы были забиты сидевшими или полулежавшими людьми. Поезд двинулся и пошел с короткими остановками в северном направлении, продвигаясь по малопонятному маршруту, по-видимому, в стороне от магистрали, по второстепенным путям, проходившим главным образом через леса. Около 2—3 часов ночи издалека с левой стороны по ходу поезда стали доноситься глухие выстрелы. Первое время они были редкими и, по-видимому, очень далекими, но затем их можно было слышать все чаще и более отчетливо. Очевидно, поезд проходил где-то не слишком далеко от линии фронта.

Ночью коптилка выгорела, и в вагоне стало совсем темно. Все пассажиры спали или дремали в тех неудобных позах, в которых они сидели. Под утро проводница вновь подлила керосин в коптилку, и она частично осветила наш отсек. Я стал свидетелем довольно комичного случая. Сидевший в углу у окна небритый солдат положил руку на плечо девушке, расположившейся у его ног, и, поглаживая ее, постепенно расстегнул ее стеганую рабочую курточку и намеревался продвинуться дальше. Я полагал, что девушка осадит и пристыдит его, но она повернулась к солдату лицом и даже несколько подвинулась ближе. Это выглядело странным. Девушка как бы в рассеянности дергала тесьму, которым был увязан вещевого мешок, стоявший в ногах солдата, а он, в свою очередь, увлекшись худенькой шейкой девушки, пытался проникнуть дальше. Я объяснил все это тем, что солдат, как видно, ехавший на побывку домой после ранения и долгое время проведенный в госпитале, истосковался по женской близости. Однако спустя еще несколько минут девушка резко отодвинулась и обернулась в сторону. Тут солдат,

взглянув на свой мешок, поднял громкий крик, ругая девушку на чем свет стоит и обвиняя ее, что она съела весь хлеб из его вещмешка. Этим-то и объяснялась терпеливость голодной девушки и наивная невнимательность солдата. Большинство свидетелей инцидента даже развеселились. Но если подумать, то ситуация была далеко не смешной, ведь она свидетельствовала о тяжелом голодном пайке, на котором находилась вся страна в эту вторую военную зиму. Данное обстоятельство особенно остро затронуло таких лиц, как одинокая скромная девушка и раненый солдат, находившихся в поезде, идущем в прифронтовой полосе, где ничего нельзя было приобрести, даже за большие деньги.

Около 9 часов утра, когда забрезжил слабый зимний рассвет, поезд, уйдя довольно далеко от Москвы, замедлил ход, с тем чтобы остановиться где-то на разъезде, названия которого не было видно на станционном здании. Бородатый мужчина разбудил мальчика, сказав ему: «Пора, одевайся!» Оба они надели свои полушубки и шапки, на которых отчетливо были видны косо расположенные красные полосы. Мужчина помог мальчику надеть его небольшую вещевую сумку, надел сам такую же, затем от стенки койки, где он сидел, достал два прикрытых прежде и потому незаметных немецких карабина, один из которых он дал мальчику. Бородатый пожелал всем дальнейшего счастливого пути и, заметив, что проснулся младший лейтенант, устроившись на второй полке, откуда он вечером согнал мальчика, сказал, обращаясь к нему: «Вот ты хорошо поспал, хотя еще неизвестно, когда тебе придется воевать. А парень, которого ты прогнал, просидел всю ночь на полу, а сейчас будет ползти под обстрелом через линию фронта. Еще три дня назад его вместе с другими партизанами приветствовал товарищ Сталин, а товарищ Калинин лично вручил ему орден и пожал руку. Ведь этот мальчик уже имеет на своем счету 14 уничтоженных фрицев». Поезд остановился, и оба наших спутника вышли из вагона.

Тогда я сообразил, что это были двое из большого числа тех партизан, которые недавно сложными путями добрались из различных районов оккупированной территории и участвовали в кремлевском совещании, о чем на минувшей неделе появилась краткая информация в центральных газетах. Теперь все они с новыми силами возвращались обратно для продолжения своей исключительно тяжелой и опасной борьбы, а наш поезд снова двинулся вперед, и примерно еще через сутки, т. е. 1 или 2 января 1943 г. (точно не помню), ранним солнечным утром я высадился из вагона близ станции Кобона. Одновременно из других вагонов вышли еще три офицера, направленные из того же резерва, откуда послали и меня. По званию они были старше меня и, как видно, уже давно служили в кадровых авиационных частях. Мне же, несмотря на несколько месяцев предварительного обучения на специальных курсах, о чем я уже говорил, нового звания еще не присвоили, и я все еще продолжал оставаться младшим лейтенантом.

Первые впечатления на Ленинградском фронте. Из Кобоны предстояло добираться к месту назначения в Ленинград по уже

к тому времени прославленной Дороге жизни, проходившей по льду Ладожского озера. Эта дорога, впервые начавшая функционировать в январе 1942 г. и растаявшая к весне, теперь была возобновлена. По ней циркулировали знаменитые в те годы полуторки с санными прицепами, возившие в осажденный город вооружение и продовольствие, а в обратном направлении — раненых, детей, больных и изможденных стариков, проработавших в голодном Ленинграде в течение первых 16 месяцев блокады. Ледовый путь функционировал круглосуточно, но проезд по нему был чрезвычайно опасен, так как проходившие машины обстреливались из немецких орудий, располагавшихся в 8—12 км от ледовой трассы, в устье Невы, близ крепости Шлиссельбург.

В этой юго-западной части Ладожского озера гитлеровцы в первой декаде сентября 1941 г. полностью замкнули по суше кольцо окружения на подступах к великому городу и создали там на холмах и в торфяных болотах исключительно мощные и почти непреодолимые укрепления, где сосредоточили большое количество хорошо вооруженных войск, снабженных новейшими минометами, а также дальнобойной и зенитной артиллерией. Дорога и особенно автомашины, кроме обстрела с суши, постоянно подвергались бомбардировке с воздуха.

Расстояние от Кобоны до мыса Осиновец, расположенного на западном берегу Ладоги, куда выходила трасса, составляло примерно 30 км. Небольшая группа офицеров, в составе которой находился и я, после проверки документов получила распоряжение немедленно двигаться по Дороге жизни в направлении на Ленинград, используя по возможности попутный транспорт. Комендант оформил на всю группу общее направление, являвшееся пропуском, и выдал его старшему по званию. Мы вышли в путь около 9 часов утра, когда только начался короткий северный день. Было ясно, солнечно и морозно; видимость была прекрасной, чем и пользовались фашисты, обстреливая передвигающийся транспорт. Мне удалось устроиться поверх груза, лежащего на санях, прицепленных к одному из грузовиков, и благодаря этому передвижение происходило относительно быстро. Машина то замедляла, то по возможности ускоряла ход и лавировала, стараясь проскочить зоны обстрела.

Первые впечатления были не из приятных, но когда я заметил, что по пути время от времени попадают девушки, одетые в полушубки, валенки и шапки, с винтовкой за спиной, спокойно указывавшие флажками путь машинам в объезд очередной большой полыньи, образовавшейся от только что разорвавшегося немецкого снаряда или авиационной бомбы, то мне стало неудобно за чувство страха, которое появилось у меня в первые минуты пути. Я стал наблюдать за девушками, которые совершенно спокойно и даже весело перебегали к каждой вновь образовавшейся проруби, представляя по ее границам вешки с березовыми вениками на концах, чтобы тем самым предупредить водителей машин об опасности. Однако должен сознаться, что очень тяжело и жутко было в тот момент, когда в полукилометре от нас перед одной из машин разор-

вался снаряд, и она вместе с пассажирами, которых, к счастью, оказалось немного, и с грузом тут же ушла под лед. Водитель ее, как мне показалось, успел выскочить через дверцу, которая всегда была открыта на случай подобной ситуации. Вскоре после этого и мне пришлось покинуть сани и добираться дальше пешком.

День был короткий, к четырем часам полудни уже совершенно стемнело. Мои попутчики и я оказались разбросанными по пути, и только благодаря тому, что уже в полной темноте я наткнулся на патруль, который меня задержал и препроводил в комендатуру, я к середине ночи очутился на суше в землянке вместе с другими «арестованными». Среди них были и мои попутчики, вместе с которыми я вышел из Кобоны. После самой тщательной проверки документов, когда решающее значение сыграло направление — пропуск, выданный комендантом в Кобоне на всю нашу группу, — уже на рассвете следующего дня нас усадили в небольшой, насквозь промерзший поезд, который примерно через два часа прибыл к Финляндскому вокзалу в Ленинграде.

Я вышел на привокзальную площадь и осмотрелся. На ней невдалеке виднелось довольно странное сооружение, как потом оказалось, холм, сложенный из мешков с песком, укрывавших памятник, изображающий Ильича, стоявшего на броневике с вытянутой вперед рукой в привычной для него позе оратора. Это было как раз то место, откуда В. И. Ленин, только что прибывший в Петроград летом 1917 г., обратился к приветствовавшим его питерским рабочим. В центре привокзальной площади возвышался и другой небольшой холмик, который облюбовали маленькие мальчишки, закутанные во всевозможные теплые вещи, что, однако, не мешало им довольно быстро передвигаться и съезжать с горки на салазках. Лица их были замотаны теплыми шарфами, а иногда и просто шерстяными полосами, отрезанными, как видно, от одеял. Просматривались только глаза, кусочек носа и лба, но даже эти участки лица, казавшиеся серыми, свидетельствовали явно о голоде, который переживали ребята. Очевидно, это были дети горожан, продолжавших работать на военных заводах и надеявшихся пережить этот тяжелый период вместе со всей своей семьей.

Стояло хмурое, пасмурное утро, низко висели тучи, но это не мешало противнику вести систематический артиллерийский обстрел города. Как видно, враг избрал отдельные квадраты, и одним из них в этот час являлся участок близ Финляндского вокзала. Прямо на площади и вблизи некоторых домов разорвались осколочные артиллерийские снаряды. Один из катавших малышей упал и остался лежать без движения. Подбежали двое или трое людей в штатском, очевидно дежуривших в ближайшем укрытии, и подобрали мальчика. Они попытались остальных ребят загнать в укрытие, но те опять появились на площади и продолжали кататься на санках. По-видимому, к подобным событиям они уже давно привыкли.

Я направился в пункт, куда должен был явиться сразу же по прибытии, и по пути продолжал внимательно рассматривать все вокруг себя. Несмотря на тяжелые впечатления, оставшиеся

у меня после перехода через Ладогу и по выходе на площадь у Финляндского вокзала, я чувствовал внутренний подъем и оттого, что, наконец, добрался до настоящего фронта и, пожалуй, также оттого, что это был мой родной город.

В Ленинграде я родился в октябре 1915 г., и мое первое жилье было на седьмом этаже по 7-й Рождественской улице. В конце 1915 г. мой отец был призван в армию и вскоре вместе с 1-м авиационным парком, как тогда именовали нарождавшиеся авиационные части, отбыл на румынский фронт. Мать, забрав меня, поехала сначала в том же направлении, желая находиться поближе к отцу. Таким образом, в Ленинграде я прожил только первый год своей жизни, так как, застряв на юге, мы так и не вернулись в свой родной город и после периода блужданий обосновались в Баку. Впоследствии я побывал в Ленинграде в годы студенчества, затем перед самой войной, когда в начале 1941 г. приезжал с геологическим отчетом для апробирования его во ВСЕГЕИ. Но все эти приезды были весьма кратковременными, вследствие чего я Ленинград знал лишь очень поверхностно. Поэтому, направившись с вокзала в поисках пункта назначения, я очень внимательно смотрел вокруг, стараясь запомнить, заметить и понять удивленное. Окна, забитые фанерными листами, витрины, обшитые досками, а иногда аккуратно заложенные снаружи мешками с песком, и тому подобные мелкие подробности, присущие фронтовому городу...

Но кое-что меня приятно поразило. Встречавшиеся мне в тылу ленинградцы, выехавшие из города предыдущей зимой, рассказывали об отсутствии трамваев, об улицах, засыпанных высокими сугробами, и о многих таких же болезненных признаках тяжелой военной судьбы. Именно это я и ожидал увидеть теперь, в середине второй блокадной зимы, но каково было мое удивление, когда мимо меня проехал трамвай. Мне удалось вскочить в него, в то время как он замедлил ход, выезжая на Литейный мост. Вдоль тротуаров располагались высокие, но аккуратные сугробы снега, занимавшие лишь половину тротуара и примерно третью часть мостовой, благодаря чему и пешеходы, и транспорт могли беспрепятственно передвигаться. Должен сказать, что в Москве, откуда я выехал неделей раньше, улицы были в значительно худшем состоянии. Кое-где на Литейном, а затем и на Невском я заметил около сугробов сильно закутанных людей, сгребавших недавно выпавший снег. Выглядели они довольно пожилыми, и у большинства из них были неестественно полные лица. Это казалось странным для жителей города, находившегося в блокаде и переживавшего страшный голод. Позднее я узнал, что это были так называемые дистрофики, еле державшиеся на ногах, но, как и остальные ленинградцы, стремившиеся хоть чем-то помочь фронту и показать назло врагу, что они горды, непреклонны и ревниво следят за порядком на улицах.

На этом трамвае я доехал до Невского проспекта и далее пошел по нему в сторону Адмиралтейства, золотой шпиль которого был покрыт маскировочной сеткой. Не доходя до моста через Фонтанку со знаменитыми конями Клодта, я обратил внимание на над-

пись, выделявшуюся на стене дома: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Позднее аналогичные надписи видел я и в других местах города. Надо сказать, что они в качестве реликвии, напоминающей о самых страшных днях, сохраняются вплоть до наших дней. Я шел дальше к началу Невского и, не доходя совсем немного до пункта, куда я должен был явиться по прибытии в Ленинград, был поражен зрелищем, запомнившимся на всю жизнь. На противоположной стороне проспекта, там, где перпендикулярно Невскому начинаются две улицы, расходящиеся под некоторым углом, — Гоголя и Герцена, стоял большой дом, одна сторона которого, обращенная в сторону проспекта, была как бы начисто срезана. Получился словно чертеж дома в разрезе. В комнатах у внутренних стен стояла чудом сохранившаяся мебель, на одной из стен висели даже картины. Все это был результат разрыва немецкой авиабомбы.

Казалось странным, что боковые стены этого дома остались целыми. Он не растрескался и сразу же после войны был полностью восстановлен в первоначальном виде. Следует отметить, что очень многие ленинградские дома оказались настолько крепко построенными, что бомбы и тяжелые артиллерийские снаряды оставляли в них только пробоины, в то время как основной корпус сооружения мог быть использован и реставрирован. У непривычного человека вид дома в разрезе оставлял очень тяжелое впечатление, и, как видно, именно поэтому спустя несколько месяцев после моего первого посещения этой части города весь разлом был закрыт фанерными листами с аккуратно нарисованными на них окнами, карнизами и балконами, так что впервые пришедший сюда человек даже мог не заметить, что все это декорация.

Из штаба 13-й воздушной армии, куда я прошел с Невского, меня направили в небольшое общежитие при комендантском аэродроме. Здесь, полный своими первыми ленинградскими впечатлениями, я провел остаток дня и ночь. Наутро, проходя по аэродрому, я обратил внимание на отремонтировавшийся странный по своей конфигурации самолет, у которого высоко поднятая носовая часть опиралась на длинную «ногу» с колесом в основании. Это была «аэрокобра» — некоторое количество их поставили нам американцы. Самолеты эти, как оказалось, сильно уступали по своим боевым качествам истребителям того же класса, находившимся на вооружении у немцев. Потому-то в поразительно короткий срок вся эта разрекламированная поставка от заокеанского союзника оказалась уничтоженной. Напрашивалась мысль, что американцы стремятся не столько помочь нам, сколько сбить ненужную рухлядь: «На тебе, боже, что мне не гоже».

К вечеру следующего дня пришел приказ, согласно которому я направлялся в северо-западную часть ленинградских пригородов — Парголово, где вдоль большой поляны, окруженной лесом, расположился парк штурмовиков Ил-2. По пути к месту назначения я ранним утром шел по заснеженным улицам Выборгского района, где изредка навстречу мне попадались гражданские люди, почти исключительно женщины, обычно везшие санки с дровами

или досками от разрушенных домов, которые использовались в качестве топлива, поскольку всюду, где кто-то жил, применялись только буржуйки — небольшие железные самодельные печки, трубы от которых выставлялись в форточку. Я обратил внимание на одну изможденную женщину, которая везла на детских санках непонятный длинный предмет, завернутый в простыню. Как мне стало известно позднее, это была характерная для блокадного периода картина, когда не было иной возможности похоронить погибшего, замерзшего или умершего от голода человека. Следует сказать, что в начале 1943 г. подобные случаи были уже единичными и после первого прорыва блокады они уже почти не повторялись.

В Парголово я должен был временно находиться при одной из эскадрилий для ознакомления с особенностью боевой работы, которая в это утро разгорелась в огромных масштабах, так как начались бои с целью прорыва блокады. Меня познакомили с заместителем командира одной из эскадрилий по политчасти, указав, что я должен присматриваться к особенностям его работы и по возможности помогать ему. Это был сильный и, как видно, веселый человек, сразу же очень благожелательно отнесшийся ко мне. Его фамилию — Теревега — я запомнил на всю жизнь. Он был радостно возбужден начавшимися событиями, и мы вместе с ним пошли на летное поле ожидать возвращение «илов», вылетевших на штурмовку передовых позиций врага.

К моменту моего прихода в часть весь полк уже находился на выполнении боевого задания в районе Синявинских болот, к югу от Ладожского озера. Здесь, пролетая на небольшой высоте над укреплениями, возведенными противником, самолеты всей своей огневой мощью (пулеметы, пушки, реактивные снаряды) стремились уничтожить огневые точки, технику и живую силу врага, а также заставить его спрятаться в доты, дзоты, шели и другие укрытия, в изобилии сооруженные фашистскими войсками. Это должно было дать возможность передовым отрядам нашей пехоты продвинуться в глубь территории, занятой противником. Несмотря на исключительно интенсивную активность нашей авиации и наземных частей, противник первые часы держался очень стойко. В воздух поднялись вражеские истребители, которые всячески стремились сорвать атакующие действия советских «илов».

Примерно через 40 минут наши штурмовики стали возвращаться и приземляться на аэродроме. Как оказалось, из полета вернулись не все машины, многие из вернувшихся были с пробоями, а отдельные члены экипажа оказались ранеными. Механики и оружейники, оставшиеся на земле, сразу же начали готовить машины к следующему вылету: проверяли все детали, мотор, систему рулевого управления, осуществляли мелкий ремонт, заправляли баки горючим и заряжали огневые средства машины.

В эскадрилье, замполитом которой был Теревега, на одном из возвратившихся самолетов был ранен воздушный стрелок, а без него машину нельзя было выпустить на боевое задание. Дело в том, что экипаж штурмовика Ил-2 состоял из двух человек. В перед-

ней кабине располагался летчик — командир корабля, в руках которого находилось не только управление машиной, но и мощный комплекс различного вооружения, стрелявшего только вперед, непосредственно перед самим самолетом. Это вооружение наносило одновременно удар такой силы, что немцы именовали штурмовики Ил-2 «летающим танком» или «черной смертью». Со стороны же хвоста машина была уязвима, и вражеские истребители легко поражали ее, заходя сверху или снизу сзади. Правда, пилота со стороны спины защищала бронированная стенка, но этого было недостаточно, а потому спиной к ней и лицом к хвосту самолета располагался воздушный стрелок, вооруженный скорострельным пулеметом, что помогало отбивать противника, нападающего сзади. Через несколько минут после приземления самолетов был получен приказ вновь послать все машины, способные к вылету, на повторную штурмовку Синявинских укреплений противника, на подступах к которым вели тяжелые бои ленинградские наземные войска, наступавшие с запада, и войска Волховского фронта, стремившиеся прорвать этот укрепленный район, продвигаясь в сторону Ленинграда с востока.

Воинская часть, в которой я в тот момент находился, уже понесла ощутимые потери во время первого утреннего вылета, но несмотря на это, было необходимо послать в бой как можно больше машин. Учитывая создавшуюся ситуацию, Теревега обратился к старшему командиру с просьбой разрешить ему вылететь вместо раненого воздушного стрелка. Обстановка требовала бросить в бой все возможные силы, и командир тут же разрешил. Не теряя ни секунды, замполит побежал к самолету, и несмотря на то что температура даже на земле была ниже -20°C , причем в воздухе ветер и мороз усиливались многократно, он не пошел домой переодеваться в меховой комбинезон, унты и шлем, а как был в полушубке и валенках, сразу же залез на место стрелка, надев только очки и рукавицы. Самолет тут же вырулил на старт и, пробежав сравнительно небольшое расстояние, взлетел. Некоторое время еще была видна фигура политрука, отчетливо возвышавшаяся у пулемета, обращенного в сторону восточной части. На поле остались лишь поврежденные самолеты, около которых возились механики, да небольшая группа офицеров, прохаживавшихся у посадочного знака «Т» в ожидании возвращения улетевших машин.

Прошло, по-видимому, около 45—50 минут, когда по одному начали возвращаться «илы». И вот появился самолет, на котором в качестве стрелка находился замполит эскадрильи. Все ожидавшие, и я в том числе, облегченно вздохнули. Самолет стал снижаться и, коснувшись около «Т» земли, побежал по укатанному снегу, постепенно теряя скорость. Я смотрел в хвост тормозящему самолету и сразу же заметил, что на месте, где должен был сидеть Теревега, был виден только как-то странно осевший его полушубок, но головы моего сегодняшнего знакомого я разглядеть не смог. Именно в этот момент подбежал связной, сообщивший, что меня немедленно вызывают к дежурному по полку, и направляясь туда

я услышал, как бежавший от самолета механик доложил, что Теревега убит. Так погиб этот жизнерадостный человек — честный политработник, смело отправившийся в бой, хотя он не входил в боевой расчет самолета и должен был оставаться на аэродроме.

Дежурный прочел мне телефонограмму из штаба армии, где говорилось, что я должен явиться в 22-ю отдельную авиаэскадрилью связи и сегодня же принять там должность заместителя ее командира по политчасти.

Начало моей службы в 22-й ОАЭС. К вечеру того же дня я добрался до места назначения и познакомился с майором Колесниковым, который буквально на ходу передал мне свои обязанности и отбыл для прохождения дальнейшей службы из свободной Ленинграда на Большую землю, как именовали тогда свободную, т. е. не оккупированную врагом, территорию нашей страны. Эскадрилья, в которой мне предстояло служить, состояла из самолетов системы Поликарпова. Это были знаменитые, как я уже упоминал, в то время учебные машины У-2, на которых прошли первоначальное обучение многие комсомольцы, ставшие впоследствии выдающимися летчиками или парашютистами.

Часть, в которую я был назначен, именовалась эскадрилей связи, но ее основной задачей являлось исполнение функций ночных бомбардировщиков, поражавших цели главным образом вдоль переднего края и по ближним тылам противника. Самолеты эти были сугубо мирного назначения, и на первый взгляд они были совершенно беззащитны. Сюжет кинофильма «Небесный тихоход», вышедшего на экраны в 1945 или 1946 г., был теснейшим образом связан с этими машинами и людьми, воевавшими на них. Кстати, снят этот фильм был именно в нашей части, так что в массовых сценах можно видеть многих знакомых мне летчиков. Боевые самолеты этого рода состояли из фанерных конструкций, обтянутых особой тканью — перкалем. Металлическими были только мотор и проволочные тяги рулевого управления да, пожалуй, держатели, к которым подвешивались бомбы. При попадании вражеского снаряда, обычной пули или осколка самолет хотя и пробивался насквозь, но обычно не терял устойчивости в воздухе и продолжал выполнение боевой задачи, если только не был поврежден мотор или ранены летчики.

Эти старенькие самолеты имели скорость 110—120 км/ч и потому, попав в луч мощного немецкого прожектора, державшего в своем световом луче цель до расстояния 7—10 км, становились мишенью всех наземных средств противника. Поскольку выйти из луча прожектора такой длины самолет мог, только преодолев это расстояние, на что ему требовалось не менее 3—4 мин, он все это время являлся светящейся мишенью, по которой сразу же начинали стрелять все наземные огневые средства противника — от скорострельных зенитных малокалиберных пушек типа «Эрликон» и тяжелых пулеметов до обычных автоматов и минометов, если самолет летел низко. Огонь по самолету немцы вели, как правило, трассирующими снарядами и пулями, и, находясь в воздухе, можно было отчетливо видеть, как светящиеся белые, голубые, красные,

оранжевые и фиолетовые точки из разных мест снизу устремлялись к самолету. Казалось, что все пространство от машины до земли расчерчено пунктирными линиями, направленными в самолет, пойманный лучом прожектора. Получался как бы конус, в вершине которого находилась машина, а вся его внутренняя часть и стенки были очерчены светящимися линиями.

Такого рода ситуация, продолжавшаяся несколько минут, в течение которых в направлении самолета выпускалось несколько тысяч пуль и десятки снарядов, была не из приятных. Но я должен сказать, что подобные положения, повторявшиеся неоднократно, довольно быстро стали привычными и ощущение опасности почти полностью исчезло. Стало казаться, что направленные в нас светящиеся точки не достигнут цели или пролетят мимо. Это, как видно, было обусловлено тем, что трассирующие пули и снаряды по мере удаления от орудия или пулемета теряли свою скорость и переставали светиться, что создавало иллюзию, будто они дальше не летят и потому не попадают в нас, хотя уже после посадки мы убеждались, что в крыльях и фюзеляже самолета появились пробоины в результате их попадания.

Теперь, вспоминая о таких случаях, я отчетливо представляю себе, как красиво было зрелище конуса, состоящего из разноцветных пунктирных линий и медленно передвигающегося по черному небу вслед за небольшим самолетом, ярко освещенным лучом прожектора. Но тогда была неподходящая обстановка, чтобы любоваться этой феерической картиной, так как было ясно, что те несколько сотен стволов, которые разбросаны на протяжении 2—3 км фронта, направленных в различные цели, теперь все разом поднялись вверх и стреляют в одну единственную точку, которой является наш самолет.

У-2, или, точнее, По-2, был почти беззащитен, и, для того чтобы спастись в ночной тьме от этого массивованного удара, имелся только один способ, а именно развернуться по направлению луча и пикировать, не обращая внимания на обстрел, непосредственно на зеркало прожектора, из которого исходил такой злоежущий для нас световой луч. Не долетая примерно 300—200 м до прожекторной установки, летчик нажимал на гашетку эрэсов¹, которые устремлялись прямо в прожектор. В результате он сразу потухал — либо от прямого попадания в него, либо от того, что персонал, обслуживающий прожектор, был выведен из строя. Благодаря этому самолет, выйдя из пике, уходил в темноту ночи и обстрел его немедленно прекращался. Следует заметить, что борьбу с прожекторами приходилось вести не так уж часто, так как на Ленинградском фронте их было у немцев сравнительно немного. Обычной же задачей, ставившейся перед нашей эскадрилей, была

¹ Эрэсами именовали реактивные снаряды сравнительно небольшой величины, которые со времени боев под Халхин-Голом, происходивших летом 1939 г., стали применяться у нас для вооружения некоторых типов самолетов. Такие снаряды подвешивались под крыльями и фюзеляжем машины на специальных полозьях и после нажима на гашетку срывались с направляющего рельса, летя в сторону, заданную корпусом самолета.

бомбардировка осколочными снарядами участков скопления противника на переднем крае, сбрасывание фугасных бомб на его артиллерийские позиции и разбрасывание агитационных листовок над расположением врага.

Самолеты По-2 имели очень небольшую грузоподъемность, и для того чтобы максимально использовать имеющиеся скромные возможности, наша эскадрилья летала без пулемета, турель для которого была поставлена позади второй кабины, где сидел штурман, кроме того, экипаж самолета не брал парашютов. Хотя все это и увеличивало опасность, зато мы могли нагружать машину дополнительно двумя-тремя осколочными бомбами весом по 25 кг каждая.

Точность бомбометания этих ночных самолетов, сбрасывавших свой груз с высоты 500—700 м, была настолько велика, что одно появление их морально действовало на противника, который, услышав характерные для У-2 тарахтение мотора, стремился укрыться в щель или залезть в окоп, что было особенно важно при той напряженной боевой обстановке, которая почти постоянно была на линии фронта. Поэтому гитлеровцы за каждый сбитый ими самолет этого типа получали орден «Железный крест», в то время как для получения такой же награды им требовалось уничтожить не менее трех наших истребителей или скоростных бомбардировщиков.

По штатному расписанию в отдельной эскадрилье, куда я был назначен, числилось 112 человек, из которых 20 человек — летного состава. Среди них было около половины совсем недавно прибывших в часть молодых летчиков, только что окончивших училища. Я хотел бы упомянуть таких, как штурманы Ф. Л. Беложенко и И. П. Кравченко. У меня с ними сразу возникли теплые товарищеские отношения, сохранившиеся до наших дней.

Предполагалось по штатному расписанию, что замполит командира эскадрильи не входит в список летчиков. Мой предшественник, не имевший специального летного образования, в боевых вылетах не участвовал. Я тоже не должен был летать, тем более что на мою долю пришелся очень большой объем политико-воспитательной работы, которую надо было вести среди различных авиационных специалистов наземной службы и в мелких подразделениях, состоявших из рядовых бойцов и младших командиров, которые должны были обеспечивать нормальную деятельность нашей отдельной части. Кроме того, я занимался и хозяйственными делами по обеспечению части помещением, оборудованием и т. п. Весь день у меня был до предела загружен, а с вечера, когда начинались полеты, я шел на командный пункт и проводил там всю ночь вместе с летчиками, каждый из которых совершал от 2 до 5 боевых вылетов в течение долгой зимней ночи. В этот первый период моего пребывания в эскадрилье на фронте шли ожесточенные бои с целью прорыва блокады, державшей Ленинград в железных тисках уже на протяжении полутора лет. Сообщение между Ленинградом и Большой землей осуществлялось только по воздуху или через Ладожское озеро, но то и другое было крайне сложно и постоянно приводило к большим потерям в результате

действия вражеской авиации и артиллерии. Снабжать же Ленинградский фронт, где скопилось около 2 млн человек мирного населения и войск, нужно было как оружием, так и продовольствием, и электроэнергией.

В городе стояли голод и холод, и крайне необходима была хотя бы небольшая полоска сухопутного пути, которая облегчила бы тяжелейшие условия жизни и борьбы ленинградцев. Потому-то все имеющиеся силы Ленинградского и Волховского фронтов были брошены в бой на участок, где решено было взломать оборону противника. До конца января 1943 г. боевая деятельность нашей части осуществлялась с большим напряжением, причем, кроме ночных боевых вылетов, в ненастные туманные дни с очень низкой облачностью, когда авиация, как правило, не летала, командование фронтом требовало, чтобы По-2 барражировали на малой высоте над войсками противника. Этот на первый взгляд непонятный прием, поскольку через толщу густого тумана ничего разглядеть было невозможно, оказался весьма эффективным. Солдаты фашистских войск, услышав характерный звук мотора По-2, прятались в укрытие, опасаясь точной бомбардировки, которой зарекомендовали себя эти самолеты. Советские же солдаты, услышав шум своего боевого друга, каким считался По-2, и обратив внимание на одновременное сокращение интенсивности огня противника, поднимались и продвигались на несколько десятков метров вперед.

В самом конце января удалось, наконец, отвоевать узкую, шириной в среднем около 7 км, полоску твердой земли, по которой можно уже было проложить сухопутную дорогу для увеличения объема поставок Ленинграду всего необходимого. Правда, этого было еще далеко не достаточно, поскольку дорога в светлое время суток непрерывно обстреливалась противником, артиллерийские позиции которого располагались в пределах близкой видимости и орудия могли стрелять прямой наводкой. Но ночью поезда довольно успешно проезжали этот участок, сильно приближенный к передовой, осуществляя это на малом ходу, чтобы не производить шума. Несмотря на эти трудности, поступление продуктов и вооружения в Ленинград ощутимо возросло и вместо «ста двадцати пяти блокадных граммов с песком и кровью пополам», как писала ленинградская поэтесса Вера Инбер, ежедневный паек населения заметен увеличился.

Именно в эти дни, когда я уже стал осваиваться с непривычной для меня деятельностью заместителя командира эскадрильи, я понял, что отсиживаться мне непристойно, и обратился к командованию 13-й воздушной армии, куда входила наша часть, о разрешении мне участвовать в боевых вылетах. Как я уже писал, мое летное образование было более чем скромным — в моем личном деле значилось, что я имею всего лишь 20 часов налета, а, кроме того, по состоянию здоровья (невроз сердца) мне не разрешалось прыгать с парашютом.

Ясно, что с таким небольшим летным багажом и с ограничениями по состоянию здоровья меня выпустить в воздух не могли, но все же, учтя мою настоятельную просьбу, пошли навстречу и при-

казали сдать испытание по штурманской подготовке. Такая проверка прошла успешно, и я получил разрешение участвовать в боевых вылетах. Для эскадрильи очень важно было иметь запасных летчиков, которые могли бы подменить больного или чересчур утомленного ночной работой штатного пилота или штурмана. Таким образом, с середины февраля 1943 г. я начал летать, подменяя того или другого штатного штурмана самолета, которому необходимо было дать одну-две ночи отдыха. Днем же я продолжал вести весь объем работы замполита.

В частности, именно тогда же, т. е. около 20 февраля 1943 г., пришло приказание из штаба армии, чтобы в определенный день и час я явился в Дом культуры Выборгского района г. Ленинграда, где, как оказалось, проводился инструктаж офицеров в связи с предстоящим празднованием 25-летия Советской Армии. Основной частью этого инструктажа была лекция прибывшего из Москвы историка и философа Михаила Трифоновича Иовчука, в то время еще сравнительно молодого человека. Спустя 3 года, в 1946 г., он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а спустя еще 10 лет я с ним познакомился в московском санатории «Узкое», и наш контакт с ним сохранился и по настоящее время.

День 23 февраля 1943 г., отмечавшийся как 25-летний юбилей Красной Армии, был ознаменован и тем, что жители Ленинграда прислали во все подразделения действующей армии, обороняющей Ленинград, свои подарки. Наша часть получила небольшие фанерные ящички и мешочки для вручения каждому солдату и офицеру. В полученном мною ящичке оказались маленькие сухарики черного хлеба, и это было трогательно буквально до слез, так как свидетельствовало о том, что ежедневно, готовясь к празднику, еле живые от голода ленинградцы отрывали от своего мизерного пайка эти кусочки. Теперь даже трудно себе представить, какой была эта жертва со стороны пухнувших от голода ленинградцев. Но я не буду больше отклоняться в сторону и вернусь к описанию событий 1943 г.

Начались довольно утомительные, хотя и необычные, будни, и описание их заняло бы слишком много времени и места. Поэтому я не стану останавливаться на событиях каждого дня, тем более что дневника я не вел, и, не затрагивая повседневных «наземных» дел, вкратце коснусь отдельных моментов, происходивших в воздухе.

Экипаж самолета состоял из двух человек, располагавшихся один сзади другого. Впереди находился летчик, являвшийся командиром экипажа. Позади него во второй кабине располагался штурман, который высматривал объект для нападения и указывал на него летчику, выводившему самолет на цель, после чего штурман сбрасывал бомбы. Прицел, которым пользовался штурман, был чрезвычайно примитивен: с левой стороны в нижней плоскости самолета вырезался небольшой кусок вроде окошка, смотрящего вниз. На боковой стенке фюзеляжа, около кабины

штурмана, прикреплялся примитивный прицел, и штурман, немного наклонившись через левый борт, видел небольшое колечко и головку прицела. Они были совмещены по одной линии. В тот момент, когда на продолжение этой линии попадала цель, штурман дергал рычаг сбрасывателя и бомба отрывалась от держателя. Таким образом, все прицеливание осуществлялось корпусом самолета, точно выведившимся летчиком на цель, и, несмотря на крайнюю простоту и примитивность всей этой операции, результаты такого бомбометания оказывались поразительно эффективными благодаря тому, что самолет летел медленно, не быстрее 120 км/ч, и на относительно небольшой высоте, которая выдерживалась в соответствии с существовавшим тогда приказом, не выше 700 м.

Основной нашей повседневной задачей было подлететь в ночной темноте к линии фронта в каком-либо конкретном месте, намеченном для данного вылета, и, заметив особенно активные огневые точки противника, выйти на них и сбросить прикрепленные к фюзеляжу самолета фугасные и осколочные бомбы. Обычно в качестве такого объекта нападения мы выбирали огневые позиции полевой артиллерии или минометов. Особенно нас привлекали недавно появившиеся под Ленинградом шестиствольные минометы, которые немцы прозвали «ванюшами», выпустив их в качестве ответа на наши «катюши», как первое время мы именовали свои гвардейские минометы, наносившие исключительно сильное поражение своими ударами по обширной площади и вызывавшие панику у противника. Сбросив бомбы, мы обычно попадали под шквал огня, но, как правило, легко уходили в темноте ночи на свою территорию. Возвратившись на аэродром, мы докладывали руководителю полетов о результатах, сообщая район, в котором проходил наш бой, и перечисляя количество орудий и минометов, которые мы заставили замолчать. После короткого отдыха, во время которого техники и механики наскоро проверяли мотор и рули управления, заполняли емкости бензином и подвешивали снаряды, мы вновь уходили к линии фронта.

Передовая хорошо была заметна издалека, так как фашисты почти непрерывно пускали яркие световые ракеты, а иногда как бы подвешивали на воздушных шарах или парашютах на значительной высоте яркие «лампы», освещавшие крупные участки фронтальной полосы. Такого рода освещение применялось противником систематически, чтобы предупредить возможность приближения наших разведывательных групп, направлявшихся для захвата «языка» или для разминирования подходов к передовым линиям противника, что позволило бы нашей пехоте совершить неожиданный ночной удар. Надо сказать, что описанная боевая обстановка, представленная в моем повествовании довольно спокойной и даже однообразной, далеко не всегда бывала именно такой и всякое приближение к линии фронта, а затем и выход на цели, располагавшиеся в ближних тылах противника, требовали от экипажа и в особенности от пилота очень большого напряжения. Поэтому, когда после выполнения задания самолет благополучно возвращался на территорию, занятую нашими войсками, летчик, чувство-

вавший большую усталость, перепоручал дальнейшее управление машиной штурману. Поскольку самолеты У-2 сооружались как учебные; все приборы были дублированы в обеих кабинах, ноги штурмана точно так же, как и у пилота, стояли на педалях, являющихся рулями поворота, а впереди между ног у обоих было по вертикальному рулю управления. Весь путь к своему аэродрому по нашей территории самолет летел, обычно управляемый штурманом, а пилот тем временем отдыхал, и только подлетев к зоне аэродрома, он вновь брал управление в свои руки и сажал самолет на посадочную полосу.

Каждую ночь я участвовал в двух, а иногда и в трех подобных вылетах. Однако полного однообразия не было, а потому я кратко опишу некоторые из тех вылетов, которые мне особенно хорошо запомнились.

Боевые эпизоды. Однажды, было это в самом конце февраля 1943 г., нам сообщили, что в ночное время можно ожидать обстрела Ленинграда из особо дальнобойных крупнокалиберных орудий, подвезенных противником к Ленинградскому фронту. По разведывательным данным, сообщенным партизанами, появилось одно или два подобных орудия. По нашим предположениям, это были огромные пушки, прототип которых немцы изготовили еще в конце первой мировой войны с намерением применить его для обстрела Лондона через пролив Ла-Манш. Такое орудие, рассчитанное для стрельбы на дистанции в 100 км, было названо немцами «Большая Берта». Оно имело диаметр примерно в 405 мм, а снаряд весил около полутоны. Но в то время использовать «Берту» немцы не успели, поскольку первая мировая война пришла к концу. В течение второй мировой войны такие орудия до сих пор не применялись, но теперь (в начале 1943 г.) противник, очевидно, решил ужесточить террор, чтобы сломить дух ленинградского населения, и перебросил на наш участок «Большую Берту». Ее монтировали на двух большегрузных платформах, на одной из которых располагалась замковая часть, а на другой — ствол орудия.

Это был один из первых моих боевых вылетов. Я в то время еще не имел достаточного боевого опыта, а потому летал с одним из наиболее квалифицированных летчиков эскадрильи М. И. Манякиным, с которым мы впоследствии долго дружили, а затем, после конца войны, потеряли следы друг друга, и лишь в 1986 г. я вновь, по переписке, разыскал его.

В описываемую ночь, безлунную и беззвездную из-за большой облачности, на земле ничего абсолютно не просматривалось. Мы набрали высоту около 1000 м и взяли курс на юг, когда вдруг впереди вспыхнуло яркое пламя. Без сомнения, это был большой взрыв или выстрел из очень крупнокалиберного орудия. Мы решили приблизиться к этому месту, и поскольку ветер был север — северо-восточный, чтобы подойти скрытно от противника, мы взяли правее того района, где заметили вспышку, и обошли эту подозрительную точку значительно западнее.

Развернувшись, мы оказались гораздо южнее замеченного нами места и стали приближаться к нему, продвигаясь в север-

ном направлении. Теперь ветер дул нам навстречу, и услышать работу мотора нашего самолета противник мог только в тот момент когда мы вплотную должны были подойти к нему. Чтобы лучше рассмотреть заинтересовавший нас объект, мы спустились примерно до высоты 400 м и вышли на железную дорогу Ленинград — Псков в районе между станциями Толмачево и Дивенская. Здесь на рельсах, расположенных параллельно основному пути, мы увидели огромное орудие, около которого светились небольшие огоньки и были заметны передвигающиеся фигурки людей. Спустившись еще немного ниже, мы с юга вышли прямо на огневую позицию и сбросили на орудие весь имевшийся у нас запас бомб.

Несмотря на то что бомбы у нас были мелкие и их было совсем немного, все же нападение дало несомненный результат. Сразу же засветились два прожектора, начавшие шарить своими лучами по небу в поисках нашего самолета, заработали многочисленные счетверенные крупнокалиберные пулеметы и скоростные зенитные пушки «Эрликон», охранявшие «Берту». Стрельба велась траассирующими снарядами, которые пролетали в непосредственной близости от самолета. Немного спикировав, мы стали уходить в сторону леса, где не было батарей противника. Нанесли ли мы сколько-нибудь существенное повреждение, было неясно, но все же орудие ни в ту, ни в последующие ночи больше не стреляло, и возможно, оно было повреждено или, скорее, его прислуга оказалась выведенной из строя. Впоследствии, уже после окончания войны, мне рассказывали о выставке трофеев, открывшейся в Ленинграде, среди которых фигурировала и «Большая Берта», но, к сожалению, на выставке мне побывать не удалось, и я так пока и не знаю, наша ли это «Берта». Известно только, что под Ленинградом были захвачены два гигантских орудия такого типа, из которых одно имело диаметр 420 мм, а другое — 440 мм.

Примерно через 10 дней после описанного эпизода, т. е. около середины марта, был другой примечательный случай. В эту ночь я вылетел с пилотом Карпуниним для выполнения обычного задания по бомбардировке активных огневых точек в пределах переднего края противника. Погода была пасмурная и облачность низкая, но лететь можно было спокойно. Однако еще не долетев до линии фронта, мы попали в полосу сильного вихря, сопровождавшегося обильным снегопадом. Как оказалось, почти сразу после нашего взлета на КП поступило штормовое предупреждение вместе с командой о полном прекращении полетов. Однако, поскольку нас предупредить не успели, мы продолжали полет, несмотря на сильнейшую вьюгу и ураганные порывы, швырявшие машину в разные стороны. Видимости не было никакой, а пользоваться приборами, из которых у нас были только компас и высотомер, стало практически невозможно из-за постоянной смены положения самолета.

Никаких признаков линии фронта, по огням которой можно было бы хоть как-нибудь ориентироваться, видно не было. Так продолжалось около часа, и, поскольку запас бензина быстро уменьшался, а пользы от нашего полета не было никакой, мы предприня-

ли попытку вернуться на аэродром, но это оказалось трудновыполнимой задачей из-за продолжавшегося обильного снегопада и почти нулевой видимости. К счастью, ветер стал постепенно ослабевать, и, несмотря на отсутствие каких-либо ориентиров, мы решили идти по компасу на север—северо-восток, где, как мы полагали, должен был находиться наш аэродром. Через некоторое время Карпунин сказал по переговорному аппарату: «Бензин на исходе, будем приземляться при первой же возможности». Почти тотчас же метель прекратилась и открылась небольшая видимость вниз. Оказалось, что мы находились на относительно незначительной высоте над густым хвойным лесом и через 2—3 мин вылетели на вытянутую поляну, засыпанную глубокоим снегом. Ничего подозрительного на ней видно не было, и Карпунин сразу же посадил самолет, тут же выключив мотор. Снег был очень рыхлый, так что лыжи самолета довольно глубоко погрузились в него, и после небольшого пробега машина остановилась. Я посмотрел на компас, он показывал, что мы ориентированы на север, и, следовательно, если расчет обратного курса был верным, то наши войска должны быть справа. Однако было совершенно неясно, находимся ли мы на своей территории или уже пересекли ее и попали в ближние тылы противника, который на финском участке фронта был к северо-западу от пригородов Ленинграда.

Я вылез из кабины, прыгнул на снег и извлек из унтов свой ТТ. Во время полета мы всегда переключали пистолет из кобуры в голинище правого унта. В унтах благодаря двойному собачьему меху было тепло, что предохраняло пистолет от замерзания. Трущиеся части пистолета смазывались машинным маслом, но, несмотря на это, при сильном морозе примерзали одна к другой. Температура же на значительной высоте, к тому же при встречном ветре, обычно превышала 30—35° С ниже нуля.

Я направился вправо от самолета, т. е. на восток в сторону ближайших деревьев, внимательно прислушиваясь к окружающему. Была полная тишина, лишь изредка слышались единичные порывы утихавшего ветра и шорох покачиваемых им верхушек сосен. Так я прошел 40—50 м и, когда уже приблизился к лесу, вдруг услышал короткий треск сучьев. Я остановился и, освободив предохранитель своего ТТ, открыл наушники мехового шлема, чтобы лучше можно было слышать. Через несколько мгновений хруст веток послышался еще ближе, перешел затем в звук падения крупного предмета, после чего последовала нецензурная брань, чрезвычайно обрадовавшая меня, так как так мог выражаться только наш соотечественник,— значит, мы были у своих, я тут же окликнул этого человека. Это был часовой, вылезший из своего укрытия на передовой, чтобы выяснить, что за самолет приземлился прямо на нейтральной полосе, как раз посередине между расположением советских и финских передовых частей. Солдат опустил свой автомат и вместе со мной пошел в землянку командира, находившуюся тут же поблизости в густом лесу. В землянке был лейтенант, которому я предъявил мое удостоверение и попросил показать мне на карте точку, где находилась поляна, на которой мы приземлились.

ном направлении. Теперь ветер дул нам навстречу, и услышать работу мотора нашего самолета противник мог только в тот момент когда мы вплотную должны были подойти к нему. Чтобы лучше рассмотреть заинтересовавший нас объект, мы спустились примерно до высоты 400 м и вышли на железную дорогу Ленинград — Псков в районе между станциями Толмачево и Дивенская. Здесь на рельсах, расположенных параллельно основному пути, мы увидели огромное орудие, около которого светились небольшие огоньки и были заметны передвигающиеся фигурки людей. Спустившись еще немного ниже, мы с юга вышли прямо на огневую позицию и сбросили на орудие весь имевшийся у нас запас бомб.

Несмотря на то что бомбы у нас были мелкие и их было совсем немного, все же нападение дало несомненный результат. Сразу же засветились два прожектора, начавшие шарить своими лучами по небу в поисках нашего самолета, заработали многочисленные счетверенные крупнокалиберные пулеметы и скоростные зенитные пушки «Эрликон», охранявшие «Берту». Стрельба велась траассирующими снарядами, которые пролетали в непосредственной близости от самолета. Немного спикировав, мы стали уходить в сторону леса, где не было батарей противника. Нанесли ли мы сколько-нибудь существенное повреждение, было неясно, но все же орудие ни в ту, ни в последующие ночи больше не стреляло, и возможно, оно было повреждено или, скорее, его прислуга оказалась выведенной из строя. Впоследствии, уже после окончания войны, мне рассказывали о выставке трофеев, открывшейся в Ленинграде, среди которых фигурировала и «Большая Берта», но, к сожалению, на выставке мне побывать не удалось, и я так пока и не знаю, наша ли это «Берта». Известно только, что под Ленинградом были захвачены два гигантских орудия такого типа, из которых одно имело диаметр 420 мм, а другое — 440 мм.

Примерно через 10 дней после описанного эпизода, т. е. около середины марта, был другой примечательный случай. В эту ночь я вылетел с пилотом Карпуниним для выполнения обычного задания по бомбардировке активных огневых точек в пределах переднего края противника. Погода была пасмурная и облачность низкая, но лететь можно было спокойно. Однако еще не долетев до линии фронта, мы попали в полосу сильного вихря, сопровождавшегося обильным снегопадом. Как оказалось, почти сразу после нашего взлета на КП поступило штормовое предупреждение вместе с командой о полном прекращении полетов. Однако, поскольку нас предупредить не успели, мы продолжали полет, несмотря на сильнейшую вьюгу и ураганные порывы, швырявшие машину в разные стороны. Видимости не было никакой, а пользоваться приборами, из которых у нас были только компас и высотомер, стало практически невозможно из-за постоянной смены положения самолета.

Никаких признаков линии фронта, по огням которой можно было бы хоть как-нибудь ориентироваться, видно не было. Так продолжалось около часа, и, поскольку запас бензина быстро уменьшался, а пользы от нашего полета не было никакой, мы предприня-

ли попытку вернуться на аэродром, но это оказалось трудновыполнимой задачей из-за продолжавшегося обильного снегопада и почти нулевой видимости. К счастью, ветер стал постепенно ослабевать, и, несмотря на отсутствие каких-либо ориентиров, мы решили идти по компасу на север—северо-восток, где, как мы полагали, должен был находиться наш аэродром. Через некоторое время Карпунин сказал по переговорному аппарату: «Бензин на исходе, будем приземляться при первой же возможности». Почти тотчас же метель прекратилась и открылась небольшая видимость вниз. Оказалось, что мы находились на относительно незначительной высоте над густым хвойным лесом и через 2—3 мин вылетели на вытянутую поляну, засыпанную глубокоим снегом. Ничего подозрительного на ней видно не было, и Карпунин сразу же посадил самолет, тут же выключив мотор. Снег был очень рыхлый, так что лыжи самолета довольно глубоко погрузились в него, и после небольшого пробега машина остановилась. Я посмотрел на компас, он показывал, что мы ориентированы на север, и, следовательно, если расчет обратного курса был верным, то наши войска должны быть справа. Однако было совершенно неясно, находимся ли мы на своей территории или уже пересекли ее и попали в ближние тылы противника, который на финском участке фронта был к северо-западу от пригородов Ленинграда.

Я вылез из кабины, прыгнул на снег и извлек из унтов свой ТТ. Во время полета мы всегда переключивали пистолет из кобуры в голенище правого унта. В унтах благодаря двойному собачьему меху было тепло, что предохраняло пистолет от замерзания. Трущиеся части пистолета смазывались машинным маслом, но, несмотря на это, при сильном морозе примерзали одна к другой. Температура же на значительной высоте, к тому же при встречном ветре, обычно превышала 30—35° С ниже нуля.

Я направился вправо от самолета, т. е. на восток в сторону ближайших деревьев, внимательно прислушиваясь к окружающему. Была полная тишина, лишь изредка слышались единичные порывы утихавшего ветра и шорох покачиваемых им верхушек сосен. Так я прошел 40—50 м и, когда уже приблизился к лесу, вдруг услышал короткий треск сучьев. Я остановился и, освободив предохранитель своего ТТ, открыл наушники мехового шлема, чтобы лучше можно было слышать. Через несколько мгновений хруст веток послышался еще ближе, перешел затем в звук падения крупного предмета, после чего последовала нецензурная брань, чрезвычайно обрадовавшая меня, так как так мог выражаться только наш соотечественник, — значит, мы были у своих, я тут же окликнул этого человека. Это был часовой, вылезший из своего укрытия на передовой, чтобы выяснить, что за самолет приземлился прямо на нейтральной полосе, как раз посередине между расположением советских и финских передовых частей. Солдат опустил свой автомат и вместе со мной пошел в землянку командира, находившуюся тут же поблизости в густом лесу. В землянке был лейтенант, которому я предъявил мое удостоверение и попросил показать мне на карте точку, где находилась поляна, на которой мы приземлились.

Лейтенант предупредил, что противник находится очень близко и в любой момент может организовать вылазку для захвата нашего самолета. Он не стал меня задерживать дополнительными вопросами и послал вместе со мной часового, который в случае необходимости оказал бы нам помощь при взлете.

Подбежав к самолету, я сообщил Карпунину, что мы находимся примерно в 15 км от нашего аэродрома, назвал точное направление и указал местонахождение ближайшей дороги, на которую следовало ориентироваться, чтобы кратчайшим путем добраться домой. Я стал вращать пропеллер самолета, и через 3—4 оборота летчик включил контакт, но самолет не двигался, так как лыжи довольно глубоко увязли в снегу. Тогда я стал толкать машину в правое крыло, а сопровождавший меня солдат делал то же самое с левой стороны. Мы раскачивали самолет из стороны в сторону, пока он, наконец, не сдвинулся с места. В это время солдат крикнул: «Скорее, финны бегут сюда!» И хотя они были не более чем в 70 или даже 50 м от нас, бежали они очень медленно, увязая более чем по колено в свежевывавшем рыхлом снегу. Но самолет уже начал разбег, и я, на ходу уцепившись за кабину, вскочил на крыло и быстро перелез на свое сиденье. Солдаты противника были очень близко и, заметив, что мы начинаем взлетать, принялись стрелять по самолету из автоматов, но мы благополучно оторвались от земли, взлетев до высоты сосен, сразу свернули направо и почти тут же увидели дорогу, держась которой, мы примерно через 10 мин подлетели к нашему аэродрому и, не делая над ним обычного квадрата, прямо пошли на посадку, поскольку бензина оставалось буквально лишь считанные капли. Командир нашей эскадрильи, пришедший по расчету времени к выводу, что бензин уже кончился, доложил в штаб армии, что мы не вернулись на базу и, как видно, машина либо погибла в результате ураганного ветра, либо была сбита противником. Теперь же он внес уточнение, сообщив, что все обстоит благополучно.

Примерно через неделю после описанного случая нашей эскадрилье было приказано совершать разведывательные полеты вдоль железной дороги, расположенной в немецком тылу, которая описывает как бы дугу, соединяя железнодорожный путь, идущий от Петергофа вдоль Финского залива к Ленинграду, с участком другой железной дороги, известной и ныне под названием Московской. По данным партизан, по этой дугообразной дороге эшелоны противника в последнее время стали подвозить баллоны с ядовитым газом. Именно это обстоятельство, если я не ошибаюсь, послужило основанием союзникам выступить с предупреждением, что первая же попытка со стороны фашистов применить отравляющие вещества вызовет ответный сильный удар.

Для разведки того, что происходит на этой дороге, было направлено несколько самолетов нашей эскадрильи. Первым, как мне помнится, вылетел экипаж, состоящий из летчика Карпунина и штурмана Кудина. Минут через 20 вылетела следующая машина нашей эскадрильи, на этот раз штурманом летел я, а пилотом — младший лейтенант Д. Иванов. Мы поднялись до высоты 800—

900 м и вскоре пересекли линию фронта, которая как обычно четко вырисовывалась благодаря непрерывной перестрелке, ведущейся на встречных направлениях, и световым ракетам, запускавшимся противником. Мы летели дальше к югу, в глубь территории, занятой фашистами. Видимость была очень хорошей, так как небо было безоблачным и ярко светила луна. Поляны и полосы вдоль дорог прекрасно выделялись благодаря лежавшему на них слою свежего белого снега; лесные массивы и отдельные мелкие рощицы, казавшиеся черными, хорошо контрастировали со снеговым покровом. Наконец, показалась та рокадная дорога, по которой, как нам сообщили, шли немецкие эшелоны с вооружением, главным образом химическим.

Мы развернулись в восточном направлении и пошли вдоль этой дороги, казавшейся совершенно пустой. Однако минут через 10 впереди стала заметна длинная, довольно широкая полоса белого цвета, из-под которой как бы просвечивали темные пятна товарных вагонов. По мере того, как мы приближались к этой полосе, становилось все яснее и яснее, что впереди идет поезд, а дым из его трубы, как бы отставая от паровоза, стелется сзади, светлым покрывалом закрывая состав. Поезд приближался к разъезду под названием Стекольный, когда, нагнав состав, мы сбросили на паровоз фугасную 50-килограммовую бомбу и еще две другие осколочные по 25 кг каждая. Тут при кажущемся полном покое мгновенно произошла перемена — засветился прожектор, в яркий луч которого попал наш самолет, и с разных сторон повели огонь скорострельные зенитные орудия и мощные спаренные пулеметы. В небе появились пунктирные световые линии от пуль и длинные светящиеся полосы от приближавшихся оружейных снарядов. Все они были направлены в сторону нашего самолета, и отчетливо было видно, как эти яркие смертоносные точки приближаются к нам.

Луч прожектора слепил пилота, и он вынужден был уткнуться лицом в приборную доску, прикрывшись от яркого света рукой. Мне же по переговорному аппарату Иванов сказал, чтобы я следил, откуда ведется обстрел, и сообщал ему направление, которого следует держаться, чтобы поскорее выйти из этой зоны и скрыться от луча прожектора. Я перегнулся через правый борт, и мне отчетливо было видно приближение к самолету разноцветных трассирующих пунктирных линий от зенитных пулеметов. Поскольку мы шли довольно высоко, можно было отчетливо наблюдать, как приближавшиеся к нам световые точки постепенно замедляли свое движение и гасли, не долетая до нас. Это объяснялось тем, что пули, замедлявшие с увеличением расстояния свой полет, переставали светиться, что создавало впечатление, будто они до самолета не долетают, хотя на самом деле они все еще были способны попасть в машину и ранить летчика.

Иначе обстояло дело с обстрелом из скорострельных пушек. Их небольшие снаряды, напомилавшие по форме толстые сосиски, светившиеся красноватым пламенем, пролетали рядом с самолетом

и потухали только выше его. От этих-то снарядов мы старались уйти в сторону, постоянно меняя курс в соответствии с тем, что сообщал я Иванову о результатах своих наблюдений. Наконец, мы выскочили из-под обстрела и ушли от прожектора, так что я смог спокойно сесть на свое место. Через несколько минут мы пересекли линию фронта, не подвергнувшись на этот раз обычному обстрелу, так как солдаты противника, как видно, и не подумали о том, что из их тыла мог лететь советский самолет. Войдя в пределы нашей территории, Иванов, как это повелось у нас, передал мне управление, с тем чтобы самому отдохнуть от переживаний, которых мы только что натерпелись у разъезда Стекольный.

Когда через 20 мин мы приблизились к своему аэродрому, он вновь взял ручку и спокойно посадил самолет. Беглый осмотр машины, проведенный инженером нашей части М. А. Старовотовым, дал ему возможность обнаружить несколько мелких пробоин в плоскостях — результат попадания пуль, но это была мелочь, на которую мы обычно не обращали внимания. Значительно более серьезной была относительно крупная пробоина, имевшая диаметр примерно 3 см, края которой были обожжены распаленным металлом снаряда, пробившего верхнюю плоскость, располагавшуюся над штурманской кабиной. Очевидно, это попадание произошло именно в то время, когда мы очутились в зоне особенно интенсивного обстрела, и я, перегнувшись за правый борт, следил за полетом снарядов из скорострельной зенитной пушки, сообщая Иванову, в каком направлении следует разворачивать машину, чтобы избежать попадания огненно-красных линий. Судя по направлению отверстия, оставшегося в верхнем крыле, снаряд этот летел по траектории, шедшей снизу и несколько сзади нашего самолета, и, почти не коснувшись левого борта фюзеляжа, пробил верхнюю плоскость, пролетев именно там, где обычно располагалась голова штурмана. Следовательно, мне очень повезло.

Если бы я в этот момент не следил, перегнувшись через правый борт, за летевшими в нашу сторону снарядами, а сидел бы на своем месте, то снаряд, пробивший верхнюю плоскость, прошел бы перед этим через мою голову. Однако вникать во все детали было некогда и не к чему, так как именно в это время было установлено, что самолет, поднявшийся первым для выполнения задания этой ночи, не вернулся на свою базу. Судьба его экипажа так и осталась нам неизвестной до настоящего времени. Возможно, что самолет был сбит теми же огневыми средствами, которые часом позже обрушились и на нас у разъезда Стекольный.

Спустя несколько дней после описанного случая я снова летел с Ивановым, имея задание выйти в район впадения р. Тосны в р. Неву, и сбросив там на передний край расположения противника имевшиеся у нас бомбы, развернуться к северо-западу и возвратиться домой. Выполнив это предписание, мы спокойно летели, стремясь выйти в район с. Всеволожского, с тем чтобы от него, повернув на запад, направиться к Озеркам, где располагалась наша часть. Когда мы подходили к Всеволожскому с юго-

востока, погода была ясная и светила луна. Вдруг неожиданно почти рядом с правым крылом самолета показался тонкий трос, свисавший прямо с неба. Взглянув вверх, я увидел непонятное темное пятно, и только тогда стало ясно, что мы чуть не наткнулись на аэростат воздушного заграждения. Такие аэростаты поднимались в воздух в те ночи, когда ожидалась налеты вражеских бомбардировщиков. К аэростатам подвешивались свободно висающие стальные тросы, которые, несмотря на кажущуюся их тонкость, были в высшей степени опасны для пролетавших самолетов. Дело в том, что идущая на большой скорости машина, летая на спокойно висающей стальной трос, терпела аварию — тонкая стальная нить его буквально разрезала, как это происходит с куском масла при ударе острого ножа. Однако подобных случаев ни я, ни мои сослуживцы не наблюдали, и о таких авариях я слышал лишь на занятиях еще до выезда на фронт. Как бы то ни было, неожиданная встреча с аэростатом воздушного заграждения была непредвиденной, поскольку мы не знали о том, где конкретно и когда намечено поднять эти аэростаты.

Таковы были некоторые необычные, а потому хорошо запомнившиеся мне эпизоды из большой серии довольно однообразных ночных вылетов, в которых мне пришлось участвовать на протяжении первых 2,5—3 месяцев пребывания на фронте. С апреля по мере приближения весны продолжительность ночей стала быстро укорачиваться, что, естественно, сказалось и на сокращении объема нашей ночной боевой деятельности. В светлые ночи тихоходный У-2 превращался в легкодоступную мишень, попасть в которую противнику не представляло труда, и самолет довольно легко можно было сбить еще до того, как он приблизится к цели. Поэтому начиная с мая на все лето и вплоть до ноября наша часть из бомбардировочной превращалась в эскадрилью связи, совершающую полеты только в пределах территории, занятой нашими войсками, без вылетов за линию фронта.

Чтобы как-то подытожить работу, выполненную мной на протяжении первой четверти 1943 г., т. е. в течение начального этапа моего пребывания на Ленинградском фронте, я коснусь двух моментов. Правда, упоминание о них выглядит не слишком скромным, но приводимые факты отражены в официальных документах.

Первый из них заключается в следующем: периодически бывая на заседаниях политотдела 13-й воздушной армии, я с удивлением услышал, что во всей армии было только два заместителя командира по политчасти, которые сами непосредственно участвовали в воздушных боях. В их числе постоянно называлось мое имя. Во всех же остальных частях (авиадивизии, полки и отдельные эскадрильи нашей армии) замполиты выполняли свою службу только на земле.

Второй момент, о котором я собираюсь сказать, — это архивные материалы, совершенно случайно обнаруженные мной сослуживцем Степаном Парфеновичем Зубаревым, вместе со мной обучавшимся летом и осенью 1942 г. на воздушном

факультете Военно-политической академии им. В. И. Ленина. После нашего выпуска он был назначен на один из центральных фронтов, где служил в качестве военного корреспондента в армейской газете. После конца войны мы с ним установили переписку, благодаря которой я узнал, что он увлекся литературной работой и занялся изучением Центрального архива Советской Армии в г. Подольске. Своей задачей он поставил написание книги об участии комсомольцев Удмуртии в Отечественной войне. Этот интерес был обусловлен тем, что С. П. Зубарев был сам из г. Ижевска, т. е. столицы Удмуртии. Копаюсь среди самых различных архивных дел, он заметил знакомое ему имя, и сняв копию с найденного документа, прислал ее мне. Это был наградной лист, в котором чрезвычайно кратко и, во всяком случае, беспристрастно подведены основные итоги того, что было сделано мной за первые 3 месяца пребывания на Ленинградском фронте. Привожу этот документ полностью.

Наградной лист

Тов. Тихомиров в должности зам. командира эскадрильи по политической части работает с 13 января 1943 г. Хорошо организовал партийно-политическую работу, направляя ее на укрепление дисциплины, порядка и на успешное выполнение боевых задач. Воспитывает у личного состава стойкость, мужество, отвагу, любовь, преданность к Родине и ненависть к врагу. Эти качества, воспитываемые личным примером, были направлены на выполнение боевых задач. Лично сам совершил 40 вылетов, при этом нанесен следующий ущерб противнику: подавлен огонь 24 орудий, одной батарее, 32 минометов, уничтожено 5 автомашин, прожекторов — 9, разбросал 114 тыс. листовок среди войск противника. Эскадрилья сплочена и ведет успешную работу. За время работы т. Тихомирова в должности зам. командира по политчасти летчики совершили 442 боевых вылета, в результате подавлен огонь 265 орудий, 3 артиллерийских батарей, минометов — 235. Кроме того, уничтожено и повреждено: автомашин — 23, вызвано крупных очагов пожара — 4. Распространено среди войск противника — 424 тыс. листовок. Постоянно связан с личным составом и проявляет большую заботу о материально-бытовых и культурных нуждах подчиненных, проявляя себя смелым, волевым, инициативным политработником.

За умелое руководство партийно-политической работой, проявленные при этом настойчивость, инициативу, мужество и отвагу, представляю т. Тихомирова к правительственной награде — ордену Отечественной войны II степени.

Начальник политотдела 13-й ВА
полковник Шаншашвили
17 апреля 1943 г.

Орден, к которому я был представлен, мне вручили в конце апреля 1943 г. В середине мая в нашу часть приехал представитель Политуправления фронта и привез недавно появившиеся медали «За оборону Ленинграда». Было объявлено общее построение, и каждому военнослужащему нашей эскадрильи была вручена эта правительственная награда, которая стала предметом гордости солдата и офицера, получившего такую медаль.

Летние и осенние месяцы 1943 г. В самом конце мая 1943 г. пришел приказ Верховного Главнокомандующего о том, что для укрепления полного единоначалия в мелких подразделениях, таких, как роты, эскадроны, батареи, эскадрильи и т. п., вся ответственность не только за боевую, но и за политическую

работу целиком возлагается лично на командира соответствующей части. Согласно этому приказу, была упразднена должность замполита в этих подразделениях. Все освободившиеся политработники направлялись на переподготовку. В частности, меня было намечено послать в г. Ташкент на курсы начальников штабов авиационных частей. Подобная перспектива переезда на учебу в тыл, а затем возвращения, но уже на штабную работу показалась мне непривлекательной, поскольку с самого начала войны я постоянно стремился к непосредственному участию в боях. Поэтому я подал рапорт на имя члена военного совета как высшего из командиров, которому подчинялись все политработники фронта, с просьбой оставить меня в части с переводом на строевую, т. е. боевую, работу.

Член военного совета вызвал меня и, высказав недоумение по поводу содержания моего рапорта, стал доказывать, что переход на штабную работу открывает далеко идущие перспективы дальнейшего роста, тогда как перевод на положение строевого командира может создать у личного состава мнение о снижении в должности, тем более что это повлечет за собой и уменьшение оклада почти на одну треть. Член военного совета сказал, что в этом случае надо будет мне перейти в другую воинскую часть, чтобы избежать возможных неприятностей, которые часто возникают в случае перемещения офицера на более низкую должность, поскольку в этом случае лица, обиженные этим бывшим командиром, стремятся без всякой опаски отомстить ему. Но подобных эксцессов я совершенно не ожидал и настойчиво попросил оставить меня в моей эскадрилье, к которой я уже привык.

Оказалось, что поступил я правильно, так как за период своего дальнейшего пребывания на фронте я ни разу не столкнулся с неприятностями в отношениях с сослуживцами и, более того, подавляющее большинство младших военных специалистов и офицеров стали относиться ко мне не просто с уважением, но и по-дружески, так что даже после ранения и перехода к гражданской жизни я еще долгое время продолжал получать от разных лиц товарищеские письма, особенно с просьбами посоветовать, куда им пойти после окончания войны. И теперь, спустя столько лет со времени окончания войны я сохранил дружеские связи со многими моими боевыми товарищами. По распоряжению штаба армии было проведено испытание уровня моей военной подготовки, после чего меня назначили штурманом авиазвена.

В самом начале июня наша часть перебазировалась в район д. Рыбачье на берегу Большой Охты, где находился сооруженный в первые месяцы войны довольно примитивный пустыющий аэродром, расположенный на заброшенном пахотном поле, вполне пригодном для наших легких самолетов. Все лето и начало осени мы непосредственного участия в боевых действиях не принимали и лишь изредка летали по связи в пределах расположения частей Ленинградского фронта, а иногда и через Ладогу на один из ближайших аэродромов, расположенных уже на Большой земле. Изредка противник обстреливал район

нашего аэродрома, имея, по-видимому, целью расположенные несколько ближе к городу пороховые склады, куда однажды ему удалось попасть, о чем свидетельствовал большой взрыв. Во время этого обстрела несколько снарядов разорвались в непосредственной близости от деревенских домиков, в которых мы разместились. В этот день, возвратившись с аэродрома к себе, я обнаружил, что в измятую подушку врезался остроугольный перекрученный обломок снаряда длиной в 25—30 см. Он пробил, вернее, прорезал бревенчатую стену хаты и, потеряв скорость и силу удара, погрузился в подушку. Естественно, что если бы на ней кто-нибудь лежал, то он не отделался бы одним лишь испугом. Но в основном наша жизнь текла спокойно, отнюдь не по-фронтовому.

После моего перехода на строевую должность в качестве штурмана звена я все же не был полностью освобожден от политической работы, так как командир эскадрильи, сам никогда не занимавшийся политико-воспитательной деятельностью, систематически стал давать мне поручения такого рода. В частности, я должен был периодически выступать с докладами о международном положении перед личным составом нашей части. Для подготовки таких материалов меня время от времени направляли в город на разного рода инструктажи и прослушивания дополнительной информации о положении на различных участках советско-германского фронта. Поездки в город с этой целью были далеко не всегда безопасными. Так, однажды, сойдя с трамвая, шедшего по Литейному проспекту, на углу Невского я оказался в районе, подвергшемся обстрелу, и меня в числе других пешеходов буквально насильно загнали в подворотню дома с предупредяющей надписью на синем фоне, о которой я уже упоминал, описывая свои первые ленинградские впечатления. Пока я вместе с другими военными, оказавшимися в арке, образованной воротами большого дома, переждал окончание обстрела, один из немецких снарядов попал прямо в трамвай, пересекавший Невский проспект, и это привело к большому числу жертв среди гражданских лиц и военнослужащих, находившихся в вагоне.

В другой раз, уже в конце лета, я слушал и конспектировал лекцию, которую читал один из полковников Политуправления. Это происходило в зале помещения на Литейном, почти на углу с ул. Некрасова. Теперь, кажется, там располагается Центральный лекторий общества «Знание». И вдруг на полуслове лектора раздалась команда: «Встать! Всем немедленно в укрытие!» Пришлось спуститься в подвал, хотя до того времени я, за исключением единичных случаев, не прятался в период обстрелов. На этот раз пришлось подчиниться общей команде. Из подвала были слышны звуки разрывов бомб, сброшенных самолетами противника, и выстрелы наших зениток. Когда прозвучал отбой, сообщили, что продолжение лекции отменяется, так как кровля над зданием была пробита двумя сравнительно небольшими бомбами, оказавшимися все же достаточными, чтобы серьезно повредить помещенне зала.

В середине лета 1943 г. было сообщено, что находящиеся на фронте специалисты некоторых дефицитных специальностей, и в том числе геологии, главным образом нефтяники, должны подать рапорт о возвращении их из армии в тыл для перехода на гражданскую работу в соответствии с их квалификацией. Один из штурманов нашей эскадрильи, кажется, Ермаков, воспользовался этим приказом и вскоре был отозван в тыл, но я не подал рапорт, хотя многие мои сослуживцы знали, что я геолог, и остался в своей части.

В течение осени многие наши экипажи периодически направлялись в немецкий тыл к партизанам для выполнения отдельных опасных заданий. Мне тоже захотелось принять участие в выполнении такого приказа, и я обратился по этому поводу к командиру эскадрильи. Он пообещал мне при первом же следующем распоряжении штаба направить меня в состав экипажа очередного самолета. В начале декабря пришел приказ о выделении опытного экипажа в полном составе (пилот, штурман и техник) для выполнения особо ответственного задания. Нас вызвали в штаб армии и дали предписание немедленно направиться поездом в Москву для получения дальнейшего распоряжения. Это было совершенно непонятно, и мы бесполезно старались угадать, что бы это могло значить.

Поезд шел глубокой ночью вдоль южного берега Ладожского озера, по той узкой полоске, которая была в конце января того года в тяжелейших боях отбита у противника и теперь крепко удерживалась нашими войсками. Были слышны близкие артиллерийские разрывы, но все это было привычно, и мы спокойно спали. На следующий день мы были уже в Москве и тут же явились в управление ВВС, располагавшееся где-то на Пироговке. Там мы получили новое предписание, согласно которому предстояло ехать дальше в тыл по Казанской дороге до станции Козловка. Из предписания мы с чувством искреннего разочарования узнали, что наши предположения и надежды на выполнение какого-то особо важного поручения оказались необоснованными: нам предписывалось получить на самолетостроительном заводе машину типа По-2, построенную в варианте, специально предназначенном для полета с высокопоставленным лицом, испытать ее при приемке и транспортировать до Ленинграда, с тем чтобы передать в штаб фронта.

С некоторым разочарованием и даже обидой мы отправились в Козловку для выполнения приказа. Завод этот располагался в отдалении от станции в лесу и имел чрезвычайно примитивный облик. Здесь до войны изготовлялась фанера, а теперь завод переделали для строительства легкомоторных самолетов, изготовлявшихся главным образом из фанеры и деревянных реек, обтянутых перкалем. На заводе выпускались разновидности машин типа тех, на которых летала наша эскадрилья. Тут, кроме ночных бомбардировщиков, изготовлялись машины и санитарные и работавшие по связи, а также персональные самолеты для командующих армиями и фронтом. Выяснилось, что получить

машину мы сможем лишь через несколько дней, и пока нас поместили в общежитие при местном клубе. У входа я обратил внимание на большое объявление, на котором было написано, что новогодняя елка для рабочих младшего возраста состоится днем такого-то числа.

Смысл этого объявления стал мне понятен, когда, побывав на заводе, я узнал, что работают там в основном женщины и мальчики от 14 до 17 лет. Мы обратили внимание, что повсюду снуют небольшого роста худенькие мальчишки, которым с первого взгляда нельзя было дать больше 11—13 лет, но это были настоящие кадровые рабочие, изготовлявшие боевые самолеты для фронта. В цехах большинство таких рабочих стояли у своих станков на деревянных ящиках, так как иначе они не могли достать до инструмента. На внешнем виде этих ребят сказались два с половиной года систематического недоедания, вызванного тяжелыми условиями военного времени, а также и та большая физическая нагрузка, которая ежедневно выпадала на их долю. И все же они оставались нормальными ребятами, которые весело бегали, шутили и играли в снежки, выходя за пределы завода. Среди рабочих завода было только 8 человек взрослых здоровых и сильных мужчин, на которых была возложена обязанность устанавливать, крепить и опробовать моторы на только что построенных самолетах.

В самом начале января, получив машину, мы вылетели на север через Арзамас, Шую и Череповец. В этом последнем пункте из-за непогоды мы просидели более двух недель, а тем временем под Ленинградом развернулись жестокие бои и по всему фронту противник начал отступать. 25 января 1944 г. мы прилетели в Ленинград и сдали самолет, а два дня спустя Москва салютовала войскам Ленинградского и Волховского фронтов, полностью освободившим наш многострадальный город от 900-дневной жестокой блокады и погнавшим гитлеровцев далеко на запад. Вскоре наша эскадрилья вместе с командованием фронта и 13-й воздушной армией стала перебазироваться вслед за передовыми частями.

Последние дни на фронте. Перемещаясь на юг и запад, мы в редких сохранившихся деревнях не встречали ни одного человека, ни даже собаки — всех немцы угнали при своем отступлении. В домах остались только кошки, подтверждавшие ту свою характерную особенность, что они привыкают к определенному месту и стараются не покидать его, тогда как собаки следуют за своими хозяевами. Кроме небольшого числа уцелевших, хотя и совершенно пустых деревень, подавляющее большинство их было нацело уничтожено и сожжено так, что среди сугробов снега можно было только заметить отдельные торчащие печные трубы.

Февраль, март и начало апреля 1944 г. мы довольно много летали днем, выполняя задания по связи между командованием и отдельными наступающими частями. Телефонная связь часто

не поспевала за быстро перемещающимися передовыми частями и командными пунктами, а радио использовалось не всегда, так как противник мог подслушивать секретные переговоры. Поэтому применяли старый надежный способ: передача приказа в письменном виде. Мы брали в полет несколько трубок, в которые закладывались распоряжения, и, подлетев на низкой высоте к назначенному пункту (обычно это бывала землянка), делали над ним круг, а когда из нее выходил человек, сбрасывали соответствующий выпел, к которому была прикреплена длинная цветная лента, чтобы его легче было найти и подобрать. Увидев, что выпел подобран, мы продолжали свой полет к следующему адресату. Во время этих полетов по связи можно было во многих местах наблюдать следы длительного пребывания противника. Так, южнее Пулково на значительной площади были видны ряды выкопанных могил. С немецкой аккуратностью они располагались строго по одной линии в несколько параллельных рядов, и можно было насчитать свыше сотни близко расположенных пустых могильных ям, которые были подготовлены заблаговременно в связи с предполагавшимися длительными боями. Но наше наступление на этот раз развивалось так стремительно, что гитлеровцы не успели подобрать и захоронить трупы погибших своих солдат и офицеров, оставшихся лежать на поле боя еще длительное время после отхода немецких частей.

Я упомяну еще один запомнившийся мне характерный признак пребывания на этой земле гитлеровцев. Пролетая над довольно большим участком, где не осталось даже признаков какого-либо жилья, так как все было засыпано глубоким снегом, я обратил внимание на единственное сохранившееся здесь сооружение в виде двух массивных столбов высотой примерно в 3—3,5 м с прикрепленным между ними бревном, на котором болталось несколько обрывков веревки. Эти столбы с поперечным бревном, напомиравшие какое-то спортивное сооружение, были виселицей.

Сохранились и иные отпечатки следов пребывания фашистов. Однажды мы получили задание отвезти приказ командования фронтом в штаб воинского соединения, располагавшийся в г. Гдов, на восточном берегу Чудского озера. Этот небольшой городок уцелел, и в нем осталась значительная часть жителей. Наш самолет совершил посадку на небольшом аэродроме, расположенном в непосредственной близости от города, и я побегал с пакетом для вручения его лично начальнику штаба. На улицах, по которым я шел, попадались единичные пешеходы, мужчины и женщины, поведение которых меня совершенно обескуражило. Каждый из них, увидев советского офицера, отходил с тротуара в сторону и, стоя на проезжей части дороги, низко кланялся. Сперва я подумал, что это они приветствуют приход советских войск, но затем выяснилось, что это типичный отголосок того требования, которое привили местному населению оккупанты, заставлявшие каждого жителя

стоять в низком поклоне, пока мимо проходили военнослужащие. Очевидно, за два с половиной года оккупации такое поведение уже вошло в привычку.

В марте и начале апреля каждую ночь до нас доносился непрерывный гул самолетов и потом глухие разрывы сбрасывавшихся ими бомб. Это регулярно «работали» советские тяжелые ночные бомбардировщики из полка, которым командовала полковник Валентина Степановна Гризодубова. Ее полк был укомплектован очень опытными летчиками гражданской авиации, которые относились с большим уважением к своему командиру и за глаза называли ее «мать», хотя она была моложе почти каждого из них. Этими ночными налетами на города Кингисепп и Нарву, превращенные противником в почти непреодолимые крепости, бомбардировщики пробивали пути к освобождению Эстонии.

С середины марта наша эскадрилья базировалась в д. Ситенка близ р. Луги. Здесь на небольшом поле мы расчистили взлетно-посадочную полосу, взорвав на ее продолжении в обе стороны высокие деревья, за которые могли зацепиться самолеты. Эта модельная площадка вполне успешно служила нам, пока не начались оттепели и не возникла необходимость подобрать подходящую полосу на более высоком месте, где не скапливались бы талые воды. Такой участок был выбран на левом берегу р. Луги вниз по ее течению, вдалеке от Ситенки. Поскольку передовые части вместе с саперами ушли далеко вперед и находились уже под Псковом, весь личный состав эскадрильи принял самостоятельную за сооружение взлетной полосы. На ней, кроме нескольких единичных сосен, выступали также и крупные валуны, оставшиеся от ледниковой морены, сохранившиеся еще со времени материкового четвертичного оледенения. Убрать эти препятствия, т. е. деревья и гранитные валуны, возможно было, только подорвав их. Для решения такой задачи мы имели лишь несколько килограммов тола, 3—4 м бикфордова шнура и коробку пистонов со взрывателями. Специалистов по взрывному делу у нас не было, и за эту работу взялись я и инженер эскадрильи капитан Старовойтов, поскольку, будучи геологом, я имел элементарное знакомство с подобной процедурой.

В первый день мы успешно подорвали несколько деревьев и один из крупных валунов, но на этом тот небольшой запас взрывчатки, которым мы располагали, полностью иссяк. На следующий день — было это 18 апреля 1944 г. — мы решили попробовать поискать остатки взрывчатки, которые могли сохраниться около небольшого взорванного моста через речку, впадавшую в Лугу с правого берега. Мы со Старовойтовым отправились по левому берегу реки вниз по ее течению. Река еще не вскрылась и полностью была скована льдом. Примерно через 2 км после выхода из Ситенки мы миновали небольшой деревянный мостик, перекинутый через овраг, и пошли дальше. Здесь стоял столб с немецкой надписью на доске: «Scheleso». Это был указатель, который немцы обычно ставили у населенных пунктов для ориенти-

ровки своих военнослужащих. Деревня Железо была целиком сожжена, и лишь вдоль дороги, по которой мы шли, сохранились единичные полуразвалившиеся печные трубы. Через несколько километров начинался большой партизанский район, куда противник в течение всей войны не смог прорваться, но в непосредственной близости от него гитлеровцы разрушали и сжигали все населенные пункты. Мы прошли еще примерно 2 км, пока на правом берегу Луги не показались остатки взорванного моста, где мы надеялись найти неиспользованную взрывчатку. Мы стали спускаться в долину реки, чтобы подойти к этому месту поближе. На склоне довольно высокого берега, по которому мы спускались, среди глубокого слоя снега стали то и дело попадаться неразорвавшиеся немецкие противотанковые мины и гранаты. Мы решили, что они вполне подойдут для нашей цели, ради которой мы пошли в этот поход, т. е. для расчистки взлетной полосы сооружавшегося нами временного полевого аэродрома. Поэтому мы стали подбирать эти мины и гранаты и, вывинтив взрыватели, подносить их к дороге, где складывали, с тем чтобы завтра приехать за ними на машине.

Мы занимались этим не менее часа, когда в очередной раз я стал спускаться вниз по склону, а мой товарищ шел мне навстречу, неся обычную 5-килограммовую противотанковую мину, напоминающую двояковыпуклую сковородку. Он подозвал меня, сказав, что никак не может извлечь взрыватель, который как-то необычно запутан тонкой проволокой. Я стал приближаться к нему и находился уже примерно в 5 м, когда вдруг раздался сильнейший взрыв. О том, что было дальше, я точно сказать не могу. По-видимому, я какое-то время пролежал в снегу и только тогда стал соображать, что же произошло. Стояла абсолютная тишина, если не считать необычного монотонного шума, раздававшегося со стороны моего левого уха (как впоследствии выяснилось, от звука близкого взрыва в нем лопнула барабанная перепонка). По лицу текла какая-то липкая жидкость, не то кровь, не то стекловидное тело из глаза, и я ничего не видел. Несколько раз я окликал капитана Старовойтова, но он молчал, и я понял, что от мины, разорвавшейся у него в руках, он либо погиб, либо тяжело ранен.

Дальнейшее изложение того, что имело место в ближайшие минуты, часы, дни и даже в течение нескольких недель, я не могу дать в четкой последовательности. Короткие отрывки эпизодически возникают у меня в памяти, причем я твердо не уверен, что именно происходило раньше, а что позднее. Поэтому теперь, как бы перебирая эту перетасованную колоду карт-воспоминаний, я делаю попытку разложить эти «карты» в логической последовательности. Но все же пока остаются отдельные белые пятна провалов, которые мешают мне воссоздать связный ход событий.

Попытка подняться и оглядеться окончилась полной неудачей, так как двигаться я почти не мог. Я абсолютно ничего не видел

и не слышал. Спустя некоторое время я начал соображать, что надо выползать хотя бы на дорогу, которая была полностью заброшена. На ней никаких следов от транспорта мы не наблюдали, когда шли мимо остатков д. Железо; по-видимому, за последние три недели после отступления противника и прохода за ним советских войск дорогой совершенно не пользовались и никакие люди здесь больше не проходили, а потому дорога была присыпана тонким слоем свежевывающего снега. Все же я решил, что если выползу на дорогу, то смогу продолжать ползти по ней в сторону деревни, где мы жили. Грудь и левая рука у меня были пробиты в нескольких местах, но я мог ползти, действуя правой рукой и обеими ногами. Я сообразил, что для выхода на дорогу следует ползти вверх по склону, и это решение оказалось правильным. Полз я с трудом, делая большие передышки, но все же продвигаясь вверх по склону, хотя и крайне медленно.

Вдруг я услышал тихие женские голоса. Это было очень странно, так как прежде на этой дороге мы ни разу не встретили ни одного человека, хотя и проходили по ней уже несколько раз в течение последней недели. Я попытался закричать, но у меня не получалось практически никаких звуков, и все же женщины, шедшие по дороге, меня увидели, быстро спустились и стали, по-видимому, рассматривать, так как стояли молча. Мне удалось все же сказать им, что я из части, расположенной в Ситенке. Я попросил сообщить туда, но женщины (их было трое или четверо), посоветовавшись, извлекли откуда-то старенькое стеганное одеяло и завернув меня понесли. Одна женщина, как видно, осталась с маленькими детьми, которых было не менее трех-четырех, а остальные тащили одеяло, в которое был завернут я. Прислушиваясь к отдельным их словам, периодически доносившимся до меня, я понял, что мы уже прошли д. Железо и подошли к оврагу, через который был перекинут небольшой деревянный мост. Теперь же мост оказался сорванным потоком талой воды, стремительно текшей по оврагу. Утром, когда мы проходили это место, никаких признаков таяния снега еще не было заметно, и, как видно, двумя-тремя часами ранее, когда женщины с детьми прошли здесь, мост был еще цел. Недолго думая, они вновь подняли меня на руки и потащили через овраг. Ледяная вода, стремительно текущая в нем, достигала почти до одеяла и, следовательно, была не менее чем по пояс моим спасительницам. Периодически я терял сознание, так что после перехода через поток я забылся и пришел в себя, только когда услышал мужские голоса. Оказалось, что женщины дотащили меня до недавно сооруженного небольшого пункта, расположенного примерно в 500—800 м от первых домов Ситенки. Это, как я думаю, был только что установленный пост ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение и связь). Здесь имелся телефон, и дежурившие там бойцы сообщили о случившемся в штаб.

По-видимому, как раз в этот момент из расспросов военнослужащих, дежуривших на этом пункте, и ответов мне удалось

частично узнать, каким образом принесли меня женщины оказались на такой заброшенной дороге. Позднее в полевом госпитале я услышал из бесед лежавших там раненых еще о некоторых деталях, которые пополнили рассказанное женщинами.

В конце января 1944 г., когда войска Ленинградского фронта по всему рубежу от Финского залива до Ладогои и Волхова перешли в наступление, гитлеровцы после недолгого ожесточенного сопротивления стали постепенно откатываться в южном и западном направлениях. При этом они сгоняли всех женщин и детей к железнодорожным станциям и грузили их в эшелоны, составленные из товарных вагонов. Делалось это быстро, грубо и с немецкой пунктуальностью, так что в населенных пунктах не оставалось ни одного человека. Люди не успевали собраться и прихватывали с собой лишь детей, теплые вещи и имевшуюся еду. Мужчин и подростков-мальчиков в деревнях не оставалось, так как все они еще до этого времени успели уйти к партизанам в густые леса, в центре которых находилось оз. Самро. Из мужчин в этих деревнях были только единичные инвалиды, да еще служившие немцам старосты и полицайи. Их, естественно, тоже сажали в эшелоны. Нашедшие меня женщины были, очевидно, из небольшой деревни, расположенной где-то на самой границе лесного партизанского района, куда немцы заходить не отважились. Их последним «подвигом» была полностью уничтоженная д. Железо. Однако в дни отступления гитлеровцы отважились ворваться и в деревню, стоящую у самой границы партизанского края, и угнать на ближайшую железнодорожную станцию женщин и детей, оказавшихся в своих избах.

Эшелон с товарными вагонами, переполненный пойманными женщинами, с запертыми снаружи дверьми продвигался к юго-западу в направлении Пскова. Не доезжая до него, состав остановился, так как пути оказались разобранными в результате ночной операции партизан. Было это, как видно, в самой середине февраля или в конце марта. Фашисты, охранявшие эшелон, не выпускали людей наружу и не разрешали даже открывать двери. Их не кормили и лишь изредка давали ведро с горячей водой. Однажды, после двухдневного перерыва, во время которого не давали даже воды, вдруг стали разносить ведра с горячим кофе. Естественно, что голодные люди сразу накинулись на него. Это произошло тогда, когда наши войска уже близко подошли к Пскову и с часу на час должны были освободить поезд. Все гитлеровцы уже сбежали, и люди, которым удалось открыть двери вагонов, могли бы выйти наружу. Но оказалось, что кофе был отравлен, и большинство из выпивших его остались лежать в судорогах на полу вагонов или были мертвы. Только некоторые женщины, опасавшиеся подвоха со стороны гитлеровцев, не прикоснулись к кофе и не разрешили пить его своим детям. Эти уцелевшие люди вылезли из вагонов и побрели в сторону Луги и Гатчины, откуда их вывезли. Изможденные и обессиленные, обремененные к тому же детьми, они плелись до своих мест пешком

очень медленно, питаюсь тем, что давали им встречавшиеся советские солдаты и жители уцелевших деревень в районе Псковщины. Очевидно, подобравшие меня женщины только к 18 апреля прошли более чем 100-километровый путь от окрестностей Пскова до родных мест и, несмотря на то что им оставалось всего несколько километров до своей деревни, где они рассчитывали согреться и поесть, они все же приостановили свой путь ради того, чтобы спасти советского офицера.

Я не могу ручаться за абсолютную точность только что изложенных обстоятельств, относящихся к истории, связанной с попыткой гитлеровцев угнать в Германию бесплатную рабскую рабочую силу и с отравлением заключенных в этом эшелоне, так как все перечисленное составлено из отдельных небольших отрывков слышанного мною в разное время и из моих воспоминаний об этом. Но, безусловно, могу поручиться, что нечто подобное имело место.

Но продолжу свой рассказ о том, что происходило после моего появления на пункте ВНОС. Женщины, оставив меня в том же одеяле, которое теперь все было мокрым от крови, не говоря ни слова, пошли в обратном направлении, к своим детям. Как видно, был уже вечер, и присланная за мной машина повезла меня прямо в г. Лугу, где меня поместили в передвижной полевой госпиталь. Я пришел в себя, когда стали разрезать ножницами мою шинель и все обмундирование, поскольку снять его было невозможно, да и не нужно, так как все это было разорвано осколками и пропитано кровью. Врач нашел, что пульс почти не прощупывается, а потому необходимо срочное вливание крови. Но поскольку крови в госпитале не было, он распорядился о подготовке физиологического раствора. В палате, куда меня положили, выздоравливающий солдат, работавший санитаром, был приставлен дежурить у моей койки. Он объяснил мне, что физиологический раствор готовится из обычного кипятка, в котором растворяют обыкновенную поваренную соль. Периодически я засыпал и в очередной раз пришел в себя, когда мне через вену вливали физиологический раствор. Санитар сказал, что влили мне 2 л и что пульс стал более четким. Через 2 или 3 дня подошел санитарный эшелон, и меня на носилках внесли в вагон, в котором были специальные приспособления для крепления носилок. Я не разбираю дня и ночи, а потому не знаю, сколько времени мы ехали до Ленинграда. Отчетливо помню только, как носилки вынесли и поставили на что-то очень холодное, очевидно, это был еще не растаявший снег. Я думал, что замерзну, но в конце концов мои носилки погрузили в автобус и отвезли в госпиталь, располагавшийся на Петроградской стороне. Позже мне сказали, что в начале XIX в. там находился лицей, в котором начал свое образование А. С. Пушкин, еще до перевода лицея в Царское Село.

Первомайский праздник я встречал в палате тяжелораненых. Лицо мое было целиком забинтовано, кроме рта и кончика носа. Я лежал на спине тепло укрытый и не двигался. К нам в палату

вошли пионеры с подарками. Один из них подошел ко мне, постоял, чтобы убедиться, что здесь лежит живой человек, и сказал: «Дяденька, возьмите!» — и положил мне на грудь маленький пакетик. Когда подошла медсестра, она сказала мне, что ребята подарили мне самодельный кисет, сшитый из лоскутка материи, и несколько сухариков черного хлеба. Это все, что могли сделать ленинградцы. Но я хрюю этот примитивный кисет, которым хотя никогда не пользовался, поскольку я не курю, но очень дорожу. В госпитале мне 7 раз делали внутривенное вливание донорской крови, как оказалось, от женщин, так как в этот период именно они привлекались для этой цели. Каждое такое вливание по 180—200 см³ крови вызывало реакцию организма. Первое время это было повышение температуры и сильнейший озноб, но затем реакция стала проходить менее бурно. Благодаря этим вливаниям у меня быстро стала восстанавливаться память, я почувствовал себя окрепшим и начал вставать с постели. Тогда меня признали транспортабельным и отправили в один из московских госпиталей. Там мне сделали несколько различных операций и в самом конце января 1945 г. выписали как инвалида I группы (по зрению).

Этим завершилось мое участие в войне, я был демобилизован и поступил в аспирантуру при Московском геологоразведочном институте имени С. Орджоникидзе (МГРИ) на кафедру общей геологии, которую возглавлял профессор В. В. Белоусов.

Я думал завершить это повествование, однако некоторые мои родные и товарищи, прочитавшие рукопись, стали меня уверять, что в подобном виде статья выглядит случайно оборванной и безусловно требует хотя бы краткого заключения. Согласившись с этим, я решил написать небольшое послесловие.

Вместо эпилога. Диссертационной темой я избрал проблему «Геологическое развитие Малого Кавказа в верхнемеловое время», для которой у меня имелось довольно много полевых материалов, собранных еще в студенческие годы и за небольшой период до начала войны. Руководителем был назначен еще тогда молодой профессор Алексей Алексеевич Богданов — очень добрый, энергичный и внимательный человек. Он сразу же предупредил, что совершенно не знаком с геологией Кавказа, а потому не станет вмешиваться в мою научную работу, но зато будет всячески содействовать в предоставлении мне технической и другой необходимой помощи. Это он тут же организовал, прикрепив ко мне свою помощницу — секретаря, которая читала мне вслух необходимую литературу по 2,5 часа в день. Наряду с этим я по договору с Грузинским геологическим управлением взялся за выполнение работы обзорного характера, близкой по содержанию к моей диссертационной теме. Грузгеолуправление оплачивало содержание моего коллектора, 19-летнего парня, недавно окончившего среднюю школу. Он читал мне и писал под мою диктовку по 6—7 час в день. Сначала это были конспекты первоисточников, а последние полтора года — текст диссертации.

Первоначально имевшаяся у меня надежда на постепенное

восстановление зрения оказалась напрасной. И когда в 1947 г. я узнал, что в Одессе вновь открылась клиника всемирно известного в те годы офтальмолога профессора В. П. Филатова, поехал к нему. Он поместил меня в свою больницу, но сразу же предупредил, что положение со зрением очень сложное и постарается сделать все возможное, что в его силах, но я должен ясно себе представлять, что чудес на свете не бывает. Через полгода, убедившись в справедливости его предсказания, я возвратился в Москву. Но я не стал отчаиваться и с еще большей настойчивостью продолжал свою диссертационную работу. В тот период у меня еще оставался примерно один процент зрения, т. е. я мог видеть на расстоянии 1—2 м движение освещенной руки человека.

К началу 1949 г. я завершил текст диссертации, а мой лаборант вычертил мне около 20 различных карт по данным примерно сотни описанных мною разрезов меловых отложений различных районов Малого Кавказа. При построении литолого-фациальных карт масштаба 1:500 000 я так хорошо изучил месторасположения описанных мною разрезов, что, поставив какой-либо палец на одну из точек, совершенно безошибочно попадал другим пальцем в любую другую нужную мне точку. Подобным образом удалось нарисовать в горизонталях карты фаций и мощностей, получившие весьма положительную оценку со стороны членов ученого совета.

Во время моей защиты 1949 г. было принято решение заслушать диссертацию повторно в качестве докторской, для чего надо было пригласить дополнительно третьего оппонента. В июле, т. е. через 3 месяца, была повторена процедура защиты, завершившаяся благоприятным голосованием, так что в декабре того же года я получил официальный документ о присвоении мне ученой степени доктора геолого-минералогических наук.

После окончания Великой Отечественной войны сильно возрос интерес к истории нашей страны, и в том числе к истории науки. Это обстоятельство способствовало тому, что в июне 1949 г. по предложению члена-корреспондента АН СССР Николая Сергеевича Шатского я был зачислен в Институт геологических наук АН СССР на должность научного сотрудника для выполнения темы по истории геологических знаний. С тех пор я стал настойчиво заниматься этой проблемой, пользуясь постоянно поддержкой Н. С. Шатского, избранного в 1953 г. академиком, а также и академика В. А. Обручева, который уже в 1951 г. одобрил две первые написанные мною работы по истории геологических наук.

В конце 1953 г. у меня произошел инсульт, на полгода выведший меня из строя, вследствие которого у меня стали довольно быстро пропадать остатки светоощущения и зрение понизилось до нуля. Однако это не очень отразилось на моей работоспособности. Я стал довольно много публиковаться в отечественных и зарубежных изданиях. Это были, как правило, разные по объему статьи по истории геологических наук и пять монографий. В процессе преобразования Института геологических наук (ИГН) из него выделился Геологический институт (ГИН), в котором

я возглавил отдел, а позднее лабораторию истории геологии. В 1964 г. я был избран членом-корреспондентом Международной академии историй науки, а в 1966 г. стал действительным членом этой академии.

По моей инициативе в 1967 г. Международный союз геологических наук организовал Международную комиссию по истории геологических знаний, а я был избран ее президентом. Этот пост я занимал два срока, точнее, до 1976 г., а ныне являюсь вице-президентом этой комиссии. В 1981 г. я был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1988 г. президиум АН СССР назначил меня советником дирекции ГИН АН СССР. Я удостоен орденов Октябрьской Революции, Отечественной войны I и II степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и «Знак Почета», а также награжден пятнадцатью медалями СССР.

В. Н. Холодов

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ФРОНТОВОЙ БИОГРАФИИ

Я ушел в армию зимой 1942 г., мне было 17 лет. Как сейчас помню зимнюю Москву, затемненный каток ЦПКО им. А. М. Горького и милиционеров, вылавливающих нас, нарушителей местного регламента, бритых под машинку ребят, которые на беговых коньках совершали последние в своей жизни круги по льду. Беговые коньки и скорость делали нас недосягаемыми для милиции.

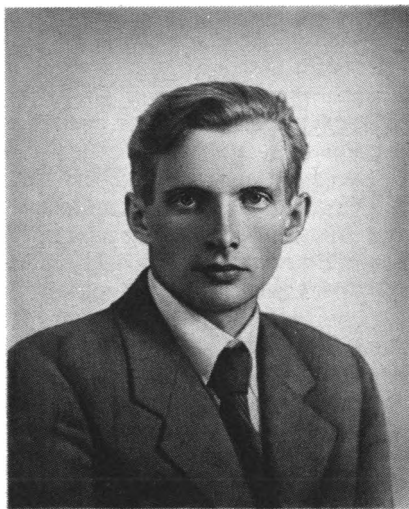
Теплушки и эшелон товарных вагонов Москва—Горький. Двадцать пять бритых ребят на нарах и одновременные повороты всех спящих сразу, иначе было невозможно. Качающийся фонарь и дневальный у печки. На остановках доставали дрова — просто разламывали мирные заборы.

Долгие месяцы обучения на курсах радиотелеграфистов, служба СЭС, доведенная до автоматизма. Некоторое время потом читал вывески и газеты не так, как все нормальные люди, а «морзянкой» — точка, тире, две точки и т. д.

Просились на фронт. Муштра, третья норма и рядом — подвиги на фронте. «Ребятишкам хотелось под танки» (В. С. Высоцкий).

На фронт попал только осенью 1943 г. Было великое наступление, под Киевом были прорваны позиции немцев, и мы были брошены на прорыв. В наступлении все перемешалось. Мы, радисты радиостанции СЦР-299, просто догоняли свои части и тащили эту проклятую радиостанцию на спинах: переход, еще переход, еще переход.

Впервые пытался стрелять в человека в упор в одной из украинских хат. В селе все было занято; свободные хаты были только в СМЕРШе, но мы этого не знали и спокойно могли там спать. Ночью переводчица разбудила меня и приказала расстрелять

Владимир Николаевич Холодов
(р. 1925)

«этого человека». Приказ командира — закон для подчиненных. Я взял автомат и решил выполнить свой гражданский долг. В последний момент выяснилось, что я просто должен был играть роль устрашителя — немец «расколослся», но ужас в моем сердце остался надолго.

По-настоящему воевать пришлось под Житомиром. Мы наступали и наступали. Шли в снегах, и это наступление в памяти осталось как сплошной кошмар; тащили на себе тяжелую рацию.

Весна 1944 г. застала нас в районе Тернополя; город был сильно укреплен, и мы его брали штурмом. Здесь, однако, непосредственного участия в боевых

операциях нам принимать не пришлось. Мы просто работали с полковником С. Васильевым, который руководил действиями стрелкового полка. Тернопольская операция кончилась в то время, когда 1-й Украинский фронт далеко ушел на запад. Наш 94-й армейский стрелковый корпус был в полном составе переброшен на Ленинградский фронт. Здесь мы впервые приняли участие в настоящей боевой операции: три дня наша авиация бомбила то, что еще оставалось у немцев за р. Свирь. Передовая там была «снята» полностью, а 6-часовая артподготовка уничтожила на том берегу все, что там было живого. Когда наши полки начали переправу, на той стороне не было ничего; один пулемет сразу подавили гранатами.

Последнее и самое тяжелое боевое крещение я принял после того, как нашу часть перебросили в район р. Вуокса, на знаменитый вуоксинский плацдарм, правее г. Выборга. В то время это был «пяточок» размером 1×2 км. В пределы этого участка ввели три стрелковых полка, одну моторизованную дивизию и массу вспомогательных войск. Всю эту массу людей и техники пропустили, а через день устроили на плацдарме «карусель»: орудия били по квадратам, авиация пикировала прямо со своей стороны, а минометы устроили настоящий ад.

Трудно воспроизвести в памяти, как мы держали плацдарм в течение этой летней недели. Поверьте, самое страшное на войне — трупный запах! Помню туманное утро, когда мы сменялись; от стрелковой роты осталось 7 человек и наша рация. Пехота, пришедшая на смену, занимала окопы, а мы никак не могли получить сверху «СК» (связь кончаю). Потом пришло разрешение, но уже занималась заря, дорога простреливалась, переправу

бомбили. Возвращение на наш берег прошло как азартная игра с финскими минометчиками: чет или нечет?

Потом было всякое, но эти эпизоды мне врезались в память — ведь это была юность, это была весна! И где-то впереди была Победа!

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Холодов Владимир Николаевич родился 21 августа 1925 г. Был призван в армию зимой 1942 г. Служил на 1-м Украинском и Ленинградском фронтах. Демобилизовался в 1945 г. в звании старшего сержанта. В 1951 г. закончил геологоразведочный факультет по специальности инженер-геолог нефти и газа Московского нефтяного института. В 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию. Ученую степень доктора геолого-минералогических наук получил в 1971 г. В системе Академии наук СССР работает с 1948 г.: сначала в Институте геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии (1948—1955), затем в Институте минералогии и геохимии редких элементов (1956—1967). С 1967 г. и по настоящее время работает в Геологическом институте АН СССР. В. Н. Холодов — лауреат Государственной премии СССР, награжден орденом Отечественной войны II степени и 10 медалями СССР.

Л. Е. Штеренберг

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СТАРШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА, КОМАНДИРА БАТАРЕИ

Родился в 1913 г. После окончания рабфака при Московском планово-экономическом институте поступил в Московский нефтяной институт им. И. М. Губкина. Сразу же после окончания института, где получил специальность «горный инженер-геолог», в 1940 г. призвали в ряды Советской Армии. Послали в Забайкалье, где служил в конной артиллерии наводчиком орудия (красноармеец). К концу 1940 г. нашу часть перевели в МНР на охрану восточных границ (район оз. Буйер—Нур).

Когда началась Великая Отечественная война, я был направлен на 2-месячные курсы младших лейтенантов, после окончания которых был назначен командиром минометного взвода 82-мм минометов. В 1942 г. послали на курсы повышения квалификации, после окончания которых с назначением на должность командира батареи в учебном батальоне было присвоено звание лейтенанта, а затем старшего лейтенанта. Примерно через год — назначен командиром батареи 120-мм минометов в стрелковом полку одной из дивизий Забайкальского военного округа.

В 1945 г. по приказу Верховного Главнокомандования мы вместе с другими частями с боями против войск японских милитаристов вышли через Хинганский хребет в Китай. Награжден за образцовое выполнение задания командования орденом Красной

Лазарь Ефимович Штеренберг
(р. 1913)

Звезды. Мне также были вручены медали за победу над Германией и Японией.

По окончании военных действий против японских войск мне неоднократно приходилось выполнять отдельные задания командования нашей дивизии.

Хочется вспомнить один из случаев, свидетельствующих об отношении китайцев к воинам Советской Армии. При поездке в один из небольших городков Северного Китая мне и четверем солдатам из нашей батареи пришлось проезжать его по узким кривым улочкам. На одном из поворотов мы увидели, что впереди нас продвигается тяжело нагруженная двухколесная тележка, в которую впряглись четверо китайцев.

Увидев нас, китайцы настолько испугались и растерялись, что бросили повозку и сразу исчезли. Повозка их, естественно, опрокинулась, а мешки и ящики, лежащие на ней, попадали на мостовую. Подъехав, мы бросились дружно поднимать их рассыпанные вещи. Нагрузили и потащили довольно далеко по улочке, пока не нашли удобного места, где тележка и машина могли разъехаться. Нам пришлось сравнительно долго ждать, пока хозяева поняли, что солдаты Советской Армии не будут их ругать и тем более бить, как это делали солдаты и офицеры японской армии.

После возвращения в составе наших войск на Родину, я был назначен командиром батареи управления командующего артиллерией корпуса.

Демобилизовался в 1946 г. как специалист народного хозяйства с обязательным направлением на предприятия, занимающиеся поисками и разработкой чрезвычайно важного для страны стратегического сырья. Награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Таджикской республики.

С 1950 г. работаю в Институте геологических наук, преобразованном в 1956 г. в Геологический институт АН СССР. В 1957 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1980 г. получил звание доктора геолого-минералогических наук.

ОТ РЕДАКЦИИ

Штеренберг Лазарь Ефимович награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени и 7 медалями СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Данчев В. И.</i> На лужском рубеже обороны Волховского фронта	7
<i>Дергунов А. Б.</i> Заметки о военных днях	12
<i>Елисеева О. П., Зеленова О. И.</i> Сандружинницы 84-го отдельного медико-санитарного батальона	24
<i>Звягинцев Л. И.</i> На танке до Берлина	27
<i>Камшилина Е. М.</i> Военный геолог на фронте	34
<i>Клитин К. А.</i> Трудный путь	36
<i>Корин И. З.</i> На Карельском и 2-м Белорусском фронтах	38
<i>Коробов М. Н.</i> Фронтные воспоминания	40
<i>Косыгин Ю. А.</i> Воспоминания военного времени	44
<i>Кулик-Павский В. А. Л. А. Кулик</i> в ополчении. За Родину, за честь, за свободу	50
<i>Ляхович В. В.</i> Гвардейские воздушно-десантные	63
<i>Мирлин Г. А.</i> Незабываемые 1941-й и 1945-й	70
<i>Штеренберг Л. Е., Раабен М. Е., Комар В. А., Кузнецов К. М. Н. П. Михайлов</i> — боец-партизан	79
<i>Осипов М. А.</i> В партизанах на Псковщине	81
<i>Перельман А. И., Рехарский В. И.</i> Геологическое обеспечение фронтов Великой Отечественной войны	112
<i>Пуцаровский Ю. М.</i> На войне как на войне	118
<i>Рахманов В. П.</i> Годы войны	128
<i>Сергеев Е. М.</i> Так было в начале войны	132
<i>Сидоренко К. П.</i> Александр Васильевич Сидоренко	165
<i>Суслов А. Т.</i> В дивизии народного ополчения	168
<i>Тихомиров В. В.</i> На Ленинградском фронте	170
<i>Холодов В. Н.</i> Несколько слов о фронтовой биографии	211
<i>Штеренберг Л. Е.</i> Из воспоминаний старшего лейтенанта, командира батареи	213

CONTENTS

Preface	5
<i>Danchev V. I.</i> At the Luzhsk's defensive line of the Volkhov's front . . .	7
<i>Dergunov A. B.</i> The war-days notes	12
<i>Eliseeva O. P., Zelenova O. I.</i> The sanitary-combatants of the 84-th detached medical-sanitary battalion	24
<i>Zvyagintsev L. I.</i> In the tank to Berlin	27
<i>Kamshilina E. M.</i> Military geologist in the war	34
<i>Klitin K. A.</i> Hard route	36
<i>Korin I. Z.</i> On the Karelian and the Second Belorussian fronts	38
<i>Korobov M. N.</i> War-time memoirs	40
<i>Kosygin Yu. A.</i> War-period memoirs	44
<i>Kulik-Pavski V. A. L. A.</i> Kulik in the people's volunteer. Corps-for Motherland, for Honour, for Liberty	50
<i>Lyakhovitch V. V.</i> Air-landing guardian forces	63
<i>Mirlin G. A.</i> Unforgettable 1941 and 1945	70
<i>Shterenberg L. E., Raaben M. E., Komar V. A., Kusnetsova K. M.</i> N. P. Mikhailov — the partisan fighter	79
<i>Osipov M. A.</i> At partisans in Pskov-region	81
<i>Perelman A. I., Rekharski V. I.</i> The geological security of the fronts of the Great Patriotic war	112
<i>Pushcharovski Yu. M.</i> In the war as in the war	118
<i>Rakhmanov V. P.</i> The war-years	128
<i>Sergeev E. M.</i> Such was in the beginning of the war	132
<i>Sidorenko K. P.</i> Alexandr Vasil'evich Sidorenko	165
<i>Suslov A. T.</i> In the division of people's volunteer corps	168
<i>Tikhomirov V. V.</i> On the Leningrad front	170
<i>Kholodov V. N.</i> Some words about war's biography	211
<i>Shterenberg L. E.</i> From memoirs of senior lieutenant, the battery commander	213

3 p. 20 к.

• НАУКА •